

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

144

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 144

TRIMESTRIEL

I - II - 1985

I - II - 1985

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

№ 144

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1985 год: Франция — 215 Фр.
Другие страны, *Sea Mail* — 240 Фр. / \$ 35
 AIR MAIL — 300 Фр. / \$ 40

Цена отдельного номера : 80 Фр. / \$ 10 (без пересылки)

Чеки выписывать на имя : «LE MESSENGER»

(Почтовый счет ССР : № 23-601-57-U Paris).

ИЗДАНИЕ

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 144

TRIMESTRIEL

I - II - 1985

Copyright © Le Messenger. Paris 1985.

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

"В дни сомнений..."

Еще совсем недавно тысячелетие крещения Руси мерещилось таким далеким, почти нереальным, и вдруг приблизилось, стало осязаемым: теперь уже неполное трехлетие отделяет нас от этого славного и горького события.

Славного: ибо крещение дало России все, вернее, создало ее. Нация, государственность, культура родились, оформились в крещальной купели. Христианство дало образ, лепоту, смысл разрозненным, кочующим, бесформенным племенам, оно их соединило, включило в исторический процесс, оплодотворило. Всеми своими высшими достижениями Россия обязана христианству, от Софии Киевской, от иконы Троицы Рублева — этого вещественного доказательства бытия Божия (по слову о. Павла Флоренского) — до великой пророческой русской литературы XIX и XX веков.

Горького: ибо "русская история не удалась" (В. Вейдле). В несчастнейший 17-й год Россия вновь подпала под чары и власть духов злобы и тьмы, демонов глухонемых, от которых, рождаясь к историческому бытию, она навсегда, казалось бы, отреклась. Российским пространством, русской душой овладели антихристианские силы, проявившие себя — новое доказательство бытия Божия от противного — силами исключительно разрушительными. Россия обескровилась, обездушилась, раздухотворилась. Русская история сорвалась, и в обозреваемом будущем не видно, как она вернется на свой исконный путь.

"В дни сомнений, в дни тягостных раздумий..." (Тургенев) "поддержкой и опорой" служит уж не просто и не только язык, а созданная им, из него "великая, могучая, правдивая и свободная" русская литература.

Юбилей крещения Руси знаменательным образом окружен памятными датами (100-летие со дня рождения) целой плеяды русских поэтов: будущий год соединит двойное чествование Гумилева и Ходасевича, сразу после 1988 года чередой пойдут столетия Ахматовой (89), Пастернака (90), Мандельштама (91), Цветаевой (92) и т.д.

Поэзия всегда не только словесное чудо, но и религиозное действие. Тонкая черта отделяет поэзию от молитвы. "Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв". Антилитературой поэзия подлинная никогда не бывает. Даже безверный Фет, скептик и пессимист, и тот своими трепещущими стихами, как свидетельствуют полученные нами отклики на спор о нем, не только услаждает слух и ум, но и приоткрывает, удостоверяет реальность духовного мира. У поэтов XX-го века, у тех особенно, чьи имена связуются с тысячелетием крещения Руси, религиозное действие проступает еще отчетливее. В их стихах рассыпаны исповеднические формулы-заклинания:

Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

(Гумилев, 1912)

Я христианства пью холодный горный воздух

(Мандельштам, 1919)

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово...

(Ахматова, 1946)

Я в гроб сойду, и в третий день восстану.

И, как сплавляют по реке плоты,

Ко мне на суд, как баржи каравана,

Столетия поплывут из темноты.

(Пастернак, 40-е годы)

Слова не на ветер: они пронизывают все творчество, они закреплены мученической кончиной (Гумилев, Мандельштам), травлей и поношениями (Ахматова, Пастернак). Как было изначально в Киевской, в Новгородской, в Московской, так и после двойной секуляризации, в Петербургской и Советской Россиях, искусство осталось неотторжимо от религии, обретая в этом слиянии гармонию и полноту.

И чуть меняя слова Тургенева, не скажем ли мы, как и он: нельзя верить, чтобы такое искусство, такая поэзия не были даны великому народу.

Никита Струве

Богословие, Философия

Прот. Александр ШИМЕАН (1921–1983)

ТАИНСТВО СВЯТОГО ДУХА*

1. Белая одежда

Сразу же после троекратного погружения в воду новокрещеный облачается в белое одеяние, которое в литургических текстах и в святоотеческих писаниях именуется также блистающей ризой,¹ ризой царскою,² одеждой нетления³ и т.п.

И облачая его во одеяния, священник глаголет:

— Облачается раб Божий имярек в ризу правды, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

И поется тропарь:

Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш.

Это один из наиболее древних ритуалов крещального богослужения, причем ему отводится довольно важное место в ранних объяснениях крещения.⁴ Со временем, однако, первоначальное понимание этого ритуала сузилось и свелось к чисто внешней символике. Белая одежда, говорят нам, символизирует духовную чистоту и праведность, к которым должен стремиться в своей жизни каждый христианин. И хотя это объяснение не содержит в себе ничего неправильного, недостатком его, фактически общим для всех такого рода символических толкований, является то, что

* Третья глава из книги "Водой и Духом. О таинстве крещения". Начало см.: "Вестник РХД", №№ 142 и 143. Перевод с английского осуществлен в Самиздате. Полностью книга выйдет в издательстве YMCA-Press в 1985 г.

оно оставляет без ответа основной вопрос: какова же природа, каково "содержание" этой чистоты и праведности? Однако, как мы уже знаем, сущность богослужения, каждого его обряда и действия состоит в том, что они не только "символизируют" нечто, но в равной степени являют и сообщают то, символом чего они являются. Так и обряд облачения в белую одежду есть не просто напоминание о чистой и праведной жизни и призыв к ней, ибо если бы это было так, то он действительно не прибавлял бы ничего нового к обряду крещения: ведь само собой разумеется, что мы принимаем крещение для того, чтобы жить христианской жизнью, которая, в свою очередь, должна быть как можно более "чистой" и праведной. На самом деле, этот обряд являет и потому сообщает нам радикальную новизну этой чистоты и праведности, этой новой духовной жизни, для которой ново-крещенный уже родился во время троекратного погружения в воду и которая сейчас будет низведена на него "печатью дара Святого Духа".

Нет необходимости доказывать, что мир, окружающий нас, переживает глубокий моральный и духовный кризис. С одной стороны, мы слышим сетования по поводу "нравственного кризиса", причем сами христиане, по-видимому, весьма по-разному оценивают его природу и способы его разрешения. Защитникам "старого доброго" морального кодекса, желающим его реставрировать, противостоят восстающие против его лицемерия и законнического духа апологеты новой нравственности, которую они называют "ситуативной этикой", "этикой любви" и т.п. С другой стороны, в настоящее время наблюдается значительное оживление интереса к "духовной жизни" и поискам ее — причем само это слово прикрывает невероятную духовную путаницу, которая, в свою очередь, порождает великое множество сомнительных духовных "учений" и "рецептов". Тут и мироутверждающая ("торжество жизни") и мироотрицающая ("конец мира") духовность, и экстатическое "Иисусово движение", и восторженное "харизматическое движение", и огромное количество "старцев" и "гуру" всех родов, "трансцендентальная медитация", "дар языков", "восточный мистицизм", новое открытие сатаны и "чародейства", эпидемия "заклинания духов" (экзорцизма) и т.п. А на уровне прихожан,

которых еще не коснулись эти модные и "авангардные" духовные течения, мы по-прежнему видим традиционное сведение христианской жизни к соблюдению различных внешних "обязанностей" и "табу" — уступка, ничуть не мешающая нашим "праведникам" вести фактически полностью секуляризованную жизнь и руководствоваться критериями и нормами, совершенно чуждыми Евангелию.

Я повторяю, что все это свидетельствует о крайнем смещении и об отсутствии подлинного духовного критерия и, прежде всего, трезвения — которое в православной традиции всегда считалось необходимым условием всякой подлинной духовности, — и даже наиболее устремленные к истокам поиски подвержены опасности ухода в сторону и могут привести к духовной катастрофе. Наше время — это время лжи, духовного обмана и подделок, принимающих вид "Ангела света". (II Кор. 11, 14). И основная опасность, основной порок, заключающиеся в этом явлении, состоят в том, что в настоящее время слишком многие люди — включая и наиболее традиционных по видимости "поборников" духовной жизни — рассматривают ее как нечто, замкнутое в себе и почти вовсе не связанное с общим христианским мировоззрением и опытом Бога, мира и человека, с тем, что в совокупности составляет христианскую веру. Я видел, как читают и практикуют "Добротолубие" группы и кружки людей, эзотерические концепции которых не только не имеют ничего общего с христианским мировоззрением, но даже диаметрально противоположны ему. Таким образом, даже "духовность", имеющая наиболее традиционное, наиболее православное обличье, но рассматриваемая в отрыве от всей полноты веры, подвергается опасности стать односторонней, ограниченной и в этом смысле еретической (от греческого *ἑρεσις* — выбор и, следовательно, сужение — ограничение) или, другими словами, превратиться в "псевдодуховность".

Опасность такого рода псевдодуховности существовала всегда. О ней говорит уже св. Иоанн Богослов, который просит христиан: "Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они", — и устанавливает основной критерий такого испытания: "Всякий дух, — пишет он, — который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога". (I Ин. 4, 1–2). Это значит, что критерий "духовности" нужно искать в центральном христианском

учении о воплощении, — центральном потому, что в нем содержится и из него вытекает вся христианская вера, все стороны христианского мировоззрения: творение, грехопадение, искупление, Бог, мир, человек. Но тогда не полнее ли всего эта истинная духовность, это целостное видение человека, его природы и призвания раскрываются в таинстве, непосредственной целью которого является восстановление в человеке его истинной природы, сообщение ему новой жизни путем возрождения его при помощи "Воды и Духа"? И именно в этом контексте обряд облачения в белую одежду, который кажется настолько второстепенным, что о нем даже не упоминают в учебниках догматического и нравственного богословия, приобретает свою истинную значимость, раскрывает свою сакраментальную сущность.

Основным принципом литургического богословия, принципом, редко применяемым в искусственных "символических" толкованиях богослужения, является то, что истинное значение каждого литургического действия открывается в контексте, т.е. определяется его местом в порядке (ordo) следования священнодействий, составляющих богослужение, т.е., другими словами, в том, что каждый обряд получает свое значение и "силу" от того, что ему предшествует, и того, что за ним следует. Так, с одной стороны, обряд облачения в белую одежду завершает собственно обряд крещения, причем облачение в "блистающую ризу", "ризy света" соответствует разоблачению оглашенного перед крещением, его наготe во время погружения в воду избавления. С другой стороны, этим обрядом начинается вторая часть чина посвящения: помазание святым миром, сообщение ново-крещенному дара Святого Духа. И именно эта двойная функция обряда раскрывает истинное содержание новой жизни, смысл ее обновления.

Мы знаем уже, что разоблачение оглашенного перед крещением означает его отречение от "ветхого человека" и "ветхой жизни" — жизни греховной и извращенной. Ведь именно грех открыл Адаму и Еве их наготу и заставил их прикрыть ее одеждой.⁵ Но почему они не стыдились своей наготы до греха? Потому, что они были облачены в Божественную славу и свет, в "красоту неизреченную", которая и составляет истинную природу человека. Они

утратили это свое первое одеяние и "узнали они, что наги". (Быт. 3; 7). Но тогда облачение в "ризу света" после крещения означает, прежде всего, возвращение человека к целостности и невинности, которыми он обладал в раю, восстановление его истинной природы, замутненной и искаженной грехом. Св. Амвросий сравнивает эту одежду с одеждой Христа на горе Фавор. Преображенный Христос являет Свое совершенное и безгрешное человечество не в "обнаженном" виде, но в одежде, "белой, как снег", в нетварном сиянии Божественной славы.⁶ Не грех, а рай являет истинную природу человека; и в крещении человек, возвращаясь в рай, вновь обретает свою истинную природу, свое изначальное одеяние славы.

Итак, завершая обряд крещения, облачение в белую одежду открывает собой следующее действие чина посвящения. Мы облачились в эту "сияющую ризу" с тем, чтобы можно было приступить к миропомазанию. В ранней Церкви не было необходимости объяснять органическую и самоочевидную связь между этими двумя обрядами. Церковь знала три основных значения этого двойного действия, являющего три основных дара, характеризующих "высокое призвание" человека во Христе — царское, священническое и пророческое. Льняной ефод царя Давида (II Сам. 6, 14), священные одежды Аарона и его сыновей (Исх. 28), милоть Илии (Цар. 2, 14), "поставление" царя и священника через миропомазание, пророческий дар как "миропомазание" — все это исполняется во Христе, "соделавшем нас царями и священниками" (Откр. 1, 6), "родом избранным, царственным священством, народом святым" (I Петр. 2, 9), излившим на людей в последние дни от Своего Духа, "дабы они пророчествовали" (Деян. 2, 18). Рожденный заново в крещальной купели, "обновленный по образу Сотворившего его", возвращенный к "красоте неизреченной", человек теперь готов к "уходу" для исполнения своего нового и высокого призвания во Христе. Крещенный во Христа, облекшийся во Христа, он готов принять Святого Духа, Духа Христова, дары Христа Помазанника — Царя, Священника и Пророка — тройственное содержание всякой подлинно христианской жизни, христианской "духовности".

2. Печать дара Духа Святого

Теперь, после крещального погружения в воду и облачения в белую одежду, неопит миропомазуется, или, пользуясь языком богослужения, запечатлевается святым миром. Ни одно из литургических действий Церкви не вызывало столько богословских разногласий, как это второе таинство посвящения; ни одно из них не имело такого разнообразия толкований.⁷ На Западе, как известно, Римская Церковь превратила его в "конфирмацию", освящение "взрослого" вступления в жизнь Церкви, и тем самым нарушила его литургическую связь с крещением.⁸ Что же касается протестантов, то они отрицают сакраментальный характер этого акта, считая, что признание его умалило бы самостоятельность крещения.⁹ Эти западные нововведения, в свою очередь, повлияли на православное "академическое" богословие, которое, как мы уже знаем, восприняло на довольно раннем этапе дух и методы западной богословской мысли. Как и во многих других случаях, православное богословие в своей трактовке миропомазания имеет, главным образом, полемический характер. Так, например, еп. Сильвестр, один из самых известных русских догматистов (в увесистой пятитомной "Догматике" которого только двадцать девять страниц посвящаются таинству святого мира), ограничивает свое изложение всего двумя пунктами: 1) защита — против католиков — литургической связи миропомазания с крещением; 2) защита — против протестантов — его сакраментальной "независимости" от крещения.¹⁰

Такая полемика могла бы быть полезной и даже необходимой, если бы в то же время в ней раскрывалось положительное православное понимание этого таинства, его уникальное значение для веры и опыта Церкви. Однако, трагедия нашего собственного западного и академического богословия состоит в том, что когда оно борется с ошибками Запада, то исходит при этом из тех самых предпосылок и богословского контекста, которые ведут к этим ошибкам. На Западе спор по поводу "конфирмации" был результатом более широкого явления — расхождения между *lex orandi*, литургической традицией Церкви, и богословием, — которое мы уже квалифицировали как "первобытный грех" всей богослов-

ской схоластики. Вместо того, чтобы "воспринять" смысл таинств из литургической традиции, богословы создали свои собственные определения таинств и затем в свете этих определений стали интерпретировать церковное богослужение, "втискивая" его в рамки своего собственного априорного подхода.

Мы уже знаем, что эти определения основываются на своеобразном понимании благодати и источников благодати; отсюда и идет "определение" миропомазания как таинства, сообщающего новокрещенному дары (*χαρίσματα*) Святого Духа, т.е. благодать, необходимую для христианской жизни, — определение, которое приводится почти во всех богословских учебниках, как восточных, так и западных.¹¹ Но в этой борьбе православных богословов на двух фронтах — римском и протестантском — даже не ставится вопрос о том, является ли достаточным или даже просто адекватным такое определение. Ибо само это определение неизбежно приводит к западной "дилемме". Действительно, либо благодать, получаемая в крещении, делает любой новый дар благодати излишним (протестантское решение вопроса), либо благодать, сообщаемая во втором таинстве, имеет целиком "отличную" природу, а ее сообщение, ввиду имеющегося отличия, не только может, но даже и должно быть "отделено" от крещения (католическое решение). Но что если сама эта дилемма неправильна, есть псевдодилемма, плод неправильных посылок и, следовательно, неверных определений? Вот вопрос, на который может и должно ответить православное богословие. Но оно сможет это сделать, только если оно освободится от западного "редукционистского" подхода к таинствам, если оно вновь обратится к подлинному источнику — литургической реальности, которая воплощает в себе и являет веру и опыт Церкви.

Литургическое свидетельство вполне ясно. С одной стороны, миропомазание есть не только органическая часть крещального таинства: оно совершается как исполнение крещения, так же, как следующее действо этого таинства — участие в Евхаристии — есть исполнение миропомазания:

И по еже облещи его молится священник, глаголя молитву сию:

Благословен еси, Господи Боже Вседержителю... даровавший нам недостойным блаженное очищение во святей воде и божественное освящение в животворящем помазании: Иже и ныне благоволивый паки родити раба Твоего новопросвещенного водою и духом, и вольных и невольных грехов оставление тому даровавший. Сам Владыко, Всецарю благоутробне, даруй тому и печать дара, Святаго и всесильнаго, и покланяемаго Твоего Духа, и причащение Святаго Тела и Честныя Крове Христа Твоего...

Даже в нашем теперешнем чинопоследовании, столь во многом отличном от древнего, столь обедненном по сравнению с торжественным пасхальным празднованием крещения, нет никаких "провалов", никакого разрыва между крещальными погружениями в воду, ритуалом облачения в белую одежду и помазанием святым миром. Человек облачается в белую одежду *потому*, что он окрещен, и для того, чтобы быть помазанным.

Однако, с другой стороны, "запечатлевание" святым миром есть, очевидно, новый акт, который, хотя и был подготовлен крещением, все же придает чину посвящения измерение столь радикально новое, что Церковь всегда считала его другим "таинством" — даром и таинством, отличным от крещения.

Новизна эта открывается, прежде всего, в формуле, производимой совершающим таинство, в то время как он "помазует крестившагося святым миром, творя креста образ: на челе, и очесех, и ноздрех, и устех, и обоих ушесех, и персех, и руках, и ногах", "запечатлевает" все тело драгоценным миром, освященным епископом;

Печать дара Духа Святаго.

Если истинное значение этой формулы или, скорее, того дара, который она являет, скрыто от столь многих богословов, то лишь потому, что, привязанные к своим собственным категориям мышления, они просто не слышат, что *г о в о р и т* Церковь, они не видят, что она *д е л а е т*. Действительно, весьма примечательно, что в то время, как в sacramentalной формуле используется единственное число — "дар" (*δωρεά*), богословы, определяя данное таинство, почти все без исключения говорят о "дарах" (*χαρίσματα*)

во множественном числе; они говорят, что таинство сообщает неофиту "дары Святого Духа". Им кажется, что слово, употребленное в единственном числе, и то же слово, взятое во множественном числе, взаимозаменяемы. Однако, суть дела как раз и заключается в том, что в языке и опыте Церкви это слово, употребленное в единственном и множественном числе, относится к двум различным реальностям. Слово *χαρίσματα* ("дары Святого Духа", "духовные дары") часто встречается и в Новом Завете, и в церковном Предании.¹² Действительно, "разнообразие даров", исходящих от одного и того же Духа ("дары различны, но Дух один и тот же", I Кор. 12,4), является одной из наиболее фундаментальных, наиболее радостных сторон раннего опыта Церкви. Поэтому можно предположить, что если бы целью миропомазания было сообщение каких-либо конкретных "даров" или "благодати", необходимых для сохранения человека в христианской жизни (фактически, благодать сообщается в крещении, таинстве возрождения и просвещения), то в формуле было бы употреблено множественное число. Но если это не так, то причина тому следующая: новизна и особенность этого таинства заключается в том, что оно сообщает человеку не какой-нибудь частный дар или какие-то дары Святого Духа, а самого Святого Духа как дар (*δωρεά*).

Дар Святого Духа, Святой Дух — дар! Можем ли мы проникнуть в неизреченную глубину этой тайны, выразить ее в богословских понятиях? Можем ли мы понять, что единственность этой личной Пятидесятницы заключается в том, что мы получаем как дар Того, Кого Христос и только Христос имеет по природе: Святого Духа, сообщенного от века Отцом Своему Сыну, который нисходит на Христа и только на Него у Иордана, являя Христа как Помазанника, как возлюбленного Сына и Спасителя; что, другими словами, мы получаем как дар Духа, который принадлежит Христу как Его Дух, который пребывает в Христе как Его Жизнь? Но тогда, в этом "пятидесятничном" миропомазании, Святой Дух нисходит на нас и пребывает в нас как личный дар Христа, получаемый от Его Отца, как дар Его жизни, Его Сыновства, Его единения со Своим Отцом. "Дух, — говорит Христос, обещая Его приход, — от Моего возьмет

и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; и потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит Вам". (Ин. 16, 14—15). И мы получаем этот личный дар Христова Духа не только потому, что мы уже Христовы по вере и любви, но потому, что эта вера и любовь заставили нас возжелать Его жизни, жизни в Нем, и потому что в крещении, крестившись во Христа, мы во Христа облеклись. Христос — помазанник, и мы получаем Его помазание; Христос — Сын, и мы принимаем сыновство; Христос имеет Духа как Жизнь в Себе, и нам дается участие в Его Жизни.

И таким образом, в этом, единственном в своем роде, чудесном и поистине божественном помазании, Святой Дух, поскольку Он есть Дух Христов, дает нам Христа, а Христос, поскольку Святой Дух является Его Жизнью, дает нам Духа, который есть "Дух истины, сыноположения дарование, обручение будущего наследия, начаток вечных благ, животворящая сила, источник освящения" (молитва анафоры, литургия св. Василия Великого) или, как говорит другая древняя литургическая формула, "Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и Любы Бога и Отца, и Причастие Святаго Духа" — дар и откровение человеку Самого Троичного Бога, знание Его, единение с Ним как Царство Божие и жизнь вечная.

Теперь должно быть ясно, почему "печать дара Духа Святаго" есть и исполнение крещения, и в то же время новое таинство, ведущее новокрещенного дальше. Оно есть исполнение крещения, потому что принять этот дар и воспринять "более совершенное" призвание может только человек, истинная природа которого уже восстановлена во Христе, человек, свободный от "жала греха", примиренный с Богом и Божиим творением, соделанный снова сам им собой. Однако, это и новое таинство; это "другое" таинство и другая эпифания, потому что этот дар Самого Христова Духа Святого — есть именно дар. Он не принадлежит человеческой природе как таковой, хотя именно для получения этого дара человек был сотворен Богом. Подготовленный и получивший возможность своего исполнения благодаря крещению, он выводит человека за пределы крещения, за пределы "спасения": делая его "христом" во Христе, помазуя его помазанием Помазанника, он открывает дверь теозиса, обожения.

Таково значение этого таинства печати. В ранней Церкви слово *σφραγίς* (печать) имело много побочных значений.¹³ Но основное его значение, открываемое в помазании святым миром, ясно: это отпечаток на нас Того, Кто владеет нами; это печать, которая сохраняет и защищает в нас, как в сосуде, ценное содержимое и его благоухание; это знак нашего высокого призвания. Во Христе, Который есть "печать равного порядка" (*σφραγίς ἰσοτύπος*), мы принадлежим Отцу, мы принимаемся как сыновья. Во Христе, истинном и единственном Храме, мы становимся храмом Святого Духа. Во Христе, Который есть Царь, Священник и Пророк, мы становимся царями, священниками и пророками и, по словам св. Иоанна Златоуста, "в изобилии обладаем не одним, а всеми этими тремя достоинствами".¹⁴

Цари, священники и пророки! Однако мы настолько отклонились от раннего Предания, что эти "звания" не связываются в нашем представлении с обликом и содержанием нашей христианской жизни, нашей духовности. Мы относим их ко Христу: Он есть Царь, Священник и Пророк; в наших учебниках систематического богословия служение Христа обычно разделяется на эти три составные части — служение царское, священническое и пророческое. Но когда речь идет о нас, о нашей новой жизни — о которой мы утверждаем, что она есть жизнь Христа в нас и наша во Христе, — эти категории начисто игнорируются. Действительно, царственность мы приписываем одному Христу; священство мы отождествляем с клиром, а что касается пророчества, то нам оно представляется "особенным" даром, сообщаемым немногим, но никак не существенной стороной всякой христианской жизни и духовности. Это, разумеется, и есть действительная причина, по которой каким-то образом таинство Святого Духа стало рассматриваться как "вспомогательный" акт, либо подчиненный крещению, если только не просто отождествляемый с ним, либо как совершенно отличный от крещения, т.е. как "конфирмация". Это, в свою очередь, привело к суженному и обедненному пониманию самой Церкви и нашей жизни в ней. Наша ближайшая задача состоит в том, чтобы раскрыть, насколько это возможно, действительное значение этих трех основных измерений истинной христианской "духовности" — царского, священнического и пророческого.

3. Царь

Христос "соделал нас царями и священниками Богу и Отцу Своему" (Откр. 1,6); в Нем мы стали "царственным священством" (I Петр. 2,9). Что же это значит для нашей жизни в Церкви, в мире, в конкретном и личностном модусе нашего существования?

Первое, что мы связываем с идеей царственности, — это мощь и власть, причем мощь и власть, сообщенные свыше, данные Богом и проявляющие Его власть.¹⁵ В Ветхом Завете символом божественного источника власти является "помазание", которое объявляет царя носителем и исполнителем божественной воли и власти. Благодаря этому помазанию царь становится благодетелем тех, кто находится под его властью, тем, кому вручаются жизни подданных для защиты и кто должен вести их к успехам, победам, благосостоянию и счастью. Но если такое понимание и восприятие царя свойственно всем "примитивным" обществам и всем монархиям, то откровением Библии является утверждение о том, что "царственность" — прежде чем она стала частной "маной" (мапа) отдельных людей — принадлежала человеку как таковому в качестве его призвания и достоинства. Бог, сотворив человека, дал ему поистине царскую власть: Он сотворил Его по Своему образу, а это значит по образу Царя царей, Того, Кто имеет всю силу и всю власть. Следовательно, власть дана человеку изначально, чтобы "обладать землею, и владычествовать над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле". (Быт. 1,27–28).

Человек был создан как царь творения — такова первая и главная истина о человеке, источник и основание христианской "духовности". Быть царем, обладать даром царственности свойственно самой его природе. Он сам происходит свыше, ибо свыше он получает Образ Божий и власть превратить творение в то, каким оно задумано Богом. Он носитель божественной власти, благодетель земли, данной ему в качестве его царства для блага и исполнения ее назначения. Этот "антропологический максимализм" всегда подчеркивался православной традицией и отстаивался вопреки всякого рода попыткам "умалить" человека, вопреки всякому

"антропологическому минимализму", независимо от того, шел ли он с Запада или с Востока. Даже в своем падении, даже отрехшись от своей царственности, человек все же несет печать своего первоначального царского достоинства.

Другая духовная истина о человеке заключается в том, что он есть падший царь. Его падение есть, главным образом, потеря им своей царственности. Вместо того, чтобы быть царем творения, он становится его рабом. А рабом он становится потому, что отказывается от власти, данной ему свыше, отказывается от "помазания". Отказавшись от верховной власти, он уже более не является благодетелем творения; вместо того, чтобы вести его к исполнению, человек хочет получать от него жизненные блага, иметь его и владеть им для себя. Но поскольку ни он сам, ни творение не имеют жизни в самих себе, с его падением воцаряется смерть. И он становится смертным рабом царства смерти.

Отсюда следует третья основная истина: искупление человека как царя. Во Христе, Спасителе и Искупителе мира, восстанавливается истинная природа человека — а это значит, что он вновь становится царем. Мы часто забываем, что царственное достоинство Христа — которое Он подтверждает во время Своего триумфального входа в Иерусалим, когда Его приветствуют как "Царя, грядущего во имя Господне", достоинство, которое Он принимает, стоя перед Пилатом: "Ты говоришь, что Я Царь" (Ин. 18,37), — это Его человеческое, а не только божественное, достоинство. Он Царь, и Он являет Себя в качестве Царя, потому что Он есть Новый Адам, совершенный человек — потому что Он восстанавливает в Себе человеческую природу в ее неизреченной славе и силе.

Все это открывается, является и исполняется в крещальном таинстве. Возрождая человека, оно воссоздает его и в качестве царя, ибо свойство быть царем заключено в самой его природе. В евхаристическом освящении воды — как мы уже говорили — вся вселенная вновь вручается человеку как Божий дар, как его царство. В помазании "елеем радования" новая жизнь новокрещенного объявляется силой и властью. Он облачается в царское одеяние, а в "печати" святого мира он получает саму Христову царственность. Таким образом, если источник христианской жизни и духовности находится в крещальном возрождении и если духовность — это,

прежде всего, реализация человеком дара, полученного им в крещении, то основание и главное измерение его духовности кроется именно здесь, в этом восстановлении в человеке его царственного достоинства. Отсюда следует, что эта духовность, в первую очередь и в основном, имеет положительный, а не отрицательный характер, что она коренится в радости, приятии и утверждении, а не в страхе, отрицании и отречении; что по своему содержанию и ориентации она носит космический и доксологический (славословящий) характер.

Это важно отметить, потому что положительной духовности всегда противостояла, и противостоит до сих пор, даже внутри христианства, отрицательная духовность, глубинным источником которой является как раз страх и, следовательно, отказ от Божьего творения как царства человека, глубоко коренящееся отрицание онтологической "благостности" творения.

Наше время особенно восприимчиво к такого рода отрицательной духовности, и причины этого ясны. Усталый и лишенный иллюзий, живущий в хаотическом и бессмысленном мире, созданном им самим, раздавленный своим собственным "прогрессом", обескураженный побеждающим по видимости злом, разочарованный во всех теориях и толкованиях, обезличенный и поработанный техникой, человек инстинктивно ищет духовного пристанища, "духовности", которая утвердит и оправдает его в его отвращении к миру и его страхе перед ним, но в то же время даст ему ощущение безопасности и духовного комфорта, которых он жаждет. Отсюда умножение и поразительный успех всякого рода духовностей спасительного бегства — как христианских, так и нехристианских, — общая и основная тональность которых — это отрицание, апокалипсизм, страх и поистине манихейское "отвращение" к миру.

Такого рода "духовность", даже если она принимает христианское обличье и рядится в христианскую терминологию, не является христианской, а совсем наоборот — есть измена ей. Спасение ни в коем случае не может быть "бегством", простым отрицанием, довольством собственной праведностью, заключающейся в уходе от греховного мира. Христос спасает нас, восстанавливая нашу природу, что неизбежно превращает нас в часть творения, и

призывает нас быть его *царями*. Он есть Спаситель мира, а не Спаситель от мира. И спасает Он нас таким образом, что делает нас снова теми, кем мы являемся. Но если это так, то основной духовный акт — который и вправду является источником всякой "духовности" — состоит не в отождествлении мира со злом, сущности вещей — с их отклонением от этой сущности и с предательством этой сущности, причины — с искаженными следствиями этой причины. Он состоит не просто в отделении "добра" от "зла", а в утверждении благостности всего, что существует и живет, как бы ни было его существование изломано и подвержено власти зла. Если первое духовное искушение состоит в отождествлении мира и зла, то христианская духовность начинается с их разделения. Разумеется, мы живем в скверном мире. Кажется, нет предела его испорченности, нет предела страданиям и жестокостям, обману и лжи, греху и преступлениям, несправедливости и тирании. Отчаяние и отвращение, кажется, не нуждаются в оправдании, скорее, они могут оцениваться как проявление мудрости и нравственной благопристойности. И однако, первым плодом восстановленной в нас царственности является то, что мы не только можем, но, в духовном смысле, и должны, находясь в этом грешном мире, радоваться его "хорошести" и сделать радость, благодарность, осознание "хорошести" творения основанием нашей собственной жизни; что несмотря на все отклонения, "изломанность", все зло, мы должны защищать онтологическую "хорошесть" и призвание человека и всего, что существует и было дано ему как его царство. Человек злоупотребляет своим призванием, и в этом ужасном злоупотреблении он уродует себя и мир; но само по себе его призвание есть благо. В своем обращении с миром, природой и другими людьми, человек злоупотребляет своей властью; но сама по себе его власть есть благо. Злоупотребления творческими способностями в искусстве, науке и во всей его жизни приводят человека к мрачным и дьявольским пределам; но творческая способность сама по себе, стремление к красоте и знанию, к смыслу и исполнению есть благо. Он удовлетворяет свою духовную жажду и голод, питаясь ядом и ложью, но эти жажда и голод сами по себе суть благо. Он поклоняется идолам, но само его стремление к поклонению есть благо. Он дает

неправильные названия вещам и неправильно интерпретирует реальность, но его дар называния и понимания есть благо. Даже его страсти, которые вконец разрушают его и саму его жизнь, есть не что иное, как искаженные, "злоупотребленные" и не в ту сторону направленные дары власти и силы. И таким образом, изуродованный и искаженный, истекающий кровью и поработанный, слепой и глухой, человек остается отрешившимся царем творения, объектом бесконечной божественной любви и уважения. И видеть это, защищать это, радоваться этому сквозь плач о падении, благодарить за это — и есть действие истинной христианской духовности, "обновленной жизни" в нас.

После того, как мы это установили, возникает вопрос: что же мы должны делать? Как нам реализовать нашу царственность? Этот вопрос приводит нас к другой стороне или, лучше сказать, к самому сердцу таинства крещения: к центральному месту, которое в нем занимает Крест Христов.

4. Царь Распятый

Если в таинстве крещения в нас восстанавливается наша царственность, то восстанавливается она на Кресте, Царем Распятым; если в конце всей истории спасения "завещается нам" царство (Лк. 22,29), то при этом говорится, что оно "не от мира сего" и есть Царство грядущее.

Именно в этом пункте, сталкиваясь с парадоксальностью царственности Христа и тем самым нашей новой царственности во Христе, христианской духовности угрожают две взаимоисключающие крайности толкования: первая — состоит в ограничении завещанного царства только этим миром, а вторая — в сведении его только к Царству грядущему. Есть люди, которые с радостью бы подписались подо всем, что было сказано выше о "царственном", положительном и космическом содержании христианской духовности, но при этом сделали бы вывод, что ее основная направленность обращена к этому миру и связана с возможностью, данной человеку, вести мир к осуществлению в нем Царства Божьего. И есть люди, которые, подчеркивая "потусторонность"

Царства, возвещенного и обещанного в Евангелии, отвергают и считают искушением признание духовности в "активности" и "вмешательстве", — люди, построившие прочную стену, отделяющую "духовное" от "материального". Итак, два различных видения, два пути, две "духовности", ведущие фактически к двум совершенно различным пониманиям самой Церкви и "христианской жизни".

Однако, рассматриваемые в контексте Креста Христова, обе эти точки зрения представляются ограниченными, поскольку в конечном итоге для обеих характерно игнорирование Креста, или, говоря словами ап. Павла, "упразднение Креста". (I Кор. 1, 17). Действительно, если я восстановлен во Христе к царствованию, но царство, "завещаемое" мне, есть "не от мира сего", то вся моя жизнь как христианина зависит от ответа на следующий вопрос: как я могу сочетать обе эти реальности, оба эти утверждения, которые обращены как к монаху-отшельнику, так и к христианину, живущему "в миру" и имеющему "светское" призвание? Как я могу любить мир, который Бог сотворил и "возлюбил", и в то же время принимать для себя требование апостола: "не любите мира, ни того, что в мире"? (I Ин. 2, 15). Как я могу утверждать господство Христа над всем существующим и в то же время всю мою веру, надежду и любовь обращать к Царству грядущему? Как же я должен принять мою царственность и в то же время умереть для мира и иметь жизнь, "сокрытую со Христом в Боге"? (Кол. 3, 3).

На эти решающие вопросы нельзя найти ответ на уровне рациональных рассуждений, с помощью точных логических категорий, в рамках наших, созданных руками человеческими, "духовностей", — ибо парадоксы не имеют решений. Вот почему даже наши духовные и религиозные решения, несмотря на их христианское обличье, которое они так легко принимают, фактически остаются дохристианскими или нехристианскими и весьма часто сводятся либо только к спасению бегством, либо к чистому активизму. Единственный ответ, всегда один и тот же и все же радикально новый для каждого человека, заключен в тайне, составляющей глубину, сердце христианского откровения; в тайне, которая — по той причине, что она открывается нам лишь постольку, поскольку мы ее принимаем, — никогда не сможет быть

сведена к одной какой-либо идее, предписанию, к универсальному моральному кодексу; в которую мы сами должны войти, если мы хотим воспринять ее значение и силу: тайне Креста.

Царственность Христа и наша новая царственность в Нем не только не могут быть поняты и восприняты вне тайны Креста, но именно Крест и только один Крест навсегда остается единственным истинным символом, т.е. явлением и даром этой царственности, откровением ее власти и сообщением этой власти нам. Именно тайна Креста и только она одна объединяет оба вышеупомянутых утверждения, которые на уровне человеческой логики противоречат друг другу – утверждение о царственном призвании человека по отношению к Божьему творению и утверждение о том, что Царство это "не от мира сего". А объединяет она их потому, что открывает нам Крест как способ жизни, как "непобедимую и непостижимую и божественную силу", которая реализует веру в жизни, а жизнь превращает в царствование.

Каким образом? Прежде всего тем, что Крест дает нам истинное и высшее откровение об этом мире как о мире падшем, падение и "скверна" которого состоит в отречении от Бога, от Его царственности и, таким образом, в отказе от истинной жизни, данной ему в творении. Именно в распятии Христа "мир сей" проявляет себя полностью, выявляет свой окончательный смысл. Голгофа поистине есть уникальное событие, но не в том смысле, в котором любое событие, независимо от его важности, может быть названо уникальным: ограниченное только теми, кто принимал в нем участие, отнесенное к конкретному моменту во времени, к конкретному месту в пространстве и, таким образом, оставляющее "невинными" всех остальных людей и весь остальной мир. В действительности же уникально оно потому, что является решающим и всеохватывающим выражением, исчерпывающей реализацией того отречения человека от Бога, которое, согласно Писанию, имело свое начало еще в раю и которое превратило мир, созданный Богом, в "сей мир", в царство греха, разложения и смерти – которое сделало "беззаконное отречение от Бога" законом существования "мира сего". Поэтому Крест есть откровение о том, что любой и всяческий грех – совершенный от начала мира и до его конца, во все времена, на всяком месте, любым

человеком, независимо от того, жил он до Христа или после Него, веровал он в Него или нет, — есть отвержение Бога, принятие реальности Зла и подчинение ей, предельным же выражением зла является отвержение и распятие Христа. Если, по словам апостола Павла, после распятия "отпадшие от Христа... снова распинают в себе Сына Божия" (Евр. 6,6), если, по словам Паскаля, "Христос в смертных муках" до конца мира, то это происходит потому, что Крест выявляет содержание всякого греха как отречение от Бога, а само отречение — как незаконный закон "мира сего".

Но, будучи предельным откровением о "мире сем" и его "зле", Крест — и это вторая сторона тайны Креста — есть решительное и окончательное его осуждение. Ибо выявить и раскрыть Зло как Зло — это и значит осудить его. Являя "сей мир" как отречение от Бога и посему грех, являя его как отречение от жизни и, следовательно, как смерть, Крест выносит ему приговор, ибо грех не может быть "поправлен", смерть не может быть "искуплена". "Сей мир" осужден, потому что Крестом он сам себя осуждает: он проявляет себя как тупик, ему нечем жить, ему нечего предложить, кроме бессмысленности смертной жизни и абсурдности смерти. Таким образом, Крест Христов являет и знаменует конец и смерть "сего мира".

Теперь, однако, обратимся к третьей — радостной и славной — стороне тайны Креста. Открывая, что "сей мир" есть грех и смерть, осуждая его на гибель, Крест становится началом спасения мира и открывает Царство Божие. Он спасает мир, освобождая его от "сего мира", сообщая нам, что "сей мир" не есть сущность или "естество" мира, а только "способ", или "форма" его существования — способ, "преходящий" (I Кор. 7,31) которого действительно утверждается Крестом. И он открывает Царство Божие, показывая, что оно не есть "иной мир", иное творение, "приходящее на смену" этому миру, а есть то же самое творение, но при этом освобожденное от "князя мира сего", восстановленное в своей истинной природе и конечном назначении — когда "Бог будет все во всем". (I Кор. 15,28).

Теперь мы можем понять, почему в христианской вере, воплощенной и сообщаемой в литургическом опыте Церкви, Крест есть

истинная эпифания царской славы Христа и его воцарение. "...Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем". (Ин. 13, 3). Этими словами Церковь начинает на утрени Страстной Пятницы празднование Пасхи. Я бы хотел подчеркнуть это еще раз — не в Воскресенье, а в Пятницу, ибо в ранней традиции наименование "Пасха" относилось не только к одному Воскресению, как это имеет место в настоящее время, а к нераздельной тайне Пасхального трехдневия (*triduum paschale*) — Пятницы, Субботы и Воскресения. И именно это единство, эта внутренняя взаимозависимость между Днем Креста, Днем Погребения и Днем Воскресения открывает нам победу Христа и Его венчание на царство и, следовательно, природу самого Царства, дарованного Им нам.

В этой литургической эпифании Пятница — день распятия — есть поистине *день "мира сего"*, день его предельного самораскрытия, его видимой победы и его решающего поражения. Отрекаясь от Христа и осуждая Его, "этот мир" проявляет свою крайнюю греховность, являет себя как зло. Убирая Его с дороги, присуждая к смерти, он, по внешней видимости, торжествует. Однако, на самом деле, именно здесь он окончательно и бесповоротно терпит поражение. Когда Христос стоит перед Своими судьями, когда Его осуждают, подвергают оскорблениям и насмешкам, пригвозждают к Кресту, когда Он страдает и умирает, именно Он и только Он торжествует; потому что Его послушание, Его любовь, Его всепрощение одержали победу над "этим миром", и из самой глубины Его кажущегося поражения до нас доносится первое исповедание Его как Царя: в надписи Пилата на Кресте, в восклицании умирающего разбойника, в словах сотника — "поистине, этот Человек — Сын Божий".

Затем наступает Великая Суббота, "Благословенная Суббота", день кажущейся победы Смерти и, опять-таки, на самом деле поражения, нанесенного ей Христом. В то время как кажется, что смерть — непреложный закон "этого мира" — "поглощает" Христа и, таким образом, утверждает свое всеобщее господство, на деле смерть сама "поглощена победою". (I Кор. 15, 54). Ибо Тот, Кто добровольно отдает Себя смерти, не имеет смерти в Себе и поэтому разрешает ее изнутри той Жизнью и Любовью, которые являются *"смертью смерти"*.

И когда на третий день Бог воскрешает Его из мертвых, Его жизнь — над которой "смерть более не властна" — возвещает присутствие Царства Божьего "посреди нас". Именно к этому относится пасхальная радость: "в мире сем" возвещается и является Царство, которое есть "не от мира сего", является как новая жизнь, и наш мир теперь и вплоть до окончательного соединения в Боге оглашается божественным призывом: "Радуйтесь!"

Теперь — и только теперь — мы сможем ответить на вопрос, поставленный в начале этой главы, о значении нашего нового царственного достоинства, дарованного нам в таинстве помазания. Мы можем ответить на него потому, что в Кресте Христовом открывается нам содержание этого Царства и даруется его сила. Царское помазание поистине делает нас царями, но царское достоинство, сообщаемое нам Святым Духом, есть достоинство распятой царственности Самого Христа — Креста как царственности и царственности как Креста. Крест, который является увенчанием Христа как Царя, открывает нам единственный путь к нашему увенчанию вместе с Ним, к восстановлению нашей царственности.

Наиболее совершенное описание этого пути дано апостолом Павлом: "А я не желаю хвалиться, — пишет он, — разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира". (Гал. 6, 14). Эти слова выражают совершенно новый и единственно христианский взгляд на мир и человеческое призвание и жизнь в этом мире. И новизна его заключается в следующем: он преодолевает поляризацию, редукционизм, "или-или" всех тех "духовностей" и "мировоззрений", которые либо только принимают, либо только отвергают мир и превращают религию или в "посюсторонний" активизм, или в бегство в "потусторонность". Во всех такого рода "духовностях" и религиях Крест Христов, говоря словами апостола Павла, "упразднен"; в нем нет нужды, и по этой причине он навсегда остается — даже в пределах религий — соблазном для одних и безумием для других. (I Кор. 1, 23).

Слова "для меня мир распят" означают, что в Кресте мы имеем единственный критерий всего, конечную меру всей жизни и каждого поступка. Это означает, с одной стороны, отвержение мира как "мира сего", т.е. человеческого рабства греху и смерти, мира

как "похоти плоти, похоти очей и гордости житейской". Христово распятие выявило испорченность и порочность мира в облике "мира сего", и это навеки останется судом над ним и ему приговором. Но мир осужден не во имя и не ради какого-то иного мира, но во имя и ради его собственной истинной сущности и его призвания, которые раскрываются Крестом в вере, любви и послушании Сына Человеческого. Таким образом, являя самоосуждение и тем самым конец "сего мира", Крест, с другой стороны, делает возможным истинное приятие мира как Божьего творения, как объекта бесконечной Божьей любви и попечения. Таково значение слов "для меня мир распят". В христианской вере и христианском мировоззрении мы находим поистине антиномичное сосуществование, взаимозависимость и взаимопроникновение отрицания и приятия мира: отрицания как единственного способа приятия; приятия, открывающего подлинный смысл и цель отрицания.

Однако, это мировоззрение остается антиномией, всего лишь "учением", если "я не распят для мира". Только во мне, в моей вере, в моей жизни и в моих действиях это учение может стать жизнью, а Крест Христов — обрести силу. Ибо, по христианской вере, мир — это не "идея", не абстрактное и безличное "целое", но всегда конкретный и единственный дар конкретному и единственному человеческому существу: мир, данный мне Богом в виде моей жизни и моего назначения, моего призвания, моей работы, моей ответственности. Никакая идея, никакое учение не может спасти мир, и однако он гибнет или спасается в каждом человеке. И он спасается каждый раз, когда человек принимает Крест и свое собственное "распятие для мира". Это означает постоянное, непрестанное усилие распознавания добра и зла, поистине смертную борьбу за победу в человеке его высокого призвания. Это означает постоянное отречение от мира как от "мира сего" — т.е. от его самодостаточности и самососредоточенности, от его порочности и греховности, от всего того, что Писание называет "гордыней" — и в то же время постоянное приятие мира как Божьего дара нам и способа нашего возрастания в Нем и соединения с Ним.

"Для меня мир распят, и я для мира". Это и есть точное описание и определение нашей царственности, восстановленной в нас

в царском помазании, сообщенной нам Святым Духом. "...Все ваше. Вы же — Христовы, а Христос — Божий". (I Кор. 3, 23). "Все ваше": мир снова наш, поистине мы можем иметь власть над ним; каждое человеческое призвание — а в конечном счете, каждое призвание единственно, ибо каждое человеческое существо единственно — священно и благословенно; все, кроме греха и зла, принимается, может и должно совершаться в знании Бога и в единении с Ним, все может являть и выражать благо, истину и красоту Царства Божьего. Однако, как это ни может показаться парадоксальным и безумным мудрости "мира сего", внутренний закон этой новой царственности и власти в точности противоположен закону, который принимается за самоочевидный "в роде сем".

Новая и поистине царская власть, данная человеку Христом, есть власть проходить сквозь и преодолевать конечность этого мира, его естественные границы, его замкнутые горизонты, власть снова сделать мир божественным, а не Бога — "мирским". Это власть неизменно отвергать сей мир как самодовлеющую ценность, самодовлеющую красоту и смысл, власть постоянно "воссоздавать" мир как восхождение к Богу. Ибо грех состоит не просто в злоупотреблении властью, не в частных отклонениях и недостатках, а в том единственно, что человек любит мир ради него самого и даже Бога превращает в служителя миру. Недостаточно просто верить в Бога и делать этот мир "религиозным". Истинная вера в Бога и истинная религия, скорее, состоит в таинственной, однако твердой уверенности в том, что Царство Божие — объект наших чаяний, нашей надежды и любви — есть, всегда было и всегда будет "не от мира сего", но, оставаясь "по ту сторону", лишь оно одно может придать смысл и ценность всему в этом мире.

Таким образом, восстановить человека как *царя* — не значит снабдить его некоей сверхъестественной силой и властью, придать его мирской активности новую ориентацию или сделать более искусным врача, инженера или писателя. Неверующие могут быть — и чаще всего бывают — более "искусными" в науке, технике, медицине и т.п. Восстановить человека как царя — значит, прежде всего, о с в о б о д и т ь человека от взгляда на все это как на высший смысл и ценность человеческого существования, как на единственный горизонт человеческой жизни. И именно в этом освобождении, как

ни в чем другом, нуждается современный секулярный человек, ибо хотя он узнает все лучше и лучше, как "заставить вещи работать на себя", он потерял к настоящему времени всякое знание того, что эти вещи собой представляют, превратился в раба идолов, которых он сам вызвал к существованию. Именно эта свобода, идущая от знания и опыта Царства, которое "не от мира сего", нужна человеку — и всему нашему миру, — а не наши жалкие самозащитные призывы к "вмешательству", не наше подчинение "миру сему" с его преходящими философиями и лозунгами. Только после того, как человек вкусит Царства, все в этом мире становится снова знаком, обещанием и алканием Бога. Только когда "прежде всего" мы ищем Царства, мы начинаем истинно радоваться миру, истинно "иметь власть над ним". Тогда все вещи снова очищаются, наше видение и знание их становится ясным, и наше пользование ими есть благо. Каково бы ни было наше назначение, призвание или занятие — во славе или в безвестности, значительно или незначительно по стандартам "мира сего", — оно приобретает смысл, становится радостью и источником радости, ибо мы начинаем чувствовать и ощущать его не само по себе, а в Боге и как знак Его Царства. "Ибо все... ваше: мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — все ваше. Вы же — Христовы, а Христос — Божий". (I Кор. 3, 21–23).

Таково наше новое царское звание, которое мы получаем в царском помазании Святым Духом, царское звание тех, кому "завещается Царство". (Лк. 22, 29). И тот, кто вкусил его радости, мира и праведности, может преодолеть этот мир славной силой Креста, может предложить его Богу и тем самым поистине преобразовать его. И это приводит нас ко второму достоинству, даруемому нам в таинстве Святого Духа: достоинству священническому.

5. Священник

Идея священнического назначения христианской жизни, получаемого в даре Святого Духа, была еще более забыта, чем идея новой царственности человека во Христе. Забыта же она была потому, что ее постепенно и совершенно растворила старая, фактически

дохристианская, дуалистическая концепция деления церковного тела на клир и мирян, в основе которой лежит утверждение о несвященнической природе тех, кого называют мирянами. Принимая это сведение к "старым" категориям, отвергая фактически преобразование и, следовательно, радикальное обновление во Христе всех вещей, всех понятий и самой "религии", христианская мысль сталкивается с ложной дилеммой: либо профессиональное священство исключает из Церкви идею "священнического" образа всех христиан как таковых, либо священнический образ мирян, а следовательно, и всей Церкви (определенной апостолом как "царственное священство") должен исключить необходимость в профессиональном священстве. Снова чисто человеческое понимание, применяемое к тайне Церкви, приводит к искажению понимания этой тайны и неизбежно ведет к последующему обеднению богословия, богослужения и благочестия.

Что касается ранней Церкви, то она твердо знала и утверждала необходимость профессионального священства в Церкви и "царственное священство" самой Церкви как два существенных и взаимодополняющих друг друга измерения самой ее жизни: с у с щ е с т в е н н ы е, так как исходящие из ее опыта Христа и Его единственного в своем роде священства; в з а и м о д о п о л н я ю щ и е, так как в их взаимной корреляции открывается место и значение как одного, так и другого в жизни и служении Церкви.¹⁶

Поэтому прежде всего следует выяснить истинное значение священства Христа. Ибо только когда Его священство стало сводиться к "клерикальным" категориям и рассматриваться как источник только "профессионального" священства, появились и вышеупомянутые искажения, ведущие к разрыву с ранним опытом и традицией. Мы должны понять, что священство Христа, так же, как и Его царственность и, как мы увидим далее, Его пророческое служение, коренится прежде всего в Его человеческой природе, является неотъемлемой частью и выражением Его человечества. Именно потому, что Он является Новым Адамом, совершенным Человеком, Воссоздателем человека в его целостности и полноте, Христос является Царем, Священником и Пророком. Пользуясь богословской терминологией, можно сказать, что сотериологическое значение этих трех достоинств состоит

в их онтологическом характере, т.е. в их принадлежности самой природе человека, воспринятой Христом для его спасения. Это означает, что природа человека включает в себя священническое назначение, которое было предано и утрачено в грехопадении, но которое восстанавливается и исполняется во Христе. Таким образом, возникает первый вопрос: что означает для человека его священническое звание? Только ответив на этот вопрос — из которого одновременно следует и ответ на вопрос о смысле священства Христа, — мы сможем понять значение, с одной стороны, "царственного священства" как действительного модуса христианской жизни и, с другой стороны, "профессионального" священства как формы существования Церкви.

"Царственное священство": не просто царственность и не просто священство, но их взаимная связь как исполнение, реализация одного в другом — такова тайна человека, открываемая нам во Христе. Если атрибутами царя являются власть и господство, то дело священника — приносить жертву, т.е. быть посредником между Богом и творением, "освятителем" жизни посредством ее включения в Божественную волю и порядок. Эта двойная функция была свойственна человеку с самого начала, хотя и в виде единственной функции, в которой естественная царственность человека находит свое исполнение в священстве, а его естественное священство делает его царем творения. Он имеет "власть" и "господство" над миром, но он осуществляет эту власть посредством освящения мира, "приводя" его к соединению с Богом. Не только его власть от Бога и под Богом, но ее целью и содержанием является Бог как то конечное благо, которое, как мы уже видели, составляет внутренний закон всей власти. Поэтому эта власть осуществляется в жертве, которая, задолго до того, как она стала почти синонимом слова "искупление", была и все еще продолжает быть существенным выражением стремления человека к соединению с Богом, творения — к своему осуществлению в Боге, и которое по существу есть порыв, акт восхваления, благодарения и единения. Таким образом, человек есть царь и священник по природе и по призванию.

Падение человека заключается в его отречении от священнического призвания, в его отказе быть священником. Первородный

грех состоит в том, что человек выбирает несвященнические взаимоотношения с Богом и миром. И, быть может, ни одно слово не выражает лучше существо этого нового, "падшего", несвященнического образа жизни, чем слово, которое в наше время сделало поразительно успешную карьеру и поистине стало символом современной культуры. Это слово — потребитель. Сначала увенчав себя титулом *homo faber* (человек умелый), затем *homo sapiens* (человек разумный), человек, по-видимому, нашел свое последнее призвание как потребитель. И надо сказать, что имеются в наше время люди, которые в защите своих "потребительских" прав видят яркое и героическое назначение! Должны ли мы доказывать, что этот "идеал" начисто исключает саму идею жертвы, священнического призвания человека? Поистине печальное достижение нашего века — вполне в этом честного — гордое утверждение того, что предыдущие цивилизации пытались лицемерно скрыть. Разумеется, "потребитель" родился не в XX веке. Первым потребителем был сам Адам. Это он выбрал не священнический, а потребительский подход к миру: "есть от него", использовать его и владеть им для себя, извлекать из него блага, а не предлагать его Богу, не приносить его Богу в жертву, не владеть им для Бога и в Боге. И наиболее трагическим плодом этого первородного греха является то, что и сама религия превратилась в "потребительский товар", который призван удовлетворять наши "религиозные нужды", служить защитным покрывалом или лекарством, снабжать нас дешевым чувством собственной праведности и равно дешевыми, замкнутыми в себе и самодостаточными "духовностями", причем поставщиком всего этого стал священник, чьи особые и священные полномочия должны гарантировать полезность религии для общества и культуры, которые, в противном случае, не имели бы ни малейшего интереса к божественному призванию человека и всего творения.

Нет нужды говорить, что не таким было и является подлинно христианское понимание человека, религии и священства. В Своем Воплощении, в приношении Себя Богу ради спасения мира Христос явил истину — священническую природу человека — и, даруя нам Свою жизнь, в крещении и миропомазании — Он восстанавливает в нас наше священство: власть предоставлять наши "тела в жертву

живую, святую, благоугодную Богу" (Рим.12,1) и превращать всю нашу жизнь в "разумное служение".

Но тогда Церковь, которая сама есть дар и присутствие этой новой жизни в мире и, следовательно, сама есть приношение, жертва и единение, также с необходимостью обладает священнической природой в своей целокупности как Тело Христово и в своих членах как членах этого Тела. Ее священническая природа проявляется в отношении к самой себе, ибо ее жизнь состоит в приношении себя Богу, и в ее отношении к миру, в ее миссии приношения мира Богу и, таким образом, освящения его. "Твоя от Твоих Тебе приносяща о всех и за вся". Это приношение стоит в центре Евхаристии, таинства, в котором Церковь всегда становится "тем, что она есть", именно потому, что Евхаристия выражает и исполняет всю жизнь Церкви, самую сущность человеческого призвания и назначения в мире.

Призвание же это состоит в том, чтобы освящать и преобразовывать себя и свою жизнь, и весь мир, данный каждому из нас в качестве нашего царства. Себя — постоянным приношением своей жизни, своей работы, своих радостей и страданий Богу; оставляя их всегда открытыми Божьей воле и благодати; стараясь быть тем, кем мы стали во Христе, Храмом Святого Духа; претворением нашей жизни в ту жизнь, которой ее соделал Святой Дух: в литургию, служение Богу и единение с Ним. Мир — стараясь быть "людьми для других", не в смысле постоянного участия в общественных или политических делах, к чему в наше время часто сводят христианство, но стараясь быть всегда, везде и во всем свидетелями Христовой Правды, являющейся единственно истинной жизнью, и носителями жертвенной любви, составляющей конечную сущность и содержание человеческого священства.

Наконец, только в свете этого "царственного священства", которое в нас восстанавливается и которое мы получаем в таинстве Святого Духа, мы можем понять действительное, христианское, а посему новое значение профессионального священства — священства тех, кого Церковь "выделила" с самого начала и в непрерывной преемственности от апостолов призвала к служению в качестве ее священников, пастырей и учителей. Ибо именно для того, чтобы

Церковь, все ее члены и вся ее жизнь были священническими, могли осуществлять себя как "царственное священство", она нуждается в священниках. Во Христе сама природа человека восстанавливает свое царственное священство, и, таким образом, каждое человеческое призвание, каждая человеческая жизнь могут быть истинно "священническими" именно потому, что у Него Самого не было иного призвания, иной жизни, кроме возведения Евангелия Царства, явления Божественной Истины, отпущения грехов посредством Своего самопожертвования, спасения и сообщения дара новой жизни. В этом смысле Его священничество абсолютно единственно и исключительно Ему принадлежит. Именно на основе единственности и неповторимой исключительности Своего священства и жертвы созидает Христос Свою Церковь.

Будучи плодом и даром Его уникального священства и жертвы, Церковь не зависит ни от чего земного или человеческого, ни от меры нашего отклика, ни от наших достижений и нашего роста. Будучи даром, она с самого начала содержит в себе всю полноту благодати и истины; в ней нет ни изменения, ни роста. Христос остается навсегда ее единственным Священником, Пастырем и Учителем. И чтобы это единственное священство — собственно Христово и поэтому поистине уникальное — могло всегда присутствовать в Церкви и всегда делать ее "полнотой наполняющего вся во всем" (Еф. 1,23), Он устанавливает институт священников в Церкви. Их священство на самом деле не их, а Христово, чтобы не иметь иного назначения, кроме личного назначения Христова, чтобы обеспечить присутствие и власть Его священства в Церкви, его непрерывность до воссоединения всех и вся в Боге. Как Отец посылает Своего Сына для спасения мира, так и Сын избирает и посылает тем, кому Он доверяет продолжение Своей спасительной миссии, власть Своего единственного священства.

Особенность этого назначения заключается в следующем: это не одно из человеческих назначений, а поистине отдельное — не выше их, как власть, привилегия или слава, не противоположное им, как нечто "священное", противостоящее "мирскому", — это назначение, которое, сохраняя присутствие в Церкви единственного в своем роде священства Христа, делает все остальные назначения реализацией царственного священства человека. Церковь имеет

священников для того, чтобы она могла реализовать себя как "царственное священство". Но именно потому, что она имеет священников и в их лице обладает единственным священством Христа, она поистине может быть царственным священством. Именно потому, что священник не по своему изволению, но по указанию и дару Святого Духа делает то, что делал и продолжает через него делать Христос: проповедует Евангелие, исполняет Церковь в таинствах и "пасет овец" — потому, что в священнике Церковь всегда остается все тем же самым даром того же самого Христа, — она может и во всех своих членах истинно свидетельствовать о Христе и о спасительной миссии, совершенной Им в мире.

"Цари и священники..." И вот, наконец, пророки. В этом третьем звании, третьем даре и назначении, которое открывается нам и восстанавливается в нас во Христе и даруется нам Христом, мы должны искать последнее измерение христианской духовности.

6. Пророк

В богословских учебниках третье *служение* Христа называется пророческим. Будучи исполнением всех пророчеств, Он Сам есть Пророк. Однако снова нам предстоит понять, что так же, как царственность и Священство Христа, Его "пророческий дар" есть исполнение в Нем Его человеческой природы, что Он является Пророком, потому что Он есть полный и совершенный Человек.

Сотворенный царем и священником, человек призван быть также и пророком. Если в Ветхом Завете это звание сохраняется только за некоторыми людьми, особо призванными Богом и получившими от Него особые дары, то это потому, что в грехопадении человек отверг и потерял свой естественный дар пророчества и перестал быть пророком. Но в самом начале, в Саду, Бог говорил с Адамом "во время прохлады дня" (Быт. 3,8), и Адам слышал Его голос; таким образом, человеку свойственно слышать голос Бога и отвечать на него. Более того, спасение провозглашается восстановлением в человеке его пророческого назначения: "и будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на

всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши". (Деян. 2, 17; цитата из Иоилиа 2, 28).

Что же такое пророчество? Вместо того, чтобы сводить его, как мы это обычно делаем, к таинственной способности предсказывать будущее, мы должны видеть в нем то, что нам открывается в Писании: власть, данную человеку для того, чтобы он мог познавать волю Бога, слышать Его голос и быть — в творении, в мире — свидетелем и исполнителем Божественной мудрости. Пророк — это тот, кто слышит Бога и поэтому может передать волю Бога миру, тот, кто видит все события, все "ситуации" очами Бога и поэтому может различать между тем, что есть человеческое и временное, и тем, что есть Божественное и вечное, — другими словами, тот, для кого мир "пронизан" Богом. И таково истинное назначение человека, его истинная природа.

Но так же, как он отверг свою царственность и священство, человек отверг и дар пророчества. В своей гордыне — а грех есть плод гордыни, искушения словами "вы будете, как Боги" — человек думал, что он может истинно познать мир и истинно владеть им без "пророчеств", т.е. без Бога; и именно это "непророческое" знание человек в конце концов назвал "объективным" и увидел в нем единственный источник всякой истины.

Поколения за поколениями теряют мечты и видения своего детства о величественных храмах этого Истинного Знания: школы и университеты, где доктора и кандидаты — уверенные в том, что владеют единственным доступом к Истине, — быстро превращают людей в слепых поклонников "объективности", а на самом деле — в слепых учеников слепых учителей. Есть ли необходимость доказывать во второй половине нашего трагического столетия, что поистине фантастическое накопление этого "объективного" знания (и техники, основанной на нем) не только не помешало нашей цивилизации прийти к всеохватывающему кризису — социальному, политическому, экологическому, энергетическому и т.п., — но что все больше и больше становится явным, что оно само является главной причиной кризиса. Надо ли еще доказывать, что, несмотря на то, что все это знание и вся эта техника предназначались (в соответствии с любимым лозунгом нашего века) для освобождения человека, человек чувствует себя более

порабощенным, более одиноким, потерянным, обескураженным, подавленным, чем в любой другой период человеческой истории? Что темная гуча отчаяния, страшное чувство полнейшего вакуума пронизывает даже воздух, которым мы дышим, и не могут рассеяться от искусственной эйфории нашего "общества потребления"? Что бессмысленное восстание приводит к равным образом бессмысленному устройству общества во имя абсурдных "освобождений", содержанием которых оказываются террор и кровь, секс и похоть, ненависть и фанатизм?

Печальный и иронический факт состоит в том, что, отвергнув и отказавшись от дара пророчества, данного ему Богом для истинного знания и истинной свободы, человек поработил себя призраку лжепророчеств, первым из которых является вера в "объективное" знание и его способность преобразовать и спасти мир. Никогда раньше мир не был так насыщен идеологиями, обещающими решение всех проблем, как в наше время, никогда раньше не существовало такого количества "сотериологий", претендующих на "научное" и "объективное" знание как лекарство от всех зол. Поистине наше время есть время пророческого обмана — псевдопророчеств и псевдопророков как в "науке", так и в "религии". Чем очевиднее становится поражение всех рациональных и научных псевдопророчеств, тем интенсивнее становятся поиски иррациональных, псевдорелигиозных псевдопророчеств, безошибочным признаком которых — в нашем технологическом и рациональном обществе — служат такие явления, как астрология, магия, эзотеризм и оккультные науки всякого рода, каждое из которых только доказывает, что пророческий дар — будучи естественным свойством человека — неразрушим в нем, а когда он разрушен в своей положительной, Богом данной сущности, он неизбежно проявляется как падшая, темная, бесовская одержимость.

Итак, восстановление Христом в человеке пророка внутренне присуще христианской идее спасения. Дар пророчества, который мы получаем в таинстве Святого Духа, не есть дар странной и чудесной силы, какого-нибудь "сверхъестественного" знания, отличного от естественного или даже ему противоположного. Это не какое-то иррациональное свойство, наложенное на наш

человеческий разум и заменяющее его, превращающее христианина во что-то вроде Нострадамуса или религиозного прорицателя. Это не экзальтация "видений" и "снов", являющихся заумной и иррациональной заменой логоса, вроде тайных "откровений" и всякого рода знамений. Пожалуй, наилучший способ определить этот дар — это назвать его даром трезвения, которое в христианской аскетической литературе всегда полагалось первой и главной основой всякой духовности. И трезвение противоположно "псевдопророчеству", которое всегда является плодом внутреннего беспорядка в человеке, разлада в его различных свойствах и дарах. Трезвение есть та внутренняя полнота и целостность, та гармония души и тела, сердца и разума, которая единственно может различать и, следовательно, понимать и, следовательно, обладать реальностью в ее целостности, как она есть, вести человека к единственной истинной объективности. Трезвение есть понимание, потому что прежде всего и во всем оно различает — как в почти бессознательных движениях души, так и в "больших событиях" — добро и зло, т.к. оно видит зло насквозь, даже если зло рядится, как это часто бывает, в одежды добра. Трезвение есть обладание реальностью, т.к., будучи открытостью всего человека Богу, Его воле и Его присутствию, постоянным ощущением Бога, оно делает человека способным принимать все, как исходящее от Бога и ведущее к Нему, или, другими словами, позволяет во всем видеть смысл и ценность.

Итак, таков дар пророчества, который мы получаем в святом помазании: дар различения и понимания, истинного обладания, во Христе и со Христом, собою и своей жизнью. Различать и понимать не значит все знать. Так, сказано: "Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти" (Деян. 1,7), — и Церковь всегда была весьма осторожна по части всякого рода футурологических пророчеств, которые столь популярны среди "религиозных" людей. Дар пророчеств не делает из нас чудесных экспертов по всем вопросам. Сам Христос "преуспевал в премудрости и возрасте" (Лк. 2,52), и Церковь всегда утверждала, что человеческий разум есть наивысшая, Богом данная способность человека, и отвергала и осуждала любое превозношение "иррационального", всякое презрение к знанию, науке

и мудрости во всех его проявлениях. Дар пророчества не выше и не вне истинной человеческой природы, восстановленной Христом, но, скорее, есть существенное, вертикальное измерение всех ее компонентов, всех человеческих даров и назначений. Во Христе нам было дано существенное знание — знание Истины — о Боге и о человеке, о мире и о его конечной судьбе. И именно эта Истина делает нас поистине свободными, способными к различению и пониманию, сообщает нам силу быть — во всех условиях и ситуациях, во всех профессиях и призваниях, в использовании всех наших человеческих даров — всегда и везде свидетелями Христа, Который есть высший Смысл, Содержание и Исполнение всего того, чем мы являемся, всего, что мы делаем.

Итак, помазание святым миром дарует нам царственность, посвящает нас в "царственное священство", сообщает нам пророческий дар. Мы получаем все это потому, что Святой Дух дарован нам Самим Христом — Царем, Священником и Пророком. Таким образом, теперь мы должны перейти к другому аспекту таинства: Святой Дух Сам есть дар Христа нам. Если от Святого Духа мы получаем Самого Христа, если Его сошествие делает нас причастниками жизни Христовой, членами Его Тела, соработниками в Его спасительной работе, то, с другой стороны, Христос посылает нам от Своего Отца, как последний дар — саму реальность Его Царства, Самого Святого Духа.

7. Святой Дух

Догматика определяет Святого Духа как Третье Лицо Троицы; в Символе Веры мы исповедуем Его как исходящего от Отца; из Евангелия мы знаем, что Он послан Христом как Утешитель, чтобы "наставить нас во всякую Истину" (Ин. 16, 13) и соединить нас со Христом и с Отцом. Каждое богослужение мы начинаем с молитвы, обращенной к Святому Духу: "Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю..." Преп. Серафим Саровский определяет христианскую жизнь как "стяжание Святого Духа". Св. Павел определяет Царство Божие как "праведность и мир и радость во

Святом Духе” (Рим. 14, 17). Мы называем святых носителями Святого Духа и мы хотим, чтобы наша жизнь была духовна.

Поистине Святой Дух есть сердце Божественного Откровения и христианской жизни. Однако, говоря о Нем, чрезвычайно трудно подбирать слова — столь трудно, что для многих христиан учение Церкви о Нем как о Личности, Лице, потеряло свое конкретное, экзистенциальное значение, и Он рассматривается как Божественная сила — не как Он или Ты, а скорее, как Божественное Нечто. Даже богословие, безусловно утверждающее учение о Трех Божественных Ипостасях, говоря о Боге — особенно в контекстах, связанных с Церковью и христианской жизнью, — говорит о благодати, а не о знании и опыте Святого Духа как Лица.

Но в таинстве помазания мы получаем Самого Святого Духа, а не просто ”благодать”: таково всегда было учение Церкви. Именно Святой Дух, а не некая божественная энергия нисходит на апостолов в Пятидесятницу. Именно к Нему, а не к ”благодати”, взываем мы в молитве, и именно Его стяжаем мы посредством духовного усилия. Таким образом, очевидно, конечная тайна Церкви состоит в знании Святого Духа, в обретении Его, в единении с Ним. И исполнение крещения в святом помазании есть личный приход и личное откровение человеку и пребывание в нем Самого Святого Духа. Но тогда естественно возникает вопрос: что это значит — знать Святого Духа, иметь Его, пребывать в Нем?

Лучше всего можно ответить на этот вопрос, сравнив знание Святого Духа со знанием Христа. Само собой разумеется, что для того, чтобы знать Христа, любить Его, принимать Его как конечный смысл, содержание и радость жизни, я должен сначала что-нибудь знать о Нем. Человек не может веровать во Христа, если он ничего не слышал о Нем и Его учении, а это знание о Христе мы получаем из апостольского учения, из Евангелия и от Церкви. И не будет преувеличением сказать, что в случае Святого Духа этот порядок — сначала знание о Нем, потом знание Его, а потом единение с Ним — должен быть обращен. Нет ничего, что бы мы могли знать о Святом Духе. Даже свидетельство тех, кто поистине познал Его и был в единении с Ним, не значит для нас ничего, если мы сами не обладаем подобным опытом. Каково же на

самом деле может быть значение слов, которыми евхаристическая молитва литургии св.Василия Великого говорит о Святом Духе: "Дух истины, сыноположения дарование, обручение будущего наследия, начаток вечных благ, животворящая сила, источник освящения"? Когда один ученик попросил преп. св.Серафима Саровского точнее "объяснить", что есть Святой Дух, святой ничего не добавил, но позволил этому ученику разделить с ним опыт наития Св. Духа, который тот описывает, как ощущение "необыкновенной сладости", "необыкновенной радости во всем сердце", "необыкновенной теплоты", что и является ощущением Святого Духа, так как, по словам преп.Серафима, "когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человека преисполняется неизреченною радостью; ибо Святой Дух радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся..."

Все это означает, что мы знаем Святого Духа только по Его присутствию в нас, присутствию, которое проявляется, прежде всего, невыразимой радостью, миром и полнотою. Даже в обычном человеческом языке эти слова — радость, мир, полнота — относятся к области, которую невозможно описать точно, которая по самой своей природе находится за пределами слов, определений и описаний. Они относятся к тем моментам жизни, когда жизнь переполнена жизнью, когда не испытываешь ни недостатка в чем-либо, ни стремления к чему бы то ни было, и нет ощущения ни тревоги, ни страха, ни печали. Человек всегда говорит о счастье, и действительно, жизнь и есть поиск счастья, стремление к своему самоосуществлению. О присутствии в нас Святого Духа можно сказать, что это и есть наполнение нас истинным счастьем. И так как это счастье приходит не от какой-либо внешней "причины", как это бывает с нашим жалким и хрупким мирским счастьем, которое исчезает вместе с исчезновением причины, его вызвавшей, и не связано ни с чем в нашем мире, но в то же время есть радость обо всем, это счастье должно быть плодом присутствия, пребывания в нас Кого-то, Кто Сам есть Жизнь, Радость, Красота, Полнота, Благословение. Этот Кто-то и есть Святой Дух. Ни одна икона не изображает Его, ибо Он не воплощался, не принимал человеческого облика. Но когда Он приходит к нам и пребывает в нас, все становится Его иконой и откровением, единением с Ним, знанием

Его. Ибо это Он делает жизнь жизнью, радость радостью, любовь любовью и красоту красотой, и поэтому Он есть Жизнь жизни, Радость радости, Любовь любви и Красота красоты. Он, Который скрыт за всем и над всем присутствует, обращает все творение в символ, таинство, ощущение Своего присутствия, делает встречей человека с Богом и единением с Ним. Он находится не "вне" вещей и неотделим от них, потому что Он освяtitель всего, но являет Себя Он в этом "освящении", как бы находясь вне этого мира, вне пределов того, что существует. Через это освящение мы познаем Его, а не безличное Божественное "Нечто", хотя никакие человеческие слова не могут определить и поэтому выделить как объект Того, Чье Откровение состоит в том, что Он открывает нам все и вся как единственное, как субъект, а не объект, все превращает в личную встречу с невыразимым Божественным "Ты".

Как исполнение Своей спасительной миссии, Христос обещал нам ниспослание Святого Духа. Христос пришел восстановить нас к жизни, которую мы потеряли в грехе, дать нам снова жизнь "с избытком". (Ин. 10, 10). А "содержание" этой жизни и, следовательно, Царства Божия есть Дух Святой. Когда Он приходит в "последний и великий день" Пятидесятницы, поистине открываются, т.е. проявляются и сообщаются нам с избытком жизнь и Царство Божие. Святой Дух, которого Христос имел от века как Свою Жизнь, дается нам как наша жизнь. Мы остаемся в этом мире, мы продолжаем разделять с ним его смертное существование; однако, так как мы получили Святого Духа, наша истинная жизнь "сокрыта со Христом в Боге" (Кол. 3, 3) и мы уже и сейчас являемся причастниками вечного Царства Божия, которое для "этого мира" является всего лишь грядущим.

Мы понимаем теперь, почему Святой Дух, когда Он приходит, соединяет нас со Христом, превращает нас в Тело Христово, в сопричастников Царственности, Священства и Пророчества Христа. Ибо Святой Дух, будучи Жизнью Бога, поистине есть Жизнь Христа; Он есть уникальным образом Его Дух. Христос, отдавая нам Свою Жизнь, дает нам Святого Духа; а Дух Святой, нисходя на нас и вселяясь в нас, дает нам Того, Чьей Жизнью Он является.

Таков дар Святого Духа, смысл нашей личной Пятидесятницы в таинстве святого помазания. Он запечатлевается, т.е. делает, являет, утверждает нас членами Церкви, Тела Христова, гражданами Царства Божия, причастниками Святого Духа. И этой печатью он делает нас поистине самими собой, посвящает каждого из нас в то, чем мы должны быть и стать по предвечному замыслу Божьему, раскрывая нашу истинную личность и тем самым наше единственное самоосуществление.

Этот дар дается полно, в изобилии и насыщении: "Не мерою дает Бог Духа" (Ин. 3, 34) и "от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать" (Ин. 1, 16). Теперь он должен быть усвоен, истинно воспринят, должен стать нашим. Это и есть цель христианской жизни.

Мы говорим "христианская жизнь", а не "духовность", потому что последний термин в настоящее время имеет особенно двусмысленный характер и может ввести в заблуждение. Для многих людей он означает некую мистическую и замкнутую активность, тайну, в которую можно проникнуть посредством овладения специальной "духовной техникой". В настоящее время в мире широко распространены неустанные поиски "духовности" и "мистичизма", но в этих поисках далеко не всегда присутствует здоровое начало — плод того духовного трезвения, которое всегда было источником и основой истинно христианской духовной традиции. Слишком много самозванных "старцев" и "духовных учителей", использующих всеобщую духовную жажду, фактически ведут своих последователей к смертельно опасному духовному тупику.

Поэтому в завершение этой главы важно подчеркнуть еще раз, что сущность христианской духовности в том, что она касается и охватывает всю жизнь. Новая жизнь, о которой апостол Павел говорит, "если мы живем духом, то по духу и поступать должны" (Гал. 5, 25), — это не иная жизнь и не замена старой; это та же самая жизнь, данная нам Богом, но обновленная и преображенная Святым Духом. Каждый христианин, каково бы ни было его назначение — будь он монахом в келье или человеком, погруженным в мирскую деятельность, — призван не расщеплять свою жизнь на "духовное" и "материальное", но должен восстановить ее как нечто целостное, всю ее освятить присутствием

Святого Духа. Если св. Серафим Саровский был счастлив уже в "этом мире", если его земная жизнь стала, в конечном счете, одним сверкающим потоком радости, если он поистине радовался каждому дереву, каждому зверю, если он приветствовал любого проходящего к нему словами "радость моя", то это именно потому, что во всем он видел Того и радовался Тому, Кто стоит за всем этим и превращает все в ощущение, радость, полноту Своего присутствия.

"Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание" (Гал. 5, 22). Таковы компоненты истинной духовности, цель всех духовных усилий, путь к святости, которая и есть цель христианской жизни. И "Святой", скорее, чем "Дух", есть собственное имя Святого Духа, ибо в Писании также говорится о "злых духах". И так как это имя Духа Божьего, невозможно дать ему определение в человеческих терминах. Оно не есть синоним совершенства, доброты, праведности и преданности, хотя оно и содержит и предполагает все эти качества. Тут наступает предел для человеческого языка, так как тут присутствует сама Реальность, в которой все существующее находит свое исполнение.

Только "Един Свят". Однако именно Его святость мы получили как истинно новое содержание нашей жизни в "помазании" Самим Святым Духом; и только Его святостью, постоянно возрастая в ней, мы можем поистине преобразить — сделать цельной и святой — жизнь, которую дал нам Бог.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Λατρεὶν τὸ ἔσθῃα*, Wenger, Sources Chrétiennes, 101.
2. Св. Иоанн Златоуст. Огласительные слова, 2, 25; Wenger, Sources Chrétiennes, 50, стр. 147.
3. Там же, 8, 25.
4. См.: Алмазов. История..., стр. 430 и далее; Finn, op. cit., стр. 191 и далее; J. Daniélou. Bible and Liturgy, гл. 2; см. также E. Peterson. Religion et vêtement (Религия и одежда), Лион, 1943.
5. E. Peterson. Religion et vêtement, стр. 4.
6. Св. Амвросий. De myst., 34. См. также св. Григорий Нисский. Baptism (Крещение), Hamman, стр. 122 и далее.
7. Об истории этого спора см.: В. Neunheuser. Baptism and Confirmation (Крещение и конфирмация), англ. перевод, The Herder History of Dogma, Нью-Йорк, 1964. J. Crehan, S.J. Ten Years' Work on Baptism and Confirmation. 1945–55 в Theological Studies, 1. (1956), стр. 494–516.
8. В. Neunheuser, гл. 11.
9. В. Neunheuser, гл. 10.
10. Еп. Сильвестр, op. cit., стр. 425 и далее. См. также Gavin, стр. 316 и далее; Tremelas, op. cit., стр. 132.
11. Там же, а также Gavin, стр. 317 и далее.
12. О слове *δωρεά* см. статью F. Büchsel, "δίδωμι, δῶρον... δωρεά etc." в G. Kittel, Theol. Dict. of the New Testament (Богословский словарь Нового Завета), т. 2, стр. 166 и далее. О слове *χαρίσματα* см.: H. Conzelmann, ст. "χαρίσμα, χαρίσματα" в G. Friedrich. Theol. Dict. of the New Testament (Богословский словарь Нового Завета), т. 9, стр. 402 и далее.
13. См.: F.J. Dölger, Sphragis (Печать), Падерборн, 1911. Также Daniélou. Bible and Liturgy, гл. 3; J. Ysebaert. Greek Baptismal Terminology: Its Origin and Early Development (Греческая крещальная терминология: происхождение и развитие в первые века христианства), Nijmegen, 1962; A. Stenzel. Die Taufe. Eine generische Erklärung der Taufliturgie (Крещение. Объяснение крещального богослужения), Инсбрук, 1957.
14. В II Кор. 3,4; Part. Граеса, 41, стр. 411.
15. О религиозных источниках и значении царственности см.: G. van der Leeuw, Religion in its Essence and Manifestations, т. 1, стр. 13.
16. См.: Paul Daubin, S.J., Le Sacerdoce Royal des Fidèles dans la tradition ancienne et moderne (Священная Царственность верных в древней и современной традиции), Париж, 1950.

(Продолжение следует)

РАЗМЫШЛЕНИЕ СМИРЕННОГО СЕРДЦА

(Перевод и публикация архим. Амвросия Погодина)

Среди византийских рукописей Ватиканской Библиотеки имеется рукопись, представляющая собой отрывок записей некоего монаха Василия о его беседах со Старцем, имя которого до нас не дошло; либо монах Василий, записавший слова блаженной памяти Старца полагал, что всем известно, о ком он говорит; либо имя Старца упомянуто в предыдущих записях этого инока, которые утеряны. Предполагается, что блаженный Старец, о котором говорит монах Василий, был известным подвижником одного из монастырей близ Константинополя и жил в начале XV века.

Инок Василий пишет следующее:

”Как я раньше говорил, блаженной памяти Старец редко нарушал свой затвор и только по нужде, движимый любовью к ученикам, выходил к нам и поучал нас своими словами, исполненными духовной сладостью и мудростью.

Пробыв несколько лет в отсутствии и вернувшись в Царский Град, я узнал, что блаженный Старец недомогает, и сильно пожелал увидеть его, прежде чем Господь не призовет его из этой жизни. Некоторые из нашей братии также пожелали вместе со мной навестить его, и, прибыв к дверям его кельи, мы через его келейника просили Старца удостоить нас своего благословения и поучения. Старец милостиво выразил готовность и велел вынести нам утешение и просил сесть на лужайке близ его кельи и отдохнуть от дороги. Вскоре он вышел к нам: он был совершенно седой, роста среднего, несколько сгорбленный, на устах его была добрая улыбка и с добротой он взирал на каждого из нас. Часто в глазах его отражалась скорбь, потому что он глубоко жалел весь мир, погрязший в грехах и бедствиях, и, говоря о сем, Старец опускал голову и плакал. Мы сели полукругом и внимали словам Старца. Он говорил нам, до какой степени Господь желает нашего спасения и все сделал для этого, и до какой степени простирается Его милость и благодатная

помощь и праведнику и грешнику, и до какой степени мало необходимо с нашей стороны для спасения души: трапеза веры исполнена до пределов; и, однако, люди небрегут о спасении своей души и призыв Господа не хотят слушать, хотя даже самые слова "спасение" и "спасться" говорят о крайней опасности, — ведь эти слова мы связываем с понятием крайней опасности и бедствия, говоря, например, "спасся от пожара", "спасся от гибели", "спасся во время нашествия врагов" и т.д., — и должны побуждать человека к сугубой осторожности в жизни и к сильному желанию спастись; должны будить в человеке веру в Спасителя и любовь к Нему. Между тем, люди небрегут о сем, считая, что реален только этот, земной мир, видимый нашим глазам; а между тем, не знают они, что духовный мир и есть реальность и сущность вещей; так весь земной, материальный мир, объемлемый понятиями высоты, ширины, глубины и веса, находится во власти времени, которое все приводит к разрушению, потому что время — слуга смерти; а духовный мир стоит вне этих ограничений, вне этих цепей и рамок меры, и он бесконечно богат, вечен и неразрушим. Поэтому в духовности и состоит "regnum natura".

Говорил блаженный Старец и о том, что приближается страшное время. Враги Господа нашего Иисуса Христа пленят нашу землю и Великая Церковь уже перестанет быть храмом Божиим. Великие бедствия постигнут землю ромеев (греков) и она перестанет существовать по великим судьбам Божиим. Умирают отдельные люди, умирают города, умирают и целые народы: потому что нет ничего вечного под солнцем, кроме вечной души человеческой, созданной по образу и подобию вечного Бога. Не ждите помощи от западных христиан, ожидая, что они возьмут оружие и поднимутся на защиту общего христианского наследия. Не ждите. Потому что западные христиане — не христиане. Они — язычники. У нас, православных, также много языческого. Брат, не огорчайся этими моими словами, а исследуй свою душу: посмотри, сколько в ней кумиров: Меркурий — бог алчности, Афродита — богиня плотского

вожделения, Арей — бог гнева и т.д. — а в середине их некий Зевс — сам ты в своем самолюбии и самоугождении; да, брат, у нас много языческого, поэтому мы, православные, и грешны и как отдельные личности, и как народ. Но все же мы язычники на поверхности, а в глубине души мы — христиане; потому что в смирении нашем мы имеем в сердце Христа. И поэтому, несмотря на наши грехи, "во смирении нашем помянул нас Господь". А западные народы — на поверхности христиане; а в сердце, в душе — язычники. Мы, православные, скорбим, что у нас в душе живут идолы, и в смирении падаем ниц перед Христом и всем сердцем хотим быть Его. А у западных, как некая легкая позолота на меди, существует христианство, а дальше — полное язычество, потому что они поклоняются своим кумирам в душе и те владеют ими, и поскольку они горды — у них в сердце нет Христа. Поэтому мы, православные, действительно, язычники — на поверхности, а христиане — в глубине; а западные, латиняне, христиане на поверхности, а язычники — в глубине. Поэтому не жди от них помощи для нас. Мы, православные, для них — чужие.

Но это еще не будет концом мира. Конец мира наступит позднее, и время пришествия конца мира находится в руках Божиих, а вместе с этим — и человеческих. Бог пошлет Свой серп всемирной жатвы тогда, когда человеческое зло созреет до пределов; пока же на земле живут вместе со злыми и праведные, и пока стоит Церковь Христова, "не осквернив свои одежды" (Откр.3,4), до тех пор зло в мире не в силах еще созреть; когда же праведников уже не будет и когда океан зла затопит всю вселенную, тогда придет конец мира и он будет сожжен и исчезнет в небытие для перерождения в новый и совершенный мир, в котором правда живет (2 Петр.3,9—12). При наступлении конца мира все бедствия, которые земля и люди испытали до сих пор, не могут идти в сравнение с оными, грядущими бедствиями. Тогда придет время скорби на всю вселенную, и человек возненавидит человека, и человек убьет человека, и человек не будет верить человеку; и бедствия будут

сменяться еще более страшными бедствиями, и страх — страхом, и опасность — опасностью, и боль — болью, и скорбь — скорбью. Но люди не вразумятся и не прибегнут к Богу, могущему их спасти, а, наоборот, эти скорби приведут к тому, что всякая духовная жизнь иссякнет: человек будет настолько озлоблен, настолько окаменен, омрачен и поглощен единой заботой, как бы просуществовать, что для духовной жизни уже не будет у него ни воли, ни места в сердце, да и наставников духовной жизни уже не будет, потому что и они пойдут за веком сим, и Божии церкви либо опустеют, либо будут разрушены, либо духовно осквернены недостойными архипастырями и пастырями. И в самый разгар бедствий и хаоса в мире явится антихрист; он придет как бы умиротворитель и успокоитель и добрый хозяин, могущий привести мир в порядок, а на самом-то деле он будет враг всему и ненавистник всякого блага, и тиран и злодей, какого еще не бывало в мире, никогда и не будет. Каждый человек будет под учетом; каждое не только дело и жизнь, но и слово и даже душевное движение его будет под непрерывным надзором и наказанием, так что человек отучится и думать из боязни, чтобы на лице его невольно не отразилось нечто не созвучное власти всемирного правителя, т.е. антихриста. Всякий труд и каждая пядь земли и горсточка зерна будут во власти антихриста; и в наступивших природных бедствиях чрезмерный жар будет сменяться на чрезмерный холод, засуха на наводнения; страшные вихри будут разрушать многое; вулканические извержения, землетрясения, болезни среди людей, животных и растений поразят ужасом и отчаянием живущих на земле. На земле, уже не благословляемой на труд над ней и на плодоприношение, наступит ужасающий голод и полное оскудение во всем. И только принявшему на себя знамение Зверя, т.е. сатаны, будет позволено до времени существовать, хотя и в самых рабских и низких условиях крайней нищеты и попрапия человеческого достоинства, принятого человеком от Его Творца. Все будет сделано с той целью, чтобы имя Христово совершенно было

похищено из сердца человека. Поистине, наступит адское царство на земле. Людей Божиих останется очень мало. Наступит царство ада на земле. Страшные бедствия будут не только на земле, но обымут и всю вселенную. Потому что и для земли и для всей вселенной, связанной с землей в едином плане творения, придет время агонии; потому что и земле и всей вселенной надлежит умереть для того, чтобы затем облечься в нетление, по слову апостола: "Тленному надлежит облечься в нетление" (1 Кор. 15,53). Ты слышал слова Спасителя нашего: "Вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются" (Мф. 24,29). И пророк говорит: "Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный" (Иоиль 2,31). И другой пророк говорит: "Звезды небесные и Орион, и все украшение небесное, света своего не дадут: и помрачится солнце воссиявающее, и луна не даст света своего" (Ис. 13,10); и еще: — "Сего ради проклятие пояст землю, яко согрешиша живущии на ней: сего ради убози будут живущии на земли, и останется человеков мало. Престала есть радость вся земная, отиде вся радость земли. Возмется вода морская и потрясутся основания земли. Мятежом возмется земля и скудостью оскудеет земля. Истают вся силы небесныя, и свиется небо яки свиток, и вся звезды спадут яко листве с лозы, и якоже спадает листвие смоковницы" (Ис. 24,5,6,11,14,18, 19. 34,4). И в Откровении читаем: "И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь; и звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих" (Откр. 6,12—14). Будет, по выражению одного древнего писателя, "такое время, в которое никто не пожелал бы жить; из ночи в ночь будет увеличиваться тревога; изо дня в день — трепет". Перед кончиной мира люди увидят агонию вселенной, которая

должна разрушиться для того, чтобы Бог создал все новое, нетленное и неразрушимое. Этот мир состарился и обветшал по причине греха и мирового зла; новый мир будет управляться правдой Божией и поэтому он будет вечен и прекращен. Великий апостол говорит: "Видех небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая преидоша. И рече Седяй на престоле: Се нова вся творю" (Откр. 21,1,5). Но пока это не наступит, бедствия будут чрезмерны и Церковь Христова будет гонима до пределов, чтобы совершенно отъять ее с лица земли: потому что до тех пор, пока совершается Божественная Литургия благодатным священством, власть дьявола не может осуществиться на земле. Каждая Божественная Литургия — это присутствие Божие на земле и возвешение победы Христовой над дьяволом и смертью. Гонение на Церковь Христову будет и явное и скрытое, тайное и наглядное, отдельное и поголовное, и везде и всячески. Будет известное число мучеников; как велико оно будет, это — известно только Богу; но будет и множество отступников, которые примут на себя знамение Зверя. Этих отступников, этих слабых, этих негодных уже давно подготавливали силы зла: в течение многих столетий силы зла подкапывали основания Церкви. Но знай, что самые мощные силы ада, "врата адовы" — не одолеют Церковь (Мф. 16,18), с которой Господь Христос обещал пребывать до скончания века (Мф. 28,20). Эта Церковь будет гонимой беспощадно и будет скрываться в пещерах и пропастях и пустынях и на служителях ее будет почивать благодать Божия, и Бог не допустит великому врагу уничтожить их. Братья, внимайте знамениям наступления конца мира, которые нам открыл Господь наш Иисус Христос и Его пророки и апостолы, и не ослабевайте в вашем уповании на Бога".

Здесь рукопись прерывается.

"Мы просили Старца рассказать нам о своей прошлой жизни, прежде чем он взял на себя благое иго в монашестве послушать Господу Иисусу Христу. На это он нам ответил: "Брат,

у меня нет моего прошлого. У монаха нет ничего собственного. Прошлая жизнь — если она была хороша — Бог это ведает; если дурна — Бог простил меня, призвав меня к спасению. Нет у меня ничего "своего", кроме чувства своей неключимости: все в руках моего Спасителя: жизнь, душа и все движения и всякое дыхание. Нет у меня ни моего настоящего: спасаюсь ли я, или нет, живу ли угодно Богу, или нет, поступаю ли по правде Божией? — не вем; это ведает только Бог. Слышал я, вы меня называете "блаженным старцем". Брат, только тогда я блажен, когда пребываю в молитве, потому что тогда моя душа соединяется со всесвятым и блаженнейшим Богом; а иначе — я грешный и убогий. Нет у меня ни моего будущего: потому что это всецело в руках Божиих: простит ли Он мои грехи или нет, призовет ли быть с Собою и впишет ли мое имя в Книгу Жизни, или нет: по грехам моим я буду осужден на вечную муку, как недостойный Бога? — не вем и трепещу. Если, по слову Писания, и вся человеческая праведность, как грязное рубище перед лицом Божией всеобъемлющей Правды и Святыни (Ис. 64,6), то что же сказать мне, грешному и убогому, у которого ничего нет. Единственное, что есть у меня, это мой Спаситель, мой Бог, мое Радование; а другого ничего у меня в жизни и нет. Бог, ангелы и душа — единственная реальность во веки веков. Аминь".

Нижепомещаемая беседа Старца, которую мы, следуя его выражению, именовали "Размышлением смиренного сердца", была сказана за пять дней до праздника Святой Пятидесятницы. Начало Беседы, однако, мы почерпнули из письма Старца одному его духовному сыну.

РАЗМЫШЛЕНИЕ СМИРЕННОГО СЕРДЦА

1. Возлюбленный брат, прими это краткое размышление, плод смиренного моего сердца. Я знаю, что ты не откажешься принять его, зная, что каждый любящий своего брата — по заповеди Господней (Ин. 15, 12) — желает ему духовного утешения на его пути в Царство Небесное, возделенную цель нашего земного странничества. Ты не знаешь, что в древности монахи, встречая друг друга на пути, приветствовали друг друга так: один вопрошал: "Брат, как ты спасаешься?" На что другой отвечал: "Твоими святыми молитвами, отче". — Воистину, мы нуждаемся в духовном подкреплении друг от друга, потому что путь не легкий и легко погибнуть, почему и апостол нас увещевает: "Блюдайте, како опасно ходите, скупующе время, яко дние лукави суть" (Ев. 5, 15, 16); и еще: — "Дондеже время имамы, да делаим благое ко всем, паче же к присным в вере" (Гал. 6, 10). Да, брат, много у нас врагов на нашем пути: враг в сердце каждого из нас — это наше греховное вожеление, отчаяние и маловерие; враг наш извне — диавол, нападающий на нас со всех сторон и никогда не оставляющий нас безвредными и безмятежными; враг — окружающие нашу жизнь, следующие по пятам и опережающие нас заботы, тревоги, огорчения, опасности, злые обстоятельства и злые люди; враг наш — и самое время, отнимающее от нас жизнь и приводящее к состарению и немощи: так что в сущности у нас очень мало остается времени для работы на спасение нашей бессмертной души. Итак, брат, спроси самого себя, и часто спрашивай: "Душа моя, как ты спасаешься?" И, однако, возлюбленный, несмотря на все эти невзгоды и опасности, я тебя приветствую, говоря тебе: "Радуйся!" — Радуйся — потому что ты — христианин и носишь на себе имя Христово. Радуйся — потому что, ради Господа нашего Иисуса Христа, Бог тебя принял в Свои сыны, и ты ежедневно обращаешься к Нему со словами: "Отче наш". Радуйся — потому что Сын Божий и Спаситель твой именует тебя "братом Своим" (Ин. 20, 17. Евр. 2, 11–12). Радуйся — потому что ты искуплен (Гал. 3, 13. 1 Тим. 2, 6). Радуйся — потому что для тебя уготовано Царство от сложения мира (Мф. 25, 34), если ты только сделаешь усилие в течение этой

жизни, дабы наследовать его в вечности. Радуйся — потому что ты уже причислен к лику спасенных (Еф. 2,5) и уже вписан в Книгу Жизни (Откр. 3,5), и от тебя требуется мало, чтобы подтвердить это и удержаться на такой великой высоте. Радуйся — потому что Бог призвал тебя в монашестве угодить Ему и облек тебя "ризой спасения" — каковой разумеи крещальную твою рубашку — и "одеждою веселия" (Ис. 61,10), каковой почитай твои монашеские одежды, и знай и радуйся, что Сама Божия Матерь и сонмы преподобных покровительствуют тебе, если ты только не падешь духом и не станешь нерадеть о своем звании. Но если ты споткнулся, то Они же помогут тебе встать, лишь бы ты только имел решимость продолжать свой путь и избежать тину, из которой нет спасения. Брат-монах, как только Бог услышал от тебя твои монашеские обеты, Он даровал тебе крылья для того, чтобы ты невозбранно взлетел к небу выше сего мира и немеркнущими очами мог взирать на солнце славы. Смотри, блюди, ревнуй о своих крыльях и не допусти врагу тайно или явно подрезать их у тебя, потому что есть ли что более несчастное, чем орел, ползающий по земле?! Нет, брат, я знаю, что с помощью Божией этого не приключится тебе и ты поднимешься выше всех сетей и ловушек и взлетишь в небо, к Богу, призывавшему тебя "званием святым" (2 Тим. 1,9). И посему, услышь слова апостола: "Радуйся всегда о Господе; и паки реку, радуйся" (Фил. 4,4). Знай, что для тебя время не ждет; люби время своей жизни, потому что это — время, которое Господь тебе доверил для того, чтобы ты потрудился о спасении своей души, и другого времени уже не будет. Ты вспоминаешь свое прошлое; придет время, когда и вся жизнь твоя уже будет прошлой и ошибки прошлого уже не будут возможно исправить. Вспоминаю, как некогда к нам прибыл на 6-й неделе Великого Поста один известный, блаженной жизни архипастырь, который в своей беседе к нам говорил: "Вот, еще так недавно была первая седмица Великого Поста, исполненная напряженной и подвижнической молитвы; а вот уже теперь мы в шестой седмице и, можно сказать, при конце Святой Четыредесятницы. Так быстро пролетело время! Так быстро пролетит и наша жизнь". Вспоминаю я этого блаженного архиерея; вспоминаю голос его и выражение его лица; казалось, это было вчера, а на самом деле прошло уже очень

много лет со дня его кончины. Воистину, так быстро летит время нашей жизни! Не случилось ли тебе, по окончании Великого Поста, если ты его соблюдал не с той строгостью, как это должно, или попускал себе или даже нарушал этот пост, — с горечью в сердце пожалеть, что время поста уже закончилось, и ты не проявил к Христу той любви, которую мог, и таким образом потерял благое время Великого Поста, как бы остался в стороне от благоприятного времени?

Радуйся, что ты сейчас живешь и тебе дана возможность проявить любовь к Богу, угодить Богу, потрудиться, показать себя Его верным рабом, и не рабом, а — сыном, по слову Евангелия (Ин. 1, 12). А если ты призван в такую честь, в такую радость, то, что же, перетерпи все скорбное стойко и мужественно и ни в коем случае не смей мне опускать голову в печали, потому что для этого нет никакого основания. Представь себе, что некоему человеку было бы обещано, что по окончании им училища он получит сан сановника при царе, богатство и почести; но только для этого он должен теперь же пройти полный курс учения. Скажи, как тебе кажется, ужели бы этот человек с радостью не стал бы запоминать наизусть. Посмотри на учеников: как они устремляются в училища, как стараются, как подвергают себя дисциплине строгих наставников; иногда плачут над трудной задачей и, однако, не оставляют своего учения, потому что знают, что это им необходимо для будущего: надежда лишь на некое благополучие в жизни, а прямое ручательство Божие, что тебе будет очень хорошо, если ты ныне постарайся учиться, и дано тебе будет за это — подумай только! — целое царство, и не просто царство, а — Царство Небесное, вечное, непреходящее, бесконечно более славное и счастливое и возвышенное, чем любое земное царство. И обещает тебе это Сам всесильный и всебогатый и всемилостивый Бог, Твой любящий Отец! Какое же у тебя тогда основание падать духом? какой предлог и причина ослабевать и отстраняться от предложенного тебе счастливого удела? Но, может быть, ты скажешь: я — слаб и немощен и никакого успеха в небесном учении не показываю? — Брат, все равно учись и все равно старайся. Помню, был у нас в юности наставник, и был он строгий. Но если ученик старался: не пропускал его уроков и исполнял домашние задачи, то хотя бы

этот ученик и был весьма неспособным, однако этот наставник снисходил к нему и давал ему возможности дальнейшего продвижения в училище, взирая не на его успехи, а на самое старание. Если так поступал он — строгий наставник, то что же сказать нам о всемилостивом и прощающем наши немощи Боге.

2. А теперь побеседуем на подлежащую нам тему. Миновала Святая Пасха; миновало Вознесение Господне, а теперь ожидаем Святую Пятидесятницу. Это были великие и святые праздники, а теперь — великое и святое время ожидания и приготовления к конечному Святому Празднику, которым увенчивается круг дней Святой Четыредесятницы и Святой Пятидесятницы.

После вознесения на небо Господа нашего Иисуса Христа, соделавшего спасение рода человеческого; после того, как свет спасительного Воскресения воссиял всей вселенной и святые ученики насладились превечной и неотъемлемой радостью восстания от мертвых Учителя и Господа и утвердились в полном сознании великой победы над всемирным злом и над смертью, которую одержал Христос Бог, и в участие в которой они были призваны (Ин. 16, 33. 1 Ин. 2, 14. 5, 4), — святые апостолы, по заповеди Спасителя, пребывали в Иерусалиме в ожидании сошествия на них Святого Духа (Лк. 24, 49. Деян. 1, 4—5), которое было необходимо для их помазания и укрепления на подвиг всемирной проповеди Божественного Евангелия. Перед ними открывалась великая, славная и многотрудная стезя, и человеческие силы, конечно, не довели даже для вступления на нее, а тем паче для прохождения сей царской дорогой до победного конца. Но Дух Святый, сойдя на Церковь Сына Божиего, оспособит их для этого и явит их тем чудом, каким они вошли в историю человечества. Именно: Он сделает их *победителями мира*, их — которые не имели с собою ни меча, ни копья, ни легионов, ни военных кораблей, ни сокрушающих стены таранов; Он явит их *мощнокрыльми орлами*, облетевшими все концы мира, их — не имевших к своим услугам ни скоротечных колесниц, ни быстrokрыльх кораблей, ни дорог, ни пристанищ; Он учинит их добрыми *ангелами вселенной*, одолевшими полчища князя мира сего, их — которые оставались смертными людьми, носившими немощное тело; Он покажет их богачами, приобретшими весь мир для Христа, их — которые

оставались бедняками в отношении земных благ и бездомными странниками на дорогах сего мира; Он представит их *мудрецами*, ничего не взявшими от еллинской философии и от мудрости века сего, и, однако, рыбарскими мрежами уловившими всю вселенную в познание Божие и пучиною премудрости Божией затопившими всю гнилость безбожия. О, уже ли это все — не чудо из чудес?! Итак, святые апостолы, после Вознесения Господня, пребывали в ожидании пришествия Святого Духа, Которого еще не знали, не вкусили, не испытали, потому что Дух Святой еще не сошел на Церковь. И не только они ожидали великий Дар, который имели приять, но, как говорит Писание, единомысленно пребывали в молитве и в молении (Деян. 1, 14. 2, 1).

3. Возлюбленный брат, после недавнего праздника Вознесения Господня, после радости Воскресения Христова, после того, как и для тебя отверзся путь подвижничества, так и ты пребывай в молитве, ожидая наступления конечного и великого праздника Святых Пятидесятницы. Конечно, Дух Святой, после первой христианской Пятидесятницы, бывшей во времена святых апостолов, уже неотступно и всегда пребывает в Церкви и благодать Его неоскудно совершает все таинства в течение всего года; но знай, что в праздник Святой Пятидесятницы, когда Святая Церковь торжественно совершает память излития Святого Духа на Церковь, это — не только воспоминание прошлого события, хотя и имеющего столь великое значение и для прошлого, и для настоящего, и для будущего (потому что все совершаемые Церковью праздники и таинства имеют значение для вечного), но это — и особое, обильнейшее пребывание Святого Духа в Церкви и сильнейшее осенение Его благодатию всех тех, которые в этот день молитвенно пребывают в храме Божием и, преклонив свои сердца и колена, молятся о приятии Святого Духа в свои души и благословения на свою жизнь. Святые апостолы, как мы сказали, пребывали в молитве и в молении, ожидая пришествия Святого Духа, так и ты, подражая им, заранее молись и усердным молением подготовь себя так, чтобы благодать Святого Духа не только коснулась тебя, но и неоскудно и неотъемлемо возобитала в твоём сердце. Не думай, что время между Вознесением Господним и Святой Пятидесятницей является как бы некой пустотой; нет, это — время особо данное

тебе для того, чтобы ты подготовил себя к приятию великого Дара и Таинства. Далее, не говорится в Священном Писании, что апостолы, ожидая пришествия Духа Божиего, в то время пребывали "в молитве и в посте", как это говорится в иных случаях (Деян. 13,3. 14,23. 1 Кор. 7,5. 2 Кор. 6,5, 11,27), но просто говорится, что они пребывали "в молитве и в молении"; и их ожидание великого Дара (Деян. 11,20) не было связано ни с какими трудами и тяготами, так что их подвиг был только духовным. И от тебя сейчас не требуется никакого поста или земных поклонов, а только — радостное ожидание Благодати и пребывание в молитве; и смотри не неради о ней; и, как святые ученики Христовы в оные времена, так и ты, подражатель им и также ученик Христов, "пребывай всегда в храме, прославляя и благословляя Бога" (Лк. 24,53).

4. Итак, после Вознесения Господа во плоти и до наступления Пятидесятницы, святые апостолы ожидали пришествия Святого Духа. Потому что Дух Святый еще не сошел тогда. Бесценный, драгоценный Дар Церкви еще не прияла. Тело Церкви было еще как бы неодушевленным. Дух Святый еще не пришел, чтобы оживотворить и воздвигнуть Церковь Христову; сердце Церкви еще не билось.

О, Душе Святой, прииди и вниди в сердце Церкви Сына Божиего! О, Душе Святой, прииди и в наши земные храмы и в наши сердца! Да, брат, Дух Святой придет во храмы Божии. Блюди же, чтобы Он вошел и в твою душу и тело. Ты знаешь, что Церковь есть там, где обитает Дух Святой; без Духа же Святого нет и Церкви. Поэтому еретические сборища не есть Церковь, хотя бы внешняя их форма и напоминала Церковь; но знай: это — лишь труп без жизни. Дух Святой пребывает там, где — вера правая и утверждение в добре и правде незыблемое. Про такую Церковь Бог свидетельствует как о Невесте Своей и вещает ей: "Вся добра еси, ближняя Моя, и порока несть в тебе" (Песнь Песней 4,7). Брат, обращаюсь к тебе: ты также — храм Божий, по слову божественного Павла: "Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы — не свои" (1 Кор. 6,19), т.е. принадлежите не себе, а Богу; принадлежите Господу нашему Иисусу Христу, Который искупил вас великой "ценою"

(1 Кор. 6, 20), Кровью Своею честной, которой Он приобрел тебя для Себя (Деян. 20, 28). Итак, ты — храм Божий. Дух же Святый пребывает в тебе тогда, когда у тебя вера православная и образ жизни отвечает этой вере. Если же ты потерпел ущерб в отношении твоей веры или согрешил иными грехами в жизни, не скорби! А лучше сказать: да, скорби; но не приходи в отчаяние, потому что Бог ведает твое неможение; "плоть — немощна", снисходительно к тебе сказал о тебе твой Творец (Мф. 24, 41). И земные храмы терпят ущерб и нуждаются в обновлении их, хотя бывают сделаны из камней, кирпичей, мрамора и железа, т. е. из элементов куда более прочных, чем твое тело, которое в результате грехопадения даже и бессмертной твоей душе передает свою немощь и многоболезненность. И если проявишь усердие, то в день Святой Пятидесятницы, во время твоей молитвы, произойдет обновление твоего храма, и благодать Святого Духа сильна и мощна сделать его снова крепким и благолепным. Молись же, чтобы тебе никогда не перестать быть храмом Божиим и чтобы Дух Святый не только не покинул тебя, но и обновил и укрепил и освятил и облагодетельствовал.

5. Брат, понимаешь ли ты: КТО ТАКОЙ — СВЯТОЙ ДУХ? — Дух Святый это — СВЕТОПРЕЧНЫЙ; это — ОГНЬ ЖИВОТВОРЯЩИЙ во веки; это — ЖИЗНИ ПОДАТЕЛЬ и САМА ЖИЗНЬ; это — УМ и СИЛА, бездну Которой может ли кто из смертных — да и не только из смертных, но и из премирных ангельских сил — когда-либо постигнуть и описать? Дух Святый есть БОГ, ТРЕТЬЕ ЛИЦО СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, ОТ ОТЦА ИСХОДЯЩИЙ И НА СЫНЕ ПОЧИВАЮЩИЙ, ЕДИНОЧЕСТНЫЙ И ЕДИНОПРЕСТОЛЬНЫЙ С НИМИ. Дух Святый это — САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ ЧТО ТОЛЬКО ЕСТЬ В МИРЕ.

Брат, знаешь ли ты, Кто Такой — Дух Святый? Если ты ответишь: да, знаю, — то ты заблуждаешься, и я боюсь за тебя, потому что только Бог знает Сам о Себе, по слову апостола: "Божиего никто не знает, кроме Духа Божия" (1 Кор. 2, 11); это еретикам присуще как бы "брататься" с Духом Святым; нам же, православным, достоит со страхом и трепетом и самое имя помянуть Святого Духа, нашего Бога. Но если ты ответишь: нет, не знаю, — то опять же я боюсь и болезную за тебя, потому что это

свидетельствует о том, что жизнь твоя остается беспросветной ночью. Брат, мы должны ЗНАТЬ Духа Святого в малой мере нашего восприятия: потому что, если Духа Христова нет в тебе, то ты не — Христов; если Дух Святой не коснется в этой жизни твоего сердца, то — горе тебе, потому что ты еще духовный мертвец (Рим. 8,9,10).

Брат, не касалась ли тебя когда-нибудь великая радость? — Это был Дух Святой. Брат, не испытывал ли ты, находясь в полном внешнем довольстве, мучительнейшее томление по Небу? — Это Дух Святой вещал тебе и звал тебя к Себе. И наоборот, быв в лишении всего, не испытал ли ты когда-нибудь всецелую, скажу так, полноту всего, так что тебе уже ничего на свете и не надо было? — Это был Святой Дух. Брат, не посещало ли тебя, хотя бы на мгновение, сонное видение красоты неописуемой, невообразимой, всеобъемлющей и, конечно, не земной? — Это Дух Святой приоткрыл тебе завесу будущего мира (впрочем, в отношении снов всецело полагайся на духовное руководство твоего Старца). Брат, не казалось ли тебе часто, что весь мир, со всеми своими благами, не стоит и единой свечки, и не хотелось ли тебе тогда броситься на колени и молить о небесном утешении? — Это Святой Дух коснулся твоей души. Брат, когда Дух Святой коснется твоей души, знай, что тогда весь мир представится тебе совершенно иным, чем ты представлял себе его до тех пор, как и этот наш вещественный мир бывает иным ночью и совершенно иным, когда его озарит солнце и когда нашему взору все становится ясным и отчетливо-познаваемым. Брат, в минуты тяжкой скорби не приходило ли тебе неожиданно и благостно утешение и успокоение, как бы среди зимнего холода неожиданное веяние грядущей весны и теплое дыхание весеннего ветерка? — Это Дух Святой утешил тебя, потому что Он — Утешитель. Брат, не испытывал ли ты внезапное чувство горячей любви к Богу, и хотя ты и не видел Его и не можешь видеть, ни осознать умом, — ты почувствовал Его близость к тебе своим внутренним человеком, не зывал ли к Нему со слезами в сердце: "Твой есмь аз, спаси мя!" (Псал. 118,94)? — Это Святой Дух, Сама Любовь, милостиво призрел на тебя.

6. Брат, посмотри на этот окружающий тебя мир. Взгляни на ночное небо: какая стройность течения звезд, и каждая звезда — как

сверкающий алмаз на порфире Небесного Царя! Стройно как бы проплывают в безмерном просторе, совершая положенный им Богом путь таинственные созвездия в ночной час, напоминая нашему уму о Творце и о вечности. Их создал Бог. Для чего? для какой цели? — Не знаем ныне; но когда и сами приобщимся к вечности, все нам будет открыто... Но вот наступает восход солнца. Взгляни, бледнеет небо; тихая, легкая синева сменяет темноту ночи; легкое, едва заметное начертание света появляется на востоке: это — уже не ночь, но еще и не день, минуты, полные тишины и загадочности: это как бы опять мир готовится быть созданным Богом, как было в седом начале. И помнишь, Бог сказал тогда: "Да будет свет: и бысть свет" (Быт. 1,3). Вот и теперь — свет на востоке становится все ярче и ярче, а звезды как бы угасают одна за другой, как светильники, которые окончили свое ночное служение, и ангелы гасят их до наступления ночи. И вдруг мощно, как бы разлитое золото, царственно воссиявает солнце и осиявает всех своим царственным сиянием, и все ожило, и все восхваляет Дарователя света. Восходящее солнце своими лучами целует землю и всю сослужебную тварь и пробуждает ее вознести хвалебный гимн общему Творцу.* Слава Тебе, показавшему нам свет!

О, Солнце Правды, Господи Иисусе Христе, воссияй паки в этом ночном мире нашей греховности и озари тяжко спящие души наши и пробуди их к хвалению Тебя и восстави их в благоугождение Тебе!

Взгляни, брат: вот с восходом солнца все сбрасывает с себя сон; взгляни, птицы взвиваются к небу и наполняют небо и землю своим пением; вот туман снимает свой покров с речки и полей и тонкой пеленой поднимается к небу, и разверзается как бы некая завеса из тончайшей материи. Взгляни на всю эту красоту. Обрати свой взор опять на небо: там, где столь недавно был мрак ночи, теперь царствует дивная лазурь и ярко-белые облака озарены расплавленным золотом солнца. Взгляни, брат, на это ежедневное, столь привычное чудо; посмотри, что создал Бог, Святая Троица: Отец, Сын и Святой Дух, и заключи о Боге и прими это в сердце. Затем, перенеси свой взор на темные леса, на великие горы, верхи

* Сия фраза Феодота еп. Анкирского.

которых всегда покрывает снег, как бы некая почтенная седина: какие они великие и торжественные, как бы некие нерукотворенные храмы Божии: они вместе и великие, и грозные, и прекрасные! Все это создал Дух Божий, и, по слову Писания, "в руце Его вси концы земли, и высоты гор Того суть" (Пс. 94, 4), и "прикасаяся горам, и дымятся" (Пс. 103, 32), как некие великие и нерукотворенные жертвенники. Вспомни, что и Господь наш Иисус Христос во время Своей земной жизни любил восходить на горные места, может быть по той причине, что они — ближе к небу.

Господи, возвысь и наш ум от земли к Тебе на небо, и пусть, когда отыметсЯ с очей наших туман ненужных и тягостных мыслей, он всегда взирает к Тебе, и сделай наше сердце жертвенником чистых и возвышенных мыслей; сделай его по слову Писания "горой святой Твоей" (Пс. 47, 2 и т. д.).

Брат, помнишь ли ты одного священного Старца, который в ответ на сетования своих учеников, печалившихся на невозможность приобрести дорогостоящие священные книги, поднял руку к небу и сказал им: "Чада, Бог нам дал две священные книги, которые всегда направляют нас к спасению: Святое Евангелие, эту книгу из книг, явившую нам все, и — этот небесный свод, который как некая огромная и отверстая книга научает нас о Боге. В ночной час это листы черного пергамента с серебряными буквами, научающие нас о бесконечном величии и мудрости Творца и грозно напоминающие нам о вечности и таинственности будущей жизни. В дневной же час — это листы голубого пергамента с живительными надписями из золота и багрянца восходящего и заходящего солнца и белизны облаков, и эти надписи учат тебя о благодати к тебе Бога, давшего тебе не только всю эту красоту в наслаждение для тебя, но Своим Промыслом и любовью покрывающего тебя. Итак, ночное небо говорит тебе о всемогуществе и непостижимости Творца, а дневное небо говорит тебе о любви и благодати к тебе твоего Небесного Отца. Чада, часто взирайте на небо и вздыхайте по нем, потому что небо — это наша будущая Отчизна: там святые ангелы, там души праведников от века, там Пресвятая Владычица наша Богородица, там души преждеусопших отец и братьев наших, там — Бог, Царь Небесный! Что же может быть лучшим, чем небо?"

Далее, брат, взгляни на луг и на цветы на нем и подивись Божией премудрости, которая полевой цветок сегодня сущий, а завтра же увядающий, одевает такой красотой, в какой, по свидетельству Самого Творца, и Соломон не был одет во всей славе своей (Мф. 6, 29).

Господи, если Ты так позаботился о красоте полевой лилии, которая, как Сам Ты сказал, "днесь сущая, а утро в пещь вметаемая (как увядшее сено)", то, по Своей несказанной милости, помоги мне вернуть первобытную красоту моей бессмертной души! Я знаю, что Ты создал меня для Себя, и мое сердце не найдет покоя, пока не успокоится в Тебе.* Я знаю, что Ты создал мою душу прекрасной и определил, что все сокровища вселенной не идут в сравнение с первобытной красотой души моей, когда эта красота возвращается ко мне; а это бывает лишь тогда, когда она спасается в Тебе и находит себя в Тебе и обретает вечную жизнь в Тебе. Но, увы, сам я, Господи, нещадно губил всю мою красоту; и если время сгубило красоту и крепость моей юности, то в погублении душевной моей красоты вина лежит всецело на мне, и не знаю, не превратился ли я скорее в какое-то чудовище и посмешище? Помоги мне, Господи, слезами моими омыть нечистоту моей души, и, что можешь, то и сделай — а я верую, что Ты все можешь — чтобы мне опять быть благолепным пред Твоим взором, ныне и весь остаток моей земной жизни, а там и в вечности.

Далее, брат, взгляни на просторы моря и вспомни слова Псалмопевца: "Того есть море, и Той сотвори его" (Пс. 94, 5), "Сие море великое и пространное" (Пс. 103, 25). Вот эти бесконечные просторы воды, и не мертвые, а полные жизни в них: то они синие, то зеленые, как изумруд, то светло-голубые, как сапфир, то серые, как топаз, то точно рассыпаны на них сияющие алмазы; иногда они грозные и бушующие, покрытые большими и пенящимися волнами, и наполняют душу мореплавателя великой робостью и смирением и великим страхом Божиим; то, наоборот, они лазурно застывшие, как бы некое великое озеро, и тогда сердце мореплавателя утешается, и хвалебная Богу песнь сходит с его уст.

* Сия мысль — бл. Августина.

И весь мир полон живых существ: многовидных и многочисленных, соединенных одним началом, и это начало — ЖИЗНЬ. Жизнь, о, что это за таинственная и мощная сила! Жизнь — это чудо из чудес! И это только Ты мог сотворить, Источнике жизни и бессмертия!

И сколько того, что наш глаз не видит и, возможно, никогда не увидит в глубинах неба, в недрах земли, в море и в воздухе. И вот, брат, взгляни на всю эту красоту и премудрость, и представь себе, что когда-то этого ничего не было. И Бог создал все это и содержит Своим промыслом, как это негде и читаем: "На все сущее Ты простираешь лучи Твоего промысла!"

7. Напоследок всего, Бог создал тебя, о, человек, как венец Своего творения. Создал тебя по образу Своему и подобию (Быт. 1,27), и вдохнул в тебя жизнь, потому что Дух Божий — Источник жизни; Он — Жизнь и Податель жизни и творит жизнь, как Отцу и Сыну сопредельный и самовладычный, как негде и читаем: "Когда в начале Адама Ты создал еси, Господи, тогда Слову Твоему Ипостасному возопил еси, Благоутробне: сотворим человека по Нашему подобию. Дух же Святыи соприсутствоваше Содетель".

Итак, Бог создал тебя, существо разумное, свободное и возвышенное, сочетавшее в себе и духовный и материальный мир, олицетворение в малом всего творения Божиего, и затем поставил тебя царем над всей подсолнечной тварью, и даровал тебе райское счастье и житие безмятежное и беспечальное; ты имел общение с Богом, и добрые ангельские силы любили тебя, и вся природа с радостью повиновалась тебе; при этом Бог предложил тебе дар обладать бессмертием, если своей свободной волей, своим произволением — что было бы совершенно и естественно ожидать от тебя в отношении твоего Творца и Благодетеля — ты будешь любить Бога и держаться Его заповедей, направленных на твое благобытие и дальнейшее возрастание в добре.

Но, возможно, ты скажешь: где же я — существо счастливое и бессмертное?! — Увы, это — только слова; на деле же я — убогий, многоболезненный и смертный, и я "в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя" (Пс. 50,7); и все это объемлется одним словом: я — человек! Ты говоришь, что я создан как свободное существо; но так ли это? — Все имеет власть надо мной, и невзгоды,

и болезни, и состарение, и смерть, и раб я иных людей и их хотений, и своих собственных нужд, печалей и забот. Увы, скажи мне: это ли — то райское наслаждение, которое, ты говоришь, Бог даровал мне? Не то ли же это самое, что немощному старцу, потерявшему волосы и зубы, с померкнувшим взором и тысячью морщин на лице, едва передвигающемуся и согбенному годами и немощью, восхвалять его красоту и юную силу?! Не то ли же это самое, что вместо печальной речи или почтительного молчания перед гробом умершего говорить веселые слова и восхвалять в нем жизненные силы?!

Брат, отвечу я тебе на это: мы говорим не о том, что ныне есть, а о том, что предназначалось тебе и что было некогда в твоих руках, и где не было бы ни немощной старости, ни болезней, ни печалей, ни плачевной участи смерти. И это не мечта, не химера, не плод сладостного воображения. Нет, это была реальность, и благодать Божия предназначала тебе счастье и бессмертие. Но ты сам знаешь: ЧТО произошло: как человек явил себя недостойным даров Божиих, оказался вероломным Богу, поверил и перешел на сторону врага Божиего и как бы стал, увя мне, заодно с ним; и вот, отвергнув возможность покаяния, предложенную ему Богом, он удалился от Бога и ушел "в землю далече сущую" (Лк. 15, 13) и здесь потерял все: счастье, безмятежие и бессмертие, но не — и свободу воли (потому что это у него осталось и было необходимо, чтобы осталось). Итак, человек ушел от Бога и этим от самого себя и от своего счастья. Увы, увя мне! И тогда произошла эта космическая, больше которой не было и не будет, катастрофа, и смерть вошла в мир: в Божий цветущий и счастливый мир въехал страшный всадник на бледном коне и имя этому всаднику — смерть, "и ад следовал за ним" (Откр. 6, 8), и завладел этот всадник всем миром. И стал человек смертным, и вся природа, окружающая его, также стала смертной; весь мир стал смертным; все, решительно все испортилось и приняло в себя залог смерти; потому что человек — это был тот, который в себе сочетал и возглавлял и представлял собою весь окружающий мир, и потому, когда в него вошла смерть, она вошла и во всю материю; и всю тварь, будь то великая, будь то малая, объяла власть смерти. И потому, как ты видишь, смерть господствует во всем мире.

Через диавола — отца смерти и мертвеца — в человека вошла смерть, а через человека — во всю тварь; но знай, что через Сына Божиего — Бога живого и животворящего, поправшего смертью смерть — в человека войдет в день оный жизнь, а через человека — и во всю тварь; поэтому-то вся тварь, по слову великого апостола Павла, "с надеждою ожидает откровения сынов Божиих" (Рим. 8, 19), т.е. воскресения людей в славе бессмертия, которого и они явятся участниками, как слуги и рабы человека, незаслуженно пострадавшие из-за его грехопадения... Но это будет в будущем. А ныне, после грехопадения и изгнания из рая, человеку стало тяжело жить, и все потребное для его жизни дается ему с трудом и с борьбой, и с насилием над окружающим его миром. Так что человек со скорбью определил свою жизнь так: "Малы и злы дние лет жития моего" (Быт. 47,9); и: "Не искушение ли житие человеку на земли, и якоже наемника повседневною жизнь его" (Иов. 7, 1); и: "Дние мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды" (ст. 6); и: "Житие мое есть легчае скоротечща: отбегоша и не видеша" (гл. 9, 25); и: "Исчезоша яко дым дние мои" (Пс. 101, 4); или: "Лучше день смерти дня рождения" (Еккл. 7,2). И таких горестных мыслей и причитаний исполнено Писание. Спросили некогда бывшего при смерти некоего мощного царя, жившего долго и правившего своим царством с силой и многой славой и богатством, часто ли он бывал счастлив в жизни? И он ответил: "Из всех лет моей долгой жизни, не думаю, чтобы я был действительно счастлив больше единого часа". По слову Писания: "Человек пресыщен печальми" (Иов. 14, 1). А затем, в результате всего, ставит печать на всю свою жизнь: "Сетую (т.е. в печалях) сниду во ад" (Быт. 37,35). И вместо свободы (свободы от Бога?!), обещанной человеку диаволом, человек нашел себя связанным бесчисленными путами и цепями своих грехов, общих тягот и своих личных забот и невзгод; и вместо радости стал он жить в скорби и в страхе, и страхе в отношении своего настоящего и будущего и даже прошлого, по написанному: "Помышления смертных — боязлива" (Прем. Сол. 9, 14).

Итак, может быть ты скажешь, что сотворение человека было ошибкой Бога, и при этом сошлешься на слова Писания, где говорится, что Бог, видя людей живущих в грехе и во зле всякого

вида, "раскаялся, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем" (Быт. 6,6)? — Нет, брат, Бог не ошибается и не может ошибиться. По слову Священного Писания: "Премудрость созда Себе дом и утверди столпов седмь" (Притч. 9,1). Эти "столбы", как разумеем, следующие: Божие предведение всего, Промысл Божий в отношении настоящего и будущего, икономия, благостыня, беспредельная разумность, всемогущество и правда. Вот в этих нормах разумей и все творчество Божие. Что же касается слов Писания, говорящих о том, что Господь "раскаялся", что сотворил человека, — то разумей это иносказательно, как сказанное в границах ограниченного человеческого разума: как сказанное для людей, бывших за много тысяч лет до пришествия Христова и сошествия Святого Духа, озарившего человеческий ум для разумения Писаний. Это было сказано в те времена, когда люди, по слову Писания, "ходили во тьме и жили в стране и тени смертной" (Ис. 9,2). В Ветхом Завете ты найдешь многое, что надо понимать именно в смысле сказанного для весьма ограниченного человеческого сознания и уровня его понимания духовных вещей. Например, говорится о "гневе Божием", о "скорби Божией", о "ревности Божией", когда, на самом деле, Бог — бесстрастен; говорится о "сердце Божием", об "очах" и "ушах" Божиих, когда, на самом деле, Он — бесплотный Дух; но все это было выражено в сферах нашего ограниченного человеческого понимания. Так и приведенные слова разумей в том смысле, что Писание побуждает тебя к совести, к познанию своей негодности и к раскаянию; как бы говорится: смотри, что ты сделал со своей жизнью? ты, человек, стал таким дурным, что Бог просто раскаивается, что создал тебя. Так и любящие родители, случается, говорят своим детям: "Я тебе после сего больше не отец! Ты мне больше не дочь" и подобное, а на самом деле любят их и болезнуют о них, и, конечно, не отрекаются от них. Нет, Бог не раскаялся, что создал человека, потому что еще прежде сотворения его знал все, что должно будет приключиться, и ни в коем случае не отрекся от него. Да и мог ли Бог что-нибудь сделать напрасно? или Его премудрость могла ли допустить ошибку? или Его любовь к Его любимому творению — человеку — могла ли иссякнуть? — О, конечно, нет! "Разум Его — неизмерим", говорит Священное Писание (Пс. 146,5). Премудрость

Божия и предвидела, и знала, что произойдет грехопадение человека, и не только создал, но приготовил для будущего человека, уже после грехопадения, "Царство, уготованное от сложения мира" (Мф. 25,34). Потому что Бог знал, что человек вернется к Нему; да и не может жить без Него; и из блаженного, так сказать, младенческого возраста и, так сказать, "географической" близости к Богу в раю человеку должно вырасти в непобедимого и сознательного воина Божьего, близкого к своему Создателю и Благодетелю своей верностью, своим подвигом, готовностью перетерпеть за Него раны и смерть, и своей ненасытимой любовью к Нему. "Глубиной Своей премудрости Бог умеет и дурное использовать для благих целей", по выражению одного из святых отцов.

8. Но, возможно, ты скажешь: за что же я должен нести наказание и страдать за чужие грехи, за грехи неких Адама и Евы, которых и имена даже я бы и не знал, если бы великий Моисей не возвестил мне их? И при этом, я должен страдать за грех их, который не знаю, в сущности, понимать ли в буквальном смысле сказанного в Библии, или же в иносказательном? И не Сам ли Бог заповедал, чтобы мы прощали друг друга и не были злопаметны, но наоборот, от сердца прощали друг друга всегда и во всем (Мф. 6,14,15. 18,21,34), а вот нас Он наказывает в тысячных поколениях со времен первых людей за их грехопадение? — Брат, не стязайся с Богом и не упрекай Его, а смиренно и с любовью склонись перед Его волей, даже если бы это и было так, как ты говоришь (но это именно не так — как я тебе докажу дальше). Помнишь, как один инок до такой степени любил Бога, что все с радостью принимал от Него, и говорил: "Если бы Бог велел мне сейчас и тотчас же и навсегда идти в ад, то и это я с любовью и с готовностью и без малейшего колебания в сердце, радостно бы исполнил: лишь бы совершалась Его святая воля". Видишь, недаром этот старец получил от Бога дар чудотворения. Подражай его соизволению воле Божией, благой и совершенной (Рим. 12,12). Люби Бога: потому что "любящим Бога все содействует ко благу" (Рим. 8,28) и: "любящим Бога Господь обещал венец жизни" (Иак. 1,12); и в день оный ты будешь одесную Его и Он призовет тебя в нескончаемое царство и радость (Мф. 25,33,34).

Но не Бог ли предал меня смерти и аду? — Нет, не Бог. Смерть и ад для себя создал и создаешь ты сам. "Бог же смерти не сотворил", говорит Св. Писание (Прем. Сол. 1, 13); и великим желанием Он не хочет смерти грешника (Иез. 33, 11).

Дая людям заповедь, Господь предупредил их, что нарушение ее повлечет за собой для них смерть. Когда же эту заповедь они нарушили, то Господь возвестил им о страшных результатах их поступка, сказав, что после всех тягот той жизни, которая им отныне будет предстоять, они возвратятся в землю, из которой были созданы, т.е. — умрут (Быт. 3, 6—19). Это не был приговор Судьи повинным; нет, увы, сам человек вынес себе смертный приговор. Слова Господа не являются проклятием человека, а — аттестацией искусного Врача. Он видел, что больной поглотил смертельный яд, потому что это-то и есть качество греха, который уже начал губительно действовать, и больной уже выявил симптомы своего отравления: гордость, хитрость, ложь и, так сказать, утверждение в грехе. Видишь, зло — каковым является грех — связано со смертью; иначе и быть не может, потому что только Бог и сущее от Него добро — бессмертны; если бы и зло было бессмертно, то этим оно обладало бы божественным свойством; да не будет! Зло и смерть связаны в одно: для духов зла, которые сделали зло своей стихией, как приговор будет грядущая "смерть вторая" (Откр. 21, 8); участниками ее станут также и непокаявшиеся грешники; но и ныне злые духи и их родоначальник являются мертвыми духами, как лишенные участия в жизни, которая проистекает только от Бога; для людей же нынешнего века и для всей подвластной им природы смерть выражается в видимом разрушении, в тленности всего. Немедленно после грехопадения Бог не мог исцелить Адама и Еву, потому что яд греха уже укрепился в них и человеку необходимо было, чтобы противоядие было выработано самим человеческим существом, т.е. чтобы внутреннее победило то, что противоестественно стало внутренним. Когда же со временем человек осознает, в какую беду он впал, каким страшным недугом заболел, а это должно было придти с опытом и со временем, тогда у него возникнет горячее желание вернуться к Богу; как и у блудного сына, лишь по испытании им бедствий в далекой и чуждой своего отца стране, проснулись

желание и решимость с раскаянием постараться вернуться к своему Отцу и в отчий дом. Для блудного сына было неожиданным откровением увидеть, с какой добротой и любовью принял его всегда любивший и жалевший его Отец. Так и для всего падшего человечества явилась великим откровением любовь Божия, которая побуждала человека вернуться к Нему и угрожала ему за грехи, и благословляла и благодетельствовала ему, когда человек обращался к Нему и старался буквально "с грехом пополам", усиленно, жить чистой жизнью. Таким образом, в больном ветхозаветном человеке уже начали появляться условия для того, чтобы его организм усвоил противоядие. Но сам по себе создать это противоядие человек не мог, потому что зло и смерть проникли в самый организм его души и тела. Вот тогда и явила себя царственно-мощная любовь Божия. Благоволением Отца и соитием Святого Духа Сын Божий принял человеческое естество: Бог принял человеческую природу, и как Богочеловек внес жизнь и святость, и бессмертие в самую человеческую природу, и этим исправил, обновил и воскресил человеческое естество, и таким противоядием в самой природе человека победил грех и смерть. От человека, от каждого уже в отдельности, требуется усвоить это противоядие, воспользоваться той божественной силой, которую Христос дал человеку для побеждения в себе последствий грехопадения; если же это он не сделает, то спасения ему уже нет.

Итак, брат, Бог не присудил тебя к смерти. "Яко Бог созда человека в неистлении, — говорит Писание, — и во образ подобия Своего сотвори его: завистию же диаволею смерть вниде в мир: вкушают же ю, иже от ея части суть" (Прем. Сол. 2, 23, 24). Бог создал тебя для жизни, радости и святости. И даже несмотря на твое грехопадение настолько возлюбил тебя, что для того, чтобы избавить тебя от ада и смерти, Христос умер ради тебя на кресте.

Смерть пришла в мир по причине греха. Но знай, что ты страдаешь в этой жизни не за грехи первых людей, а за свои собственные. "Яко праведен Господь, и правды возлюби, правоты виде лице Его" (Пс. 10, 7). Так что сетуй не на первых людей, а на самого себя: потому что, как они грехом внесли в мир смерть, так и ты своими грехами поступаешь; непрестанно согрешая, ты непрестанно

и "обогащаешь" мир смертью. Ты слышал: "Господь любит праведники" (Пс. 145,8). Ты слышал слова Господа: "Праведники пойдут в жизнь вечную" (Мф. 25,46). А праведно ли ты живешь? Ты слышал заповеди Господни, в соблюдении которых заключается жизнь, а в отвержении их — смерть, по слову великого Моисея (Втор. 30,15—20), запрещающие тебе дурные поступки и наставляющие тебя делать добро. Поступал ли ты всегда согласно их предписанию? Ты слышал и заповеди блаженства: "Блаженнии духом, блаженни плачущии, кротцыи, милостивии, чистии сердцем и миротворцы, и гонимые за правду". Скажи, принадлежишь ли ты к ним? Если ты винишь Адама и Еву за то, что они пренебрегли единую заповедь Божию (и винишь их справедливо за это) и явились для тебя виновниками несчастий, то, скажи, не много ли больше, чем они, ты грешил и согрешаешь, и считаешь ли ты себя достойным рая? — Спроси свою совесть, и пусть она сама ответит тебе. Вместе с Давидом и ты скажи: "Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну (всегда)" (Пс. 50,1—4). И прочтя и обдумав весь этот покаянный псалом и обдумав свою жизнь, "попекись о грехе твоём" (Пс. 37,19). Воззови ко Господу: "Прости все грехи мои!" (Пс. 24,18), и, ударяя себя в перси, проси прощения, чтобы получить от Него оправдание, как делал некогда мытарь, ударявший себя кулаком в грудь и взывавший: "Боже, милостив буди мне грешнику" (Лк. 18,13). Нет ничего гибельнее, как говорят святые отцы, чем свою вину бросать на другого; так поступили первые люди, и погибли; и Псалмопевец говорит: "Не уклони, Господи, сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех (выдумывать извинения в грехе)" (Пс. 140,4). Нет, признай свой грех, покайся и проси Бога простить тебя.

9. Итак, брат, не падай духом и знай, что Бог не наказывает тебя за грехи наших прародителей. А если хочешь знать: часто и наши собственные грехи Бог оставляет без заслуженного наказания, потому что Господь "благ и милосерд и многомилостив ко всем призывающим" Его (Пс. 85,5). А если и наказывает нас иногда, то наказывает благостно, снисходительно и, конечно, для нашей же пользы. Ужасно — иное: если Бог оставит нас как

безнадежных и неисправимых, и тогда уж, поверь, диавол так наказывает и так мучит нас, как уже не Божиих рабов, а как своих холопов. О, да не будет нам быть оставленными Богом! "Любяй наказание, любит чувство: 'ненавидяй же обличение, безумен" (Притч. 12, 1). Знай, что Бог тебя любит. Если Он продолжает давать тебе все потребное для твоей жизни — и земля, и море, и растения, и животные, и даже безжизненная природа снабжает тебя всем потребным для жизни и для удовольствия, — то можешь ли ты серьезно упрекать Бога и говорить, что Он наказывает тебя? Если Бог для блага твоей души посылал в мир пророков и мудрых людей, чтобы чрез них помочь тебе и научить тебя, то так ли поступают с наказанными? Если Бог послал Сына Своего Единородного в этот мир, чтобы Он научил тебя о любви Божией к тебе и вызвал у тебя ответную любовь к Нему и показал тебе путь возвышения к Нему, а затем, в Своей бесконечной любви к тебе, пролил на кресте Свою кровь за тебя, ради искупления тебя от власти греха и смерти, то ужели, после сего, ты дерзнешь говорить о том, что Бог карает тебя? И если ныне, в день Святой Пятидесятницы, ты готовишься принять Святого Духа в твое сердце, по написанному: "Любы Божия излися в сердца наша Духом Святым, данным нам" (Рим. 5, 5), то можно ли даже думать о том, что Бог наказывает тебя? Предположим, некий город тяжко согрешил пред своим царем: изменил ему, открыл свои ворота для того, чтобы в него вошел и обитал мучитель, враг сего царя; и царь, разгневавшись, послал свое войско и дал ему приказ уничтожить всех вероломных жителей одного города от малого до великого, и никому не оказывать пощады, а сам город сжечь до основания, разбить таранами все здания, а затем плугом пройти по самому месту, где был оный город, так чтобы даже и следа не осталось от сего прежнего, недостойного его царства, города, — то это, действительно, было бы достойным наказанием. Но если царь не поступил так, а наоборот, посылал в этот несчастный город своих вестников, чтобы они учили и утешали темный народ, говоря, что придет избавление от ужасного тирана, которого они на свою беду впустили в свой город и теперь страдают под его железной рукой; а затем послал им своего царственного, единственного сына, чтобы он умер за этот город, и умер, при этом, ужасной

смертью, потому что это было необходимо для того, чтобы они получили свободу от их мучителя, — то можно ли говорить о наказании перед лицом такой глубочайшей, лучше же сказать, неизмеримой пучины любви этого царя к согрешившему перед ним городу? Брат, так Бог посылал своих пророков, а затем апостолов в наш мир, этот плененный врагом Божиим город, в котором мы живем под тиранией врага Божиего и нашего, и возвещал нам о избавлении от него; а затем Сын Божий Единородный, на кресте быв распят, спас человечество, искупил нас и низверг тирана и мучителя. И при этом, по несказанной Своей милости — сроднился с нами, именовав нас "братьями" Своими и усыновив Небесному Отцу (Евр. 2, 11, 12, 17. Ин. 20, 17). Пав ниц, благодари Его за Его поистине божественную (потому что большего слова, чем это, и нет) любовь Его к тебе.

Ты помнишь, брат, слово одного отшельника о Любви Божией? Он взял на себя подвиг молчания. Со страхом и трепетом его сердце вняло слову Слова: "Глаголю вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный. От словес бо своих оправдишися, и от словес своих осудишися" (Мф. 12, 36—37). И поэтому он взял на себя обет связать свой язык для мира, и никто не слышал от него ни одного слова; даже во сне у него не вырывалось слово, хорошо запертое замком страха Божиего. Но если уста его молчали, то сердце его непрестанно славilo Бога и воспевало Ему непрестанную хвалу. Вблизи места, где жил онъ отшельник, было селение, и жители его снабжали старца необходимой едой. Он же платил им своей любовью и молитвами о них; а есть ли что в жизни драгоценнее молитвы праведника? И вот, по искушению со стороны злого духа, в этом селении между его жителями возникла вражда. Как всякое зло, оно началось с какой-то небольшой искры, которую если сразу же не потушить и не затоптать взаимным испрашиванием прощения и взаимного смирения друг перед другом, она производит сильный пожар, грозящий гибелью для всего. Это же произошло и в оном селении. И тогда бывшие во главе этого селения мудро решили просить их старца примирить граждан между собою и воздействовать на них словом увещания. С таким намерением они пришли к нему и изложили ему свою просьбу. Но старец

указывал им на свои уста, поясняя знаком, что его слова связаны обетом молчания до самой смерти. На настойчивые их просьбы он со слезами указывал на свои уста и кланялся им. Но пришедшие к нему заявили: "Если ты не скажешь нам слово о любви, то кровь душ наших падет на тебя. Ты теперь еще можешь нас спасти: тебя уважают и послушаются тебя. А если ты нерадишь о нас, то что же, оплакивай нашу гибель. Но да вразумит тебя Начальник мира и любви Христос, ради Которого ты взял подвиг. Мы же будем тебя ждать в нашей церкви в ближайший воскресный день; и придешь ли ты к нам или нет, мы все же будем тебя ждать". И сказав это, они ушли в печали, оставив старца в еще большей печали; и он усугубил свой подвиг поста и бдения... И вот пришел назначенный день. Все селение с раннего утра собралось в церкви. Но старец не приходил. Минул полдень и день прошел, и наступил вечерний час, а храм также был полон людьми, как и раньше. И вот пронесся шепот, перешедший в гул: "Старец идет. Отец наш не оставил нас!" Старец вошел в храм, и все ждут его слова. Но он, ничего не говоря, взял свечу и подошел к большому Распятию, которое находилось в храме. А час был вечерний и в храме было темно. И вот он медленно поднес свечу к лику распятого Христа, к Его челу, увенчанному терновым венцом, и к каплям крови, стекавшим по Его челу, и к глазам, исполненным слез. Затем он медленно поднес свечу к деснице, пригвожденной ко кресту, и осветил рану, из которой струилась Его пречистая кровь. Затем медленно он поднес свечу к шуице Христовой, пригвожденной ко кресту, из которой струилась кровь Жертвы Христовой, примирившей Бога с людьми. Затем, встав на колени, он осветил свечою язвы на ногах Спасителя, из которых струилась кровь Нового Завета. Затем он поднес свечу к прободенным копием ребрам Христовым, из которых истекла кровь и вода жизни вечной, омовения от грехов человека и искупления его... И затем, положив свечу на место, старец тихо вышел из храма. И весь храм исполнился рыдания. Да, это было "слово" о Любви: Любви беспредельной, Любви всепрощающей, Любви Божией к человеку. И все поняли, что в этой любви Божией к человеку не должно быть нелюбви человека к человеку: в этой божественной гармонии Любви все должны слиться и никто не должен вносить горечи личной злобы в этот

океан беспредельной Любви... И что же? — Все примирились, все полюбили друг друга, все простили друг друга ради Христа, проотившего всех нас, и зло ненависти, как какая-то большая черная птица, улетело из этого селения навсегда.

10. Возлюбленный, если я скажу тебе: не бойся Бога, — то этим самым я бы шел наперекор Св. Писанию, которое призывает человека бояться Бога. "Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека" (Еккл. 12,13), говорит Премудрый. И Псалмопевец призывает нас: "Приидите, чада, страху Господню научу вас" (Пс. 33,12). И апостол увещевает верных, говоря: "Со страхом совершайте свое спасение" (Фил. 2,12). И, однако, внушение человеку страха перед Богом, представление Его в грозном виде, говорящего в громе и извержении вулкана, это скорее принадлежит Ветхому Завету и Синаю. Новому же Завету принадлежит более драгоценное: оно внушает нам любовь к Богу, которая изгоняет страх, потому что "в любви нет страха", как это говорит апостол любви (1 Ин. 4,18). В Ветхом Завете Бог представляется грозным Царем и карающим Судьею; в Новом Завете Бог представляется как любящий Отец, Который милостив к нам. В Ветхом Завете — предписания кровавых жертв; в Новом Завете — только одна Жертва: Сам Сын Божий, умирающий за спасение грешников. В Ветхом Завете — жертвенники, помазанные и залитые кровью бессловесных; в Новом Завете на жертвеннике предлагается бескровная и словесная Жертва Святой Евхаристии. Поэтому, брат, сочетай в своей жизни и страх Божий, и любовь к Нему, и по мере возрастания твоей любви к Богу — а она неизбежно будет возрастать по мере твоего угождения Богу — будет убавляться страх твой, пока от него ничего и не останется, потому что "совершенная любовь изгоняет страх" (1 Ин. 4,18). Но если мы не поступаем по правде Божией, то, действительно, мы — еще на уровне не сынов Божиих, а неключимых рабов, и нам приходится бояться Бога. А если бы у нас была чистая совесть, то мы бы не боялись Бога, а со дерзновением взывали бы к Нему: "Авва Отче" (Рим. 8,15). Потому мы и смерти боимся, как самого процесса умирания и как ответственности, которую имеем дать Богу за свою жизнь. Но если бы мы были чистые сердцем, то мы бы не боялись ни того, ни другого, потому что мы бы знали, что идем

на небо и там узрим Бога (Мф. 5,8). Вот, помню, в давнишние времена был я священником в одной деревне: умирал маленький мальчик, еще дитя совсем. Родители и все сущие в доме были прискорбны до изнеможения: единственно это дитя было в духовном покое. Родители молились и страдали и как бы не отпускали душу своего сыночка. И вот, дитя это блаженное, обернувшись к родителям, сказало им: "Вот, пришел Боженька. Отпустите меня к Нему". И родители ответили: "Иди к Богу, дитяточко наше". И блаженный отрок сразу же после этих их слов умер. — Да, ему нечего было бояться: никому он не сделал зла, ничем не обидел ни Бога, ни людей. Про нас, проживших жизнь, этого сказать нельзя. Но в оправдание нам служит вся тягота, вся трудность, вся мучительность жизни, которую приходится вести среди зла и тягот; мы согрешали и согрешаем. И, однако, если мы покаяться и по силам стараемся не делать зла и любим Бога и по силам стараемся о спасении своей души, то и нам не следует бояться смерти. Ведь подумай: какое счастье увидеть своего Творца, поклониться Богу и познать чистый, духовный мир! Посмотри, если человек кого-нибудь очень любит, то, чтобы быть с ним, он готов и на тяжесть путешествия через горы и по морям, лишь бы достичь его. Так и ты не думай о тяжести умирания, а думай о том, к Кому ты идешь и с Кем будешь. Помню еще, в юности был я среди воинов. Мы одерживали победу за победой, и враг отступал. И вот, мы вели наступление: мы забыли и тяжкие бессонные ночи, и голод, и усталость, и жажду, и как бы на крыльях шли вперед к нашей цели: полной победе над врагом. Так цель вдохновляет человека на борьбу. А у нас цель — победить врага-дьявола и придти к Богу навсегда.

11. Итак, брат, ты знаешь, что Бог есть любовь, и что Он так возлюбил тебя, что послал Сына Своего для спасения тебя, и Он умер за тебя на кресте. Знай еще и другое: Бог ведет тебя не к восстановлению прежнего, потерянного первыми людьми рая, а ведет тебя к чему-то **НОВОМУ** и **БЕСКОНЕЧНО БОЛЬШЕМУ** и **ДИВНОМУ**. И, оборачиваясь назад, не смотри на то, что утерять для тебя Адам, а смотри вперед на то, что тебе обещал Бог и к чему тебя ведет Господь наш Иисус Христос и Дух Святой. Да, вместе с Адамом мы потеряли многое: рай, радость и возможность

бессмертия: вещи великие и дивные. Но знай, что в твоём спасении ты получишь неизмеримо БОЛЬШИЕ И БОЛЕЕ ДИВНЫЕ ВЕЩИ. Потому что рай, который имели первые люди, и Царство Небесное — не одно и то же; тот был земной, а это — небесное. Адам потерял прекрасный сад, насажденный Богом, именуемый раем; а ты призван жить в Небесном Новом Иерусалиме, еще несозданном, но уже уготовленном и имеющем придти в бытие, величие которого нам приоткрывает божественный Иоанн Богослов (Откр. гл. 21 и 22). Тогда, по слову Писания, "обновится яко орля юность твоя" (Пс. 105, 2). Тогда ты сможешь, от имени твоего Господа, бросить вызов: "Где ты, смерть, жало? где ты, аде, победа?" (1 Кор. 15, 55). Тогда ты познаешь обещанные тебе новое небо и новую землю (Откр. 21, 1. 1 Петр. 3, 13), где, по слову пророка, "веселие и радость примет тебя; отбежит болезнь и вздыхание" (Ис. 35, 10). И обрати внимание на точность изречения Священного Писания; так святые апостолы Иоанн и Петр, а прежде них — пророк Исаия, сначала говорят о новом небе, а потом и о новой земле: потому что ты уже будешь жителем неба, ты сам будешь небесным, по слову апостола Павла: "Яков Небесный — Господь наш Иисус Христос — тацы же будут и небеснии — люди" (1 Кор. 15, 48 и 49). Адам же, наоборот, был перстным, каковыми и мы теперь от него (ст. 45—49); почему ему и было сказано: "Земля еси и в землю отыдеши" (Быт. 3, 19). Но и под "новой землей" разумеи опять же духовное и бессмертное. Так что ты видишь, насколько к большему тебя ведет Бог, чем то, что ты имел в Адаме, и в отношении твоего состояния и в отношении места твоего пребывания. О, брат, постарайся заслужить и получить это! Познай свое наследие, ради которого ты призван в эту жизнь, и не неради о сем, но каждую минуту, каждое мгновение твоей жизни старайся угодить Богу и помни завет тебе Христов, который, кстати, я видел вырезанным на камне над дверями монашеских келий в одном монастыре и, конечно, утвержден в сердце спасаемых: "БУДЬ СОВЕРШЕН" (Мф. 5, 48).

С одной стороны, ты — в лучшем положении в отношении греха, чем был Адам до грехопадения. Потому что он еще не ведал горьких плодов греха, а ты знаешь, к чему привел грех. Он не знал ни немощей, ни состарения, ни смерти, а ты знаешь все это, и

тебе известно, что твоя земная жизнь тяжка, и в то же время до какой степени она коротка и непрочна и превратна; так что сама эта жизнь научает тебя искать истинного, вечного и духовного. Ты сам видишь, что здесь нет ничего, на что ты можешь положиться, потому что все изменчиво, превратно и мимотечно, и как бы все говорит тебе: о, человек, ищи вечного, присносущного и надежного. А надежное и вечное — только у Бога. И потому, брат, повторяю: каждую минуту твоей жизни, каждое ее мгновение не утерай для угождения Господу Богу твоему.

С другой же стороны, ты в худшем положении в отношении греха, чем был Адам до грехопадения. Ему было легко жить; тебе — тяжело. Он не имел никаких забот; а ты угнетен многими заботами; ему земля сама от себя давала все; а тебе твоя жизнь ничего не дает без тяжких трудов и страхований, да и добытое иногда нелегко сохранить. Он был тогда, когда грех еще не существовал в человеческом роде; а ты живешь, так сказать, в отравленной атмосфере греха, когда грех наполнил и, подобно древнему потоку, наводнил всю землю и владеет тысячелетиями на земле: и демоны влекут тебя к греху, и люди, и в самом тебе таится бездна греховных вожделений; и всюду, на всей земле, вся жизнь стала сплошным вздыханием. Но знай, по той именно самой причине, что твой путь к спасению лежит чрез бедствия и невзгоды, чрез непрестанную борьбу с всемирным, включая и сущим внутри тебя, злом, и при этом ты облечен в это смертное, страстное и в то же время многоболезненное тело, вот, за все это тебе уготовано Богом славное спасение и величайшие почести и радости. Как я сказал выше, ты идешь путем к спасению новым и славным и предвиденным для тебя Богом, потому что Бог, конечно, знал, что Адам согрешит и потеряет рай, и что для спасения человека будет ИНОЙ путь, освященный Кровью Сына Божиего и сущий под сенью благодати Святого Духа, почему и приводящий, как мы сказали, не к тому же самому, что имел и затем утерял Адам, а к чему-то несравненно большему. Да, он имел великую радость обитания в раю. Но, скажу тебе, радость его не была полной, почему Бог и сотворил ему помощницу и жену — госпожу Еву. А затем, у него не было полного знания Бога, почему он думал, после грехопадения, что может скрыться от Бога и убежать от Неизбежного, и

не ведал о той любви, какую к нему имел Бог, почему и не захотел тотчас же покаяться пред Ним. Кроме того, и сам он не имел той полноты божественной радости, которую несет с собою любовь к Богу; потому что, если бы он имел ее, он не согрешил бы; а если и согрешил, то немедленно и раскаялся бы; а этого не произошло, как ты знаешь. Нет, его радость не была полной. Для тебя же, в Царстве, уготованном тебе от сложения мира (Мф. 25,34), в радости будет полнота, потому что тебя обьмет благодать Божия и любовь Его, и сам ты будешь исполнен любовью к Нему, и там ты не возымеешь нужды в помощнике или в помощнице, или в каком-либо ином утешении: потому что там всяческая для тебя и во всем будет Христос (Кол. 3,11); так что об одиночестве не вздохнешь. Адам имел радость обладать свободой воли; но он не познал, что полная радость от этого бывает тогда, когда эта свобода воли свободно и от себя изберет добро и утвердится в нем непоколебимо и неизменно; а этого наши прародители не испытали: у Адама радость была неполная, потому ее и отнял от него диавол. А там, по слову Господа, "радость ваша будет совершенна, и радости вашей никто не отнимет от вас" (Ин. 15,11. 16,22). Но эту радость мы не можем даже и представить себе, потому что, по слову апостола, "ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его" (1 Кор. 2,9). Наконец, Адам имел славу, которая лишь немного уступала ангельской славе, как говорится, "умалил еси человека малым чим от ангел, славою и честию венчал еси его" (Пс. 8,6); а для человека спасающегося ныне уготована великая и большая слава; потому что по велению Божию Бог посылает ангелов как служителей спасения человека, по слову апостола: "Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение" (Евр. 1,14), и человек сподобится славы "сынов Божиих" и таковым наречется (Рим. 8,14,19. 9,26. Гал. 3,26), и этим самым будет подобным Единородному Сыну Божию, как носящий Его образ (Рим. 8,29) и наследником Божиим (Гал. 4,7). Видишь, брат, какая великая разница в степени славы между Адамом и человеком, имеющим ныне наследовать Царство Небесное?

12. Но, скажешь, тогда в раю Адам все это имел и без трудов и болезней, страданий, состарения и смерти. Несомненно, что он

имел возможность достичь большего совершенства, чем в котором он был создан и пребывал до грехопадения. Если бы он не согрешил, если бы вступил на первую ступень подвига, которую ему предложил Бог: потому что, дав ему заповедь и предложив свободной волей исполнить ее, Бог этим ввел его на поприще подвига, поелику и говорится, что пост был современником рая, и Адаму было предложено воздержание, а этим самым и проявление подвига в радостном послушании воле Божией, — итак, если бы он оказался победителем искушения, то он, действительно, постепенно стал бы возрастать в большую славу, от степени в степень.* Но ведь этого не произошло, как ты знаешь, а произошло обратное сему. И нам для спасения открыт иной путь, который приводит к несравненно большей радости и чести и наслаждению, чем это имели первые люди в раю до своего падения. Твой трудный, напряженный и, если хочешь, страдальческий путь к спасению, окропленный Кровью Сына Божиего, пролиянной ради твоего спасения, и сущий под покровом Святого Духа, приведет тебя к такому счастью и такой славе, что это и выразить невозможно, а лучше сказать: это — выше наших слов и понятий. Но об этом подробнее мы уже сказали выше.

Но, может быть, ты скажешь, что тогда в раю, если бы не случилось грехопадения, все люди наслаждались бы счастьем рая, а теперь — это лишь удел немногих праведников, святых Божиих, подвижников, мучеников и исповедников. А мне, грешному, куда спастись? Это невозможно, невозможно! — Да, ты прав, человек, невозможно. — Человеку самому от себя спастись невозможно. Это Сам Господь возвестил. Но затем, — помнишь евангельское повествование, — Господь "воззрев", — т.е. чтобы Его слова были выслушаны с сугубым вниманием, "рече им: у человека сие невозможно есть, у Бога же вся возможна" (Мф. 19, 26). Вот, брат, в этом-то и состоит твое спасение, что не сам ты себя спасаешь — хотя от тебя и требуется посильный подвиг — не сам себе ты уготовляешь Царство Небесное; нет — все это в руках твоего Бога, Которого посему ты и именуешь Спасителем.

* Вот тогда бы радость его стала бы "полной" и не могла бы быть отнятой от него.

Если бы только единицы спасались, то тогда, действительно, оказалось бы, что диавол отнял человека от Бога и погубил Его любимое творение. Но это, брат, не так: не единицы спасаются, а множества гибнут, а наоборот, множества спасаются, спаслись и спасутся, и только упорные враги Божии, а также совершенно бесчеловечные люди, те гибнут, как сущие бесы в человеческом теле. Да и как могли бы они быть с Богом, если всю свою жизнь сознательно и со всем упорством злой воли боролись с Богом, ненавидели Его, упорно подготавливали царство антихристу, и делали людям всякое зло душевное и телесное, которых возлюбил Бог и Христос именует "братией", и этим своим злым состоянием души и деятельностью причислили себя к бесам, которые ненавидят Бога, людей и все Его творение? Они, действительно, гибнут, потому что они и не хотят, и не хотели, и не могут быть с Богом. Много ли таких или мало — только Бог один знает. Но о спасенных мы имеем свидетельство Писания, говорящее, что их **ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО** (Откр. 21, 24. Ис. 60, 3. Откр. 19, 1, 6). Св. Иоанн Богослов свидетельствует: "После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен и народов и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу" (Откр. 7, 9, 10). И число спасенных, по верованию святых отцов, равняется числу добрых ангелов Божиих, а также соответствует чинам их; а ангелов Божиих такое великое множество, что число их недоступно человеческому сознанию; это число выражается, по толкованию некоторых, в сотнях и сотнях миллионов. Дерзай, брат, знай, что и ты в числе спасенных, если только будешь внимателен к делу своего спасения.

13. Что же нам делать, чтобы спастись? Или лучше сказать, что нам надлежит делать, чтобы не утратить то спасение, которое Господь нам даровал? Как спастись? В святом Евангелии читаем, что с этим же вопросом обратился ко Господу и некий князь иудейский, вопрошая Его: "Учителю благий, что сотворю да живот вечный наследствую?" И Господь ответил ему, что сие постигается соблюдением заповедей Божиих (Лк. 18, 18—20 и пар.). Так и тебе для спасения подобает исполнять заповеди Божии и уставы святой

православной Церкви. Заповеди Божии и созвучные им установления святой Церкви сохраняют тебя от греха и научают тебя исполнять благую и совершенную волю Божию. Имей веру; держись ее, и никогда не позволяй врагу похитить ее из твоего сердца. Ты идешь во мраке этой жизни и в руках твоих светильник, чтобы тебе не пасть в бездну, не споткнуться и не погибнуть, по написанному: "Светильник ногамоима закон Твой, и свет стезям моим" (Пс. 118, 195). И если твой светильник веры погаснет, о, какой мрак! какой ужас обымет тебя! какое безнадение! И если светильник твой угаснет или угасает, взывай, плачь, молись Богу, чтобы ангел света снова возжег твой светильник или поддержал угасающий; ищи богоносных мужей, читай священные книги, делай все, чтобы вернуть потерянное или защитить от хищника твое сокровище. Потому что, когда ты имеешь веру, ты — блажен, по слову Господню: "Блажени не видевшии, и веровавшие" (Ин. 20, 29); а когда веры не имеешь, Священное Писание именует тебя "безумцем" (Пс. 13, 1), и поскольку ты отвергаешь, что так явно, так божественно сотворено для тебя Крестной Жертвой Спасителя, ты будешь осужден Богом, по слову Спасителя нашего и Господа: "Иже веру имеет и крестится, спасен будет; а иже не имеет веры, осужден будет" (Мрк. 16, 16).

При истинной вере последуют и добрые дела. Всячески при этом берегись греха, потому что грех — это самая большая опасность в твоей жизни. Случалось ли тебе видеть скалы, на которых возросли сосны: в малейшую щель в скале вошло одно семечко сосны, и смотри, оно раскололо камень и из него выросло целое дерево: так и ты знай, что греховное соизволение это уже и есть некая щель в броне твоей души, и если войдет в нее семя греха, — а оно неминуемо войдет, — то и всю крепость твоей души оно расколет и приведет тебя в негодность. Бог взыскует от нас благое сердечное расположение к Нему. И если у тебя будет благое устремление к Нему, Источнику всякого добра, то и вся твоя жизнь будет богоугодной и приятной, и ты, по любви к Нему, возжелаешь послужить Ему всеми твоими силами и взять на себя старание исполнить Его заповеди, делать добрые дела, являть свою веру делами и всесторонне беречься от всего ненавистного Богу, т.е. от всякого греха, — а в этом и состоит подвиг христианской жизни; так что любовь к Богу приводит человека и к подвигу.

И, наконец, брат, с благодарением носи свой жизненный крест. Твой путь к спасению идет чрез скорби, по слову апостола: "Многими скорбями подобает нам внити в царствие Божие" (Деян. 14, 22). Ты идешь к своему спасению по дороге бедствий, состарения и смерти. Идешь по камням, терниям и ухабам жизненной дороги, и в том самом, что ты ТЕРПЕЛИВО И С БЛАГОДАРЕНИЕМ БОГУ несешь свой жизненный крест, стараешься делать добро и уклоняться от смертных грехов, этим и достигаешь своего спасения. Апостол говорит, что женщина "спасется чрез чадородие, если (при этом) пребудет в вере и любви, и в святости с целомудрием" (1 Тим. 2, 15). В чадородии состоит крест женщины, потому что после грехопадения, и как последствие сего, по слову Божию, жене было суждено испытать печали брачной жизни: "Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей", возвестил Господь Еве, "в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою" (Быт. 3, 16). Но благодаря этому кресту она и спасается, если при этом ведет добрую жизнь. А что же сказать о мужчине? чем он спасется? — Он спасется несением своего креста, который состоит в мучительном образе жизни, в трудах и тяготах. Бог возвестил Адаму: "Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься" (Быт. 3, 17—19). Это последствия грехопадения, но в этом и спасительный крест для человека, если при этом он старается не делать больших грехов и, наоборот, старается делать добро, любит Бога и с благодарением Богу несет всю тяготу жизни, зная, что Бог благ и все, что ни делается, делается для спасения души человека.

14. Повторяю еще раз, и не сетуй на меня за повторения. Брат, берегись греха. Мощнокрылые орлы гибнут от небольшой западни. Мощные корабли разбиваются о небольшие, скрытые под водой камни и тонут. От малой искры сгорали города. А от греха погибали и великаны добродетели. Грех тем страшен, что он разлучает нас от Бога. Ни болезнь, ни бедность, ни малограмотность не разлучат нас от Бога; по слову же апостола, даже и смерть не

разлучает нас от Бога (Рим. 8, 38). Грех же разлучает нас от Бога. Пророк говорит: "Грехи ваши разлучают между вами и между Богом, и грех ради ваших отврати лице Свое от вас" (Ис. 59, 2). Но знай, что эта стена, разделяющая тебя от Бога — сильна, пока стоит; но она не из твердых камней, и если покаешься, то, вот, эта стена уже рухнула и рассыпалась в прах. Так что если грех отделяет тебя от Бога, то покаяние снова соединяет тебя с Богом. От гласа многих труб, по чудесному велению Божию, рухнули огромнейшие и мощнейшие иерихонские стены; а от твоего слова: "Прости, Господи!", сказанного со вздохом, сокрушаются в прах стены греха, отделяющие тебя от Бога. Смотри, что Господь говорит через того же пророка Исаию: "Сия глаголет Господь вышний, Иже живет в высоких во век, Святыи во Святых имя Ему, Вышний во Святых почиваяй, и малодушным давай долготерпение, и давай живот сокрушенным сердцем: не в век отмщу вам, ни всегда гневаться буду на вы: дух бо от Мене изыдет, и всякое дыхание Аз сотворю. За грех мало что опечалих его, и поразих его, и отвратих лице Мое от него: и (он) опечалился, и поиде дряхл (печален) в путех своих. Пути его видех, и исцелих его, и утеших его, и дах ему утешение истинно" (Ис. 57, 15–18). Любящий Бога, если и согрешит и покается, найдет в Нем снисходительного Судию. Ты сам знаешь, что Псалмопевец вещает Богу: "Аще беззакония назириши, Господи, Господи, кто постоит?", т.е. — если Ты строго будешь вникать в наши грехи, то кто из людей будет пощажён? — И затем прибавляет, что дело обстоит именно не так, но Господь милостиво прощает, и поэтому с торжеством он кончает свои слова, говоря: "Яко у Тебе очищение есть" (Пс. 129, 3). Скажи, известен ли тебе хотя бы один пример кающегося, который не был прощён Богом? хоть один единственный пример? — Нет, такого не найдёшь. А вот о том, что кающиеся даже и в великих грехах, и чуть ли не в последний час, были прощены Богом, об этом найдёшь столько примеров в Священном Писании и Ветхого и Нового Заветов, и в житиях святых, и во многих иных записях. У всех людей много грехов, и если бы Бог был строгим и взыскательным Судьею, никто не мог бы, так сказать, выдержать экзамена на вечную блаженную жизнь. Но не бойся: Сам твой Судья снисходительно говорит о тебе: "Плоть — немощна" (Мф. 26, 41). Т.е. — ты,

человек, немощен и нуждаешься в доброте, в снисхождении и всепрощении Божиим. Бог так свидетельствует Сам о Себе: "Не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быть ему" (Иез. 33, 11).

15. От Адама вначале ничего не требовалось для его пребывания в раю, потому что он получил все вперед. От тебя же, действительно, требуется участие в Божием деле спасения тебя. Христос заплатил за тебя весь твой долг, но Он желает, чтобы единую драхму и от себя ты внес по любви к Нему в уплату твоего долга, ради которого Он отдал Свою жизнь за тебя. Бог желает и предлагает тебе быть сотрудником Его в деле твоего спасения. Без Божией помощи ты, конечно, не можешь спастись, но и Бог без твоей помощи не может спасти тебя. В этом заключается и уважение к твоей свободе воли, и икономия спасения человека, вмещающая в себе и милость и правду Божию: милость — потому что в деле спасения твоего почти все происходит от Бога; правду — потому что это малое "почти" должно быть и делом твоего собственного произволения, старания и посильного труда.

Всегда и во всем держись Бога, твоего Спасителя. Учитель плавания, поддерживая ученика на поверхности воды и не давая ему захлебнуться, однако, требует, чтобы и тот, со своей стороны, действовал руками и ногами, производя плавательные движения, без чего он никогда не научился бы плавать. Так и Бог хочет научить тебя уже в этой жизни навыку вечной и духовной жизни и приготовить тебя для сознательного и вечного пребывания с Ним, Сущим Самое Добро. Поэтому и требуется твое участие и воспитание себя в состоянии добра и отвращения от зла. При плавании человек руками загребает воды, а ногами отталкивается от них. Так "руками" в духовном понятии тебе надлежит продвигаться вперед, а "ногами" отталкиваться от всего того, что удерживает тебя в твоём духовном движении вперед. Научись сему совету: "Уклонися от зла, и сотвори благо" (Пс. 33, 15). И чрез пророка Господь призывает тебя: "Научитесь делать добро" (Ис. 1, 17). И опять же, если учитель плавания видит, что его ученик, начав плыть уже самостоятельно, не справляется и может утонуть, он спешит к нему на помощь, а лучше сказать — не оставляет его без того, чтобы быть рядом с ним, и сразу же поддерживает

его и помогает ему справиться с набежавшей волной. Но горе, если ученик своевольно и самонадеянно уплывет в океан, еще не научившись плавать и оставляя без внимания указания своего учителя... Некто поведал мне, что один человек всегда молился Богу, чтобы Он не оставлял его на его земном пути, и, как некогда Господь сшествовал со Своими Учениками на их пути в Еммаус (Лк. 24, 13–32), так чтобы и с ним сшествовал по дороге его жизни. И вот, при конце своей жизни он имел видение: он видел, что идет по песчаному берегу океана (конечно, разумею океан вечности, вдоль берега которого проходит путь смертных). И, оглянувшись, он увидел отпечатки своих стоп на мягком песке, уходящие далеко назад: это был путь его пройденной жизни. И рядом с отпечатками его стоп шли отпечатки еще пары стоп; и он понял, что это Господь сшествовал с ним в жизни, как он и молился Ему. Но в некоторых местах пройденного пути он видел отпечатки только одной пары стоп, которые глубоко врезывались в песок, как бы свидетельствуя о тяжести пути в оное время. И вспомнил этот человек, что это было тогда, когда в его жизни были особо тяжелые моменты и когда жизнь представлялась непосильно трудной и мучительной. И этот человек с упреком сказал Господу: вот видишь, Господи, в трудные времена моей жизни Ты не шел со мной; Ты видишь, что отпечатки только одной пары стоп в те времена говорят о том, что тогда я один шел в жизни, и Ты видишь из того, что следы глубоко врезались в землю, что мне было тогда очень тяжело идти. — Но Господь ответил ему: сын мой, ты ошибаешься. Действительно, ты видишь отпечатки только одной пары стоп в те времена твоей жизни, которые ты вспоминаешь как самые трудные. Но это — отпечатки не твоих стоп, а — МОИХ. Потому что в трудные времена твоей жизни Я брал тебя на Свои руки и нес. Так что, сын мой, это — отпечатки не твоих стоп, а — Моих.

16. Чтобы исполнять заповеди Божии и стараться сохранять себя от грехов, недостаточно иметь только решимость в душе и, что называется, силу воли, хотя и то и другое необходимо, чтобы было налицо с твоей стороны, — но тебе необходима для спасения помощь СВЫШЕ, т.е. — благодать Святого Духа, без которой спастись невозможно: потому что твоя борьба — это не борьба человека с человеком, а борьба смертного со смертью,

плоти — с бесплотными злыми силами, немощного — с князем мира сего; и только благодатью Святого Духа ты силен одолеть твоих супостатов. В семя заложена сила произрастать, т.е. — как бы его воля произрасти; но если не будет земли, если не будет солнечных лучей, семя не прозябнет; а если не будет влаги, оно погибнет. Разумей это в духовном смысле: "земля" — это данная тебе Богом благая возможность делать добро, пока ты находишься в этой жизни; "Солнце Правды", просвещающее всякого человека, грядущего в мир" (Ин. 1,9) — это Господь наш Иисус Христос; "напоение" же семени влагой — это действие благодати Святого Духа. Вот и молись Богу в день Пятидесятницы, молись Духу Святому, чтобы и тебе в духовном смысле быть "древом насажденным при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое" (Пс. 1,3).

17. Затем, брат, скажу тебе, что диавол влагает в наши сердца чувство безнадежия, дабы ослабить все наши силы и волю к спасению. Он нам внушает, что все равно мы не можем спастись; что это посылно только для святых, пустынников, мучеников, исповедников и великих подвижников, но не и для нас грешных, которые и каяться даже не умеем, как должно. Знай, брат, что эти же чувства безнадежия и бессилия он внушал и помянутым святым, стараясь внушить им мысль, что их жизнь течет бесполезно и подвиг их не нужен, да и слишком незначителен, чтобы быть принятым Богом во спасение их душ. Но они отвергли прилоги искушителя и вышли, как ты знаешь, победителями. Так и ты, далеко отбрось от себя эти мысли, и будь благонадежен. Святые, конечно, по своей любви к Богу и за свои великие подвиги наследуют великое; но и тебе, спасающемуся, уготовано спасение, и знай, что если ты получишь самое малое в сравнении с великим воздаянием святых, то и это малое в Царстве Небесном будет огромным и превосходящим все твои ожидания и возможности твоего ожидания и представления, и то настолько, что это и выразить и задумать нельзя, ибо "не в меру Бог дает Духа" (Ин. 3,34) и "милостив и щедр Господь" (Пс. 110,4), "благ и многомилостив" Дародатель (Иоиль 2,13).

18. Действительно, диавол нанес человеческому роду страшное поражение; мы, даже и не оказав ему какого-либо сопротивления, утратили рай и радость, и бессмертие, и без боя сдали врагу

все наши крепости. Но на войне не первая битва решает исход войны, и даже не вторая и не третья, а именно — последняя; вот она-то и решает все. Не часто ли бывало в истории, что государства и великие армии терпели поражения, испытывали потери, оставались без военного снаряжения, отступали и вообще терпели лишения, страдания, потери и бесславие? И, однако, опытные полководцы не сдавались и не позволяли себе приходить в отчаяние, а продолжали войну, и, несмотря на все прежние испытанные ими поражения, внезапно наносили врагу решительный удар в конечной битве и выходили победоносцами. Так и ты, брат, не сомневайся в победе. Если ты продолжишь борьбу и не бросишь оружия и не побежишь с поля брани, а, несмотря на все прежние поражения, будешь крепко держать щит веры, не обнажишь голову от шлема спасения и не выпустишь из рук меча духовного, т.е. слова Божия (Еф. 6, 16, 17), то ты одержишь победу и возьмешь трофеи над врагом. Я обещаю тебе это, потому что знаю, что ты не один будешь бороться с врагом. Есть, Кто будет споборствовать с тобою, и, если хочешь знать, Он уже одержал для тебя победу над твоим врагом, а также и Его врагом: Сам Бог — с тобою; Он — твой Союзник, твой Защитник; твое — ВСЕ. С Его именем, с надеждой на Него и любовью к Нему, иди и борись. Будешь ли ранен, т.е. так или иначе согрешишь, поскольку борьба нелегкая и враг твой искусен нанести тебе раны, — не унывай; для христианина никакая рана не может быть смертельной; но приди в, так сказать, фронтовой госпиталь, т.е. в Церковь Божию, и здесь покайся в своих грехах и слабостях, и вот, раны твои уже зажили. Стрела греха, ранившая тебя, изъята, и раны от нее уже нет. Итак, иди и воюй с врагом дальше. Но вот, враг выбил из рук твоих меч, т.е. поверг тебя в душевное бессилие чрез жизненные скорби, огорчения и тревоги, которые как бы обезоружили тебя. Склонись смиренно пред волей Божией; согнись и подними упавший из твоих рук меч, упрекни себя за малодушие и отражай нападения врага. И если ты будешь так поступать, то вот, и выйдешь победителем, и, как победитель, будешь увенчан. О, христианин, ты — воин Христов в этой жизни и призван ты не на мирное и обывательское спокойное существование, а — на войну, и то — лютую войну; будь же и победителем в ней и насладишься в будущем веке покоем и честью, и радостью.

19. Сердце твое — маленькое. Не допускай же ничего лишнего в него. Пусть в нем будет место только для Бога и для любви к Нему. Брат, для того Бог и привел тебя в эту жизнь и наделил разумной душой, чтобы ты спасся и навеки пребывал с ним в бессмертной жизни и радости. Знай это и люби Его и будь верен Ему до смерти (Откр. 2,10), и будь уверен в Его сильном желании спасти тебя и помочь тебе во всем, и знай, что тебе НЕВОЗМОЖНО не спастись, если только ты позаботишься о том, чтобы на мощно протянутую к тебе десницу Божию и самому протянуть к ней свою немощную руку. Божия "десница" — это благодать Божия, призывающая тебя к спасению и простирающая тебе мощную помощь для осуществления сего, а твоя "рука" — это сильное и действенное желание быть спасенным, и любовь к Богу, и вера. Всецело отдай себя Богу, смирись пред Ним и перед братьями твоими, людьми. Презри себя и сочти себя за ничто, как оный евангельский мытарь (Лк. 18), и вот, ты — спасешься. Потому что только смиренный спасается и получает благодать Божию.

20. Итак, в день праздника Святой Пятидесятницы, когда, брат, в тот день ты будешь с благоговением и коленопреклонно внимать молитвам, возносимым священником от лица и ради своей паствы, тогда определенно знай, о ЧЕМ тебе молиться. В этот день Святой Дух так явственно, так благоуханно и божественно находится в Церкви и услышит твои молитвы. Поэтому, брат, сосредоточься, взвесь заранее и подумай, о ЧЕМ ты будешь просить Бога. Возможно, у тебя на сердце лежит много печалей, и забот, и тягостей, и ты хочешь просить Бога разрешить все невзгоды и помочь тебе. Молись о сем. Но, первое и основное и бесконечно более преимущественное и важное, твое прошение должно быть о том, чтобы Бог тебе дал благодать Святого Духа и исполнил им твое сердце до переизбытка, до изнеможения, т.е. иными словами: уже на земле принял тебя в Царство Небесное, дал залог и начаток будущего вечного наслаждения. Даже скажу тебе: это-то единственное и должно было бы быть твоим прошением в этот день. Но плоть — немощна; и по немощи твоей проси у Бога, если хочешь, и о житейских твоих делах. Бог услышит, по написанному: "Услышит тя Господь в день печали" (Пс. 19,2). Но не забудь, ни в коем случае не забудь, что важнейшее твое прошение да будет о получении

благодати Святого Духа. Знай, брат, что если ты получишь этот Дар, то ничего большего и не потребуется тебе, и даже и не пожелаешь: потому что Дух Святой есть Сокровище преисполненное благ. — Но как же мои нужды и тяготы? — О, не волнуйся о сем: о них чудесно позаботится Господь. Доверь Ему все. "Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает" (Пс. 54,23). Помни всегда слова Господа нашего Иисуса Христа: "Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся (т.е. все ваши мирские потребности) приложатся вам" (Мф. 6,33). Усвой эти слова и верой, и образом жизни: и в Бога верь, и Богу доверься. Знай еще и то, что Бог знает, что твое сердце томится от житейских невзгод, и уголек любви в нем, на котором возгорается и клубится фимиам твоей молитвы и веры, может совсем потухнуть, если скорби ушьят твою духовную энергию. Бог знает, что твое сердце — маленькое, и Он хочет, чтобы оно всецело принадлежало Ему, по написанному: "Дажь Ми, сыне, твое сердце" (Притч. 23,26). Итак, если ты дашь Ему твое сердце, то Бог позаботится о том, чтобы оно и оставалось Его и не допустит великим скорбям и демонам, действующим прикровенно за скорбями и возбуждающими бурю с той целью, чтобы отнять твое сердце от Бога и как бы некими устремляющимися водными потоками угасить всякую твою любовь к Богу и помыслы о вечной жизни, обессилить твою душу и привести в полное изнеможение. Итак, брат, отдай Богу твое сердце и после сего будь беспечальным, и имей только одну заботу, чтобы сердце твое непрестанно оставалось в руках Божиих. Таким образом, в день Святой Пятидесятницы, в день памятования Сошествия Святого Духа на Церковь, молись усердно о том, чтобы Дух Святой сошел и на тебя, а прежде этого приготовь себя молитвой и чтением Святых Книг.

21. Представь себе, что некий великий царь пришел в город, который он весьма возлюбил. И вот, через глашатаев он милостиво приглашает к себе каждого гражданина этого города с позволением и даже поощрением, чтобы каждый просил у него той милости, которую пожелает. Для этого он и дает всем аудиенцию, чтобы каждый гражданин приблизился к нему и просил о том, что у него — на сердце. И вот, представь себе далее: в назначенный день к сему царю, восседающему в великолепных царских одеждах

на престоле возвышенном и золотом, окруженному сановниками в великолепных придворных одеждах, пришли граждане сего города и каждый невозбранно изложил свою просьбу. И что же? — Один просил у царя, чтобы тот ему дал некую малую сумму денег. И царь соизволил. Другой просил у царя, чтобы он повелел построить изгородь вокруг его небольшого имения, и царь на это кивнул головой. Третья, некая женщина, просила у царя, чтобы сын ее получил место при дворе, и царь, вздохнув, ответил: "Это — возможно". И секретарь записывал царские милости для приведения их в действие. Некто, пожаловавшись на болезнь, просил царя послать ему своего дворцового врача, на что царь дал соизволение. Все прошения были невеликими и были исполнены царем; и царь был прискорбен. И вот, последним к царю пришел некий нищий. Он был убог и беден, но, как мог, он очистил свои одежды и привел их в порядок и, при всей своей бедности, постарался предстать пред царем в возможном для него благолепном виде. И, припав к ногам царя и со многими слезами, он взмолился царю: "Великий Царь, я молю тебя, чтобы ты дал мне участие в твоём царстве, в Твоём сиянии блеска и величества; и прошу тебя, дай мне обитать в твоём дворце, и дай мне светлые, достойные пребывания с тобою одежды, и дай также мне светлый венец на голову, и дай мне радость нескончаемо в вечной любви пребывать с тобою и наслаждаться лицезрением тебя, и прими меня в твои сыны". — Вокруг поднялся ропот: "Как смеет этот нищий обращаться к Царю с такими дерзкими требованиями? Царь несомненно накажет его". Но Царь, встав с престола, покрыл этого нищего своей порфирой и надел ему на голову золотой венец, украшенный драгоценными камнями. И сказал всем: "Этот человек поступил правильно. Я пришел сюда, чтобы оказать вам милость. А вы просили от меня вещи до такой степени маловажные, до такой степени незначительные... Что же, получите их. Ибо я — щедр и человеколюбец. А этот нищий был мудрее всех вас: он познал, что Я — истинно щедр, и богат, и всемогущ и для того и пришел к вам, чтобы дать вам весьма, весьма великое, и он просил от меня это великое; и вот, он получит это все. Я даю ему мою благодать".

Так подражай этому благоразумному нищему и проси у Царя Небесного даровать тебе эту милость: БЛАГОДАТЬ СВЯТОГО ДУХА.

22. Дух Святой всегда был, есть и будет; моли же Его низойти к тебе, чтобы и тебе всегда быть в Его благодати. Дух Святой есть Жизнь всего сущего, Дух животворящий; моли же Его оживить твою душу для вечной жизни. Дух Святой есть Огонь; моли же Его испепелить все недостойное в тебе и зажечь в тебе светильник твоего сердца во веки, дабы никакая тьма не объяла его. Дух Святой есть Свет; моли же Его просветить тебя, чтобы тебе воссиять, как звезда, в духовном небе Царства Божиего. Дух Святой есть Бог; моли же Его освятить тебя и дать тебе участие в Нем во веки. Дух Святой есть ВСЕ; моли же Его, чтобы, как Сокровище благ, Он излился в твое сердце и исполнил его до краев, до изливания, нескончаемым счастьем, чтобы тебе быть богатым во веки. Дух Святой есть бессмертный дух; молись, чтобы и тебе быть духом, потому что плоть и кровь немощны для того, чтобы наследовать вечную жизнь, и им надлежит чудесным образом, еще в земной жизни стать духовными. Скажи твоему сердцу: "Сердце мое, что ты делаешь здесь на земле? зачем томишься и не хочешь подняться выше праха? Зачем скорбишь о земных тяготах и неудачах: ведь на земле все — непохоже на Небо и его правду, а ты должно принадлежать Небу".

Дух Святой зовет тебя на Небо. О, поспеши, поспеши же откликнуться на Его зов! Дух Святой есть Утешитель. Приди же и мысленно припади к Нему на грудь и восплачься пред Ним; скажи Ему все твои огорчения и все твои неудачи, и проси, чтобы, как дитя, Он взял тебя на Свои руки, и плачь пред Ним и не стыдись своей немощи, потому что Он — твой Отец и не устыдит тебя, не оттолкнет, а, напротив, Он — единый благий (Мф. 19, 17 и пар.); Он все поймет, утешит утешением божественным, беспредельным и неиссякающим и отрет всякую слезу от очей твоих (Откр. 7, 17. 21, 4).

Взгляни на этот земной храм, украшенный множеством цветов, и вспомни, что Дух Святой силен исполнить тебя благоуханием жизни, неувядаемой во веки.

О, Душе Святой, даруй нам служить Тебе в духе и истине, и прииди и вселися в нас! Не так жаждущая пустыня томится по капле дождевой, как наше сердце томится, ожидая Твоего

Пришествия! Прииди к нам, наш Боже, наше Радование, наше ВСЕ! Ты — вечный Бог, и мы — по любви Твоей пребудем во веки, а все остальное — лишь сон и мимотекущая река.

На этом кончается рукопись.

LE MESSAGER ORTHODOXE

Revue de pensée et d'action Orthodoxes
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France

COLLOQUE P. SERGE BOULGAKOV

SOMMAIRE

<i>A nos lecteurs — N.S.</i>	1
Nikita Struve — <i>Une destinée exemplaire</i>	3
Alexis van Bunnan — <i>Actualité de la christologie du P. Serge Boulgakov</i>	13
Constantin Andronikof — <i>La problématique sophianique</i>	45
Quelques citations de Boulgakov sur la Sophie	57
P. Serge Boulgakov — <i>Le problème central de la sophiologie</i> ..	83
P. Serge Boulgakov — <i>Du marxisme à la sophiologie</i>	88
Nadine Fuchs — <i>Exposé du livre du P. Serge Boulgakov sur les anges</i>	96
Archiprêtre Nicolas Ozoline — <i>La doctrine boulgakovienne de la « descriptibilité » de Dieu à la lumière de la théologie orthodoxe de l'icône</i>	111
Jean-Claude Roberti — <i>La vision de la mort dans l'œuvre du P. Serge Boulgakov</i>	123
Le P. Serge Boulgakov tel que nous l'avons connu :	
— Protopresbytre Alexis Kniazeff	131
— Archiprêtre Élie Mélia	131
P. Michael Aksionov-Meerson — <i>La doctrine du Grand Sacerdoce du Christ selon le P. Serge Boulgakov</i>	140
P. Louis Bouyer (en anglais) — <i>An introduction to the theme of wisdom and creation in the tradition</i>	149

NUMÉRO SPÉCIAL 98 — Prix : 60,00 F

"СМЕРТЬ! ГДЕ ТВОЕ ЖАЛО? АД! ГДЕ ТВОЯ ПОБЕДА?"

(Омилия на погребение брата, погибшего в дорожной катастрофе)

С момента грехопадения Адама смерть является величайшим врагом человека. И хотя из-за греха он обуреваем многими напастями, смерть всегда имела наибольшую власть над его душой. Такова реальность, всегда наполнявшая человека ужасом и унынием. Люди "от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству", — писал апостол Павел (Евр. 2:15). То есть человек был поработан страху смерти настолько, что испытывал перед ним полное бессилие и приниженность. В таком состоянии человечество продолжало сосуществовать со смертью чрез всю свою историю, вплоть до пришествия Христа.

Но оставил ли Бог человека в таком жалком состоянии, без свидетельства о возможности победы над смертью и ее властью, до пришествия Христа?

Случаи победы над смертью в Ветхом Завете.

1. Первый явный триумф над смертью мы видим на примере праведного Енох: "И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его" (Быт. 5:24). Однако эта славная победа не была дана Еноху ни за что, но он праведностью пред Богом показал, что достоин ее, как о том говорит св. Павел: "Верую Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу" (Евр. 11:5). Если чрез преслушание Адам подпал под власть смерти, то Енох, угодив Богу, стал первым человеком по Адаме победившим смерть, переступившим через нее и восшедшим на небеса живым. Этим примером Бог желал поколебать власть и страх смерти в человеческом сознании.

2. Вторая победа, когда целый народ бросил вызов смерти, произошла в Египте. Израиль покорился заповеди Божией, данной

через Моисея, о заклании пасхального агнца и помазании его кровью перекосяков дверей домов израильтян в знамение ангелу смерти, поражающему египтян. Люди не понимали тогда глубокого и далекого смысла этой крови, но ангел смерти — он же и ангел крови — понял мистический смысл, крившийся за кровью агнца, и отступил от дверей, запечатленных ею. Книга Откровения имеет в виду это событие, говоря об агнце, закланном в Египте: "...и Египет, Где и Господь наш распят" (Отк. 11:8). Таким образом, духовный мир понимал мистическую связь между кровью перехода, т.е. пасхи, освободившей и спасшей народ израильский от руки ангела смерти в Египте, и Кровью, искупившей весь мир и спасшей человечество от руки предержащего власть смерти, т.е. дьявола.

Но и эта победа целого народа, как и победа Еноха, не была дарована сама по себе, но явилась заслуженным вознаграждением за безотчетное послушание заповеди Божией. Сильное впечатление производит это отступление ангела смерти от лица пасхального агнца, свидетельствующее тем, что власть смерти над человеком надломилась.

Другие примеры.

Можно привести целый ряд примеров победы человека над смертью, имевших место еще до пришествия Христа, когда рука Божия спасала его от зверей, болезней, войн и катастроф. Бог спасал Давида от челюстей льва и медведя, Он спас его от меча могучего Голиафа. Пророк Илия был избавлен от рук Иезавели и лжепророков, а затем был восхищен на небо на огненной колеснице и херувимских конях, ниспосланных специально для того, чтобы вознести его живым, вместе с телом, в знамение величайшей победы над смертью, доступной созерцанию. Илия, за свой строжайший аскетизм и целомудрие, явился как бы полномочным представителем человечества в предвкушении не только покорения смерти, но и триумфа над нею, которые даны были ему как залог того, что Иисус Христос имел совершить для всех нас.

Далее, пророк Елисей горстью муки обезвредил смертельный яд дикого огурца, которым по нечаянности были отравлены сыны

пророческие (4 Цар. 4: 38—41). В этом случае торжество над смертью явилось результатом безусловного послушания Елисея Илии, чем исполнилось слово Писания: "Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка" (Мф. 10:41). Елисей получил награду Илии не за свои личные заслуги, а за послушание божественному духу пророчества, обитавшему в Илии.

Вспомним также трех отроков, славословящих Бога и попирающих смерть и ее власть над человеком посреди печного пламени, возвышавшегося на 49 локтей, как в жерле вулкана. Такое славное торжество человек приобрел за верность свидетельства об истинном Боге.

Далее, мы имеем свидетельство пророка Даниила о деснице Божией, заградившей челюсти львов и заставившей зверей стоять вокруг пророка онемевшими, голодными и пристыженными. Здесь был явлен надлом тирании смерти над человеком, которого представлял Даниил, достигший такой власти путем открытого исповедания, выражавшегося в ежедневных молитвах у открытого окна горницы во свидетельство Бога живого, которого он чтит не из религиозного противления или национального протеста, но искренно, от души.

И, наконец, мы имеем пример в апостоле Павле. Бог многократно хранил его от смерти, избавлял от глубин морских, разбойников, заговоров, побоев камнями и змеиного яда, пока он не совершил свою миссию и не завоевал мученический венец.

Все это множество замечательных примеров победы над смертью в Ветхом и Новом Заветах раскрывают перед нами огромную силу, таящуюся в нас, и сверх-дары новой, духовной твари. Правда то, что "последний же враг истребится — смерть" (1 Кор. 15:26), но Бог уже многократно истреблял ее за нас в прошлом, чтобы хотя бы частично высвободить нас от рабствования и страха перед ней.

Грех и смерть.

В прошлом проклятие смерти, как следствие греха, царило над всей землей. Смерть властвовала, и никто не мог ее избежать — смерть внутри нас и смерть вне нас, как и Писание говорит: "Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть

перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили... смерть царствовала" (Рим. 5:12,14). А так как грех, который был и есть причина смерти, зародился с совета сатаны, то в нашем сознании прочно утвердилось, что власть смерти находится в руках сатаны, и еще более определенно — что спастись от этой власти нельзя иначе, как будучи спасенным от власти греха.

Чтобы освободить нашу плоть от власти смерти, Сын Божий снисшел с небес и облекся в безгрешное тело. Но чтобы уничтожить саму смерть в нашей плоти, Ему надлежало умереть и воскреснуть, чем окончательно была разрушена ее сила и развеян ужас перед ней. Смертью Христос за нас поправил смерть и даровал вечную жизнь "сущим во гробех". Но уничтожив власть смерти, Христос тем самым уничтожил и силу предрежащего эту власть, т.е. диавола, как написано: "и Он также воспринял оные (т.е. плоть и кровь), дабы смертию лишить силы имеющего державу смерти, т.е. диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству" (Евр. 2:14,15).

Бог благоволит, чтобы все человечество имело опыт торжества над смертью. Победа над "похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской", победа над сатанинским прельщением ко всякого рода греху — есть дело первостепенной важности. Но победа эта остается неполной, покуда сам человек не возмужает в ней и не возвысится над страхом и рабством смерти. Настоящих врагов у человека много: плоть, мир и диавол; но смерть является наиболее жестоким врагом, и страх ее — самым отвратительным из всех страхов. Если бы даже мы преодолели все, кроме смерти, или смогли бы так себя настроить, что отказались бы замечать ее наличие и состояние страха, таящегося в глубине нашего существа, — все наше так называемое торжество оставалось бы непрочным и уязвимым. Ибо как только смерть заявит о себе тем или иным путем, или в руках тех или иных людей станет угрожать нам, ее страх объемлет все наше существо. Чувство пораженчества ведет тогда человека к отступлению от пути добродетели и даже от веры; а когда он придет в себя — увы! он уже совершенно сломлен.

В евангельских словах "последний же враг истребится — смерть" имеется в виду не просто время истребления ее, но

истребление опасности, заключающейся в этом враге, превосходящей опасность всех других врагов человека, а также ее значимость и способность скрываться в засаде позади всех остальных недругов. Если оставить этого врага с его ложным ореолом страха хорониться в сердце, то вся наша борьба с остальными неприятелями станет под угрозой.

Господь открыто посрамил силу смерти и лишил ее могущества, воздвигнув четверодневного Лазаря от смерти и тления: где было разложение плоти, смердящий запах, черви, пожирающие плоть! Из гроба восстал человек со здоровым организмом, полный энергии и жизнеспособности. Это был поистине залог торжества над смертью, переданный нам в предвкушение того, что Он сотворит с нашими телами — что Он уже совершил в Своем собственном теле — чтобы воскресение стало нашим вечным правом. Сам факт воскрешения Лазаря после всего погребального ритуала, плача и выражений соболезнования до четвертого дня достаточен сам по себе, чтобы изгнать так прочно укоренившиеся в нашем сознании неотвратимость и неизбежность смерти. Но мы отмечаем еще, что Господь воскресил Лазаря незадолго до Своей собственной смерти и воскресения, во свидетельство того, что Он есть Господь над смертью даже в смерти, и Господь воскресения в Своем воскресении. И потому, связывая эти два события, Он всемогущ разрушить смерть и поправить ее не только Своим воскресением, но единым лишь словом: "Лазарь, гряди вон!".

Христос сказал Марфе: "Я есмь воскресение и жизнь... И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек". В этих словах сосредоточена величайшая тайна Христа и христианства. Сам Христос есть жизнь вечная, а если так, то как может умереть тот, кто крепко держится за эту жизнь? Разве не сказал Христос нарочито "ядуший Меня жить будет Мною" (Ин. 6:57) ?

Да будет всем известно, что единственно, над чем осталось смерти царствовать после воскресения Христа, это всего лишь прах нашего тела, которое взято от земли и в землю отойдет. Но смерти нет никакой части в нас, живущих теперь Духом, ни в душах наших, живых во Христе, сотворенных заново Духом Святым по подобию Создателя. Их могила никогда не сможет принять, они никогда не увидят тьму гроба, но пройдут от света к свету, от славы к славе.

Все, чему осталось теперь угрожать нам, — это страх смерти, который может завладеть тем, что ему не принадлежит в нас. Это угроза проникновения страха в живую душу и погашения в ней света — который есть вера в воскресение и Христос, за нас и с нами воскресший, — а это означает, что дух жизни может быть вытеснен из нас, чтобы смерть снова могла поселиться в сердце в образе призрачного страха уже убитого врага.

Христос разрушил смерть в наших душах и воздвиг на ее месте дух воскресения, а дух воскресения воздвигнет наши тела и после уничтожения, сообразно с прославленной душой каждого из нас, по подобию прославленного тела воскресшего Христа, о чем ап. Павел подчеркнуто говорит: "Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его" (Фп. 3:21). Так что смерть теперь не имеет никакой власти над духом или душой в нашем теле: Христос наполняет наше тело, как Свой храм, душа наша есть Его невеста, а дух наш изначально есть дыхание Божие. Земная храмина, приспособленная только для жизни на земле, должна разрушиться со смертью, чтобы Бог мог восстановить ее свободной от греха, соответствующей небесному жительству — чрез Христа, обновляющего Свое создание по Своему подобию в чести и славе.

Страх смерти и воскресение Христа.

Для верующего в воскресение Христа страх смерти теперь является непосредственной угрозой живущему в нем духу воскресения, поскольку этот страх превращает дух в бессильный акт, неспособный действительно явить в нас дух и жизнь Христа. "Ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших; поэтому и умершие во Христе погибли" (1 Кор. 15:16—18). Мы видим, что страх смерти приравнивается к отрицанию воскресения — пусть не словесно, но по малодушию и пораженческому состоянию души, когда силы и надежды ее гаснут, а дух почти вселяется во тьму, — и даже хуже того: ибо, как явствует из вышеприведенного стиха, потеря чувства воскресения тождественна пребыванию в состоянии греха.

Получается несоответствие: смерть и страх смерти являются сейчас для нас наипаснейшим врагом, несмотря на то, что смерть уже убита и не существует более. Христос, упразднив ее Своей смертью и воскресением, "дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, т.е. диавола" (Евр. 2:15), совершенно отделил от нее нового человека, рожденного в Боге. Он Сам теперь царствует над детьми Божиими духом жизни, а также и над диаволом, предержащим смерть. А раз так, то наличие страха смерти предполагало бы несовершенство воцарения Христа над всем человеком. Это очень тревожный момент, если мы, будучи теперь в состоянии принять благодатную жизнь чрез искупительную жертву Христа, вместо того живем страхом смерти, порожденным грехом.

Евангелие многократно подчеркивает, что действие благодати и дар праведности, подаваемые Богом чрез Христа, гораздо сильнее, чем действие греха или сила и страх смерти. "Если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа... Когда умножился грех, стала преизобилывать благодать, дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась чрез праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим" (Рим. 5:17, 20—21).

Мы часто проглядываем момент, неоднократно подчеркиваемый св. Павлом, что если прежде мы жили грехом через плоть, как адамово наследство, и таким образом были подвержены смерти, то теперь мы даром приняли благодать Духом Святым, как радостное наследство Христа, совершающее вечную жизнь, а смерти или страху смерти невозможно царствовать над тем, кто находится под властью благодати. Однако, как грех не может возобладать нами без действия нашей воли, так и благодать Христова не может воцариться без нашего произволения. Само собой очевидно, что если страх смерти явился прямым следствием действия, окончившегося грехом, то вечная жизнь есть также результат действия, но принесшего Божие благоволение и вселение благодати, "Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 6:23). Как благодать противостоит греху, точно так же жизнь вечная противостоит смерти; и как

страх смерти является преткновением для человека, шествующего путем Божиим, точно так же и радость о Христе и Его воскресении является превосходящей силой, возвышающей все человеческое существо — волю, чувства, мысль, сознание — над смертью и страхом перед ней.

Св.Павел не раз повторяет, что Христос уже не может быть преодолен смертью, чтобы углубить в нашем сознании, что наша связь с Христом должна отвращать от нас ужас смерти, как уже живущих и непрерывно имеющих жить жизнью живого Христа: "Ибо Я живу, и вы будете жить" (Ин. 14:19). Смерть уже не имеет власти отделять нашу жизнь от жизни Христа, "потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти" (Рим. 8:2). Эти истины, относящиеся к вере, должны были бы найти доступ не только к нашему мыслительному, но и к физическому мироощущению, потому что вечная жизнь, как дар Божий, конечно же включает в себя и тело, ибо Христос есть также Спаситель тела (Еф. 5:23).

Что же касается постепенного умирания тела, завершающегося одряхлением и смертью, — тут мы должны предоставить Духу Святому и силе благодати, действующим через усилие нашей веры и надежды, обновить наш внутренний образ и придать ему те духовные черты, которые бы больше всего приближали нас — по духу и мысли — к Христу: "Совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его" (Кол. 3:9–10). Тогда явившаяся смерть застанет нас живущими с Ним лицом к лицу, а непрестанно взирая на лик Христов, мы преображаемся, по слову ап. Павла, в тот же образ (2 Кор. 3:18).

Освобождение от чувства смерти есть знамение Божией жизни в нас.

Первым и определенным знаком того, что жизнь Божия начала действовать в нас, будет наша свобода от ощущения смерти и ее страха, ибо невозможно проклятию смерти жить бок о бок с благословениями жизни. Человек, живущий в Боге, испытывает глубокое чувство, что он сильнее смерти, что он вышел из ее тисков. Даже

умирая, он не будет ощущать этого; напротив, в нем будет сильно чувство непрекращающейся жизни в Боге. Плоть вернется в прах, из которого она взята, но сам человек неизменно пребудет с Христом, и тогда его духовные очи сразу же откроются, чтобы узреть и свет Христов, и славу воскресения.

Покориться смерти или хотя бы чувству смерти, страху ее — противоречит вере, которая учит, что смерть есть враг человека: "Последний же враг истребится — смерть" (1 Кор. 15:26). Поэтому нам определено бросить вызов смерти и победить ее могуществом Христа, зная, что сила воскресения в нас уже поразила ее однажды и будет поражать до конца. И этот вот момент так подчеркивается в Библии: "Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?" (1 Кор. 15:55; Ос. 13:14).

Если чрез грех смерть может вторгнуться в нас, то Христос сокрушил и грех и смерть, даровав нам Свою праведность и вечную жизнь. Как можем мы в таком случае продолжать жить в смерти или ее страхе? Смерть теперь скована вместе с предержащим ее диаволом, которому уготовано осуждение: "И смерть и ад повержены в озеро огненное" (Отк. 20:14). Как можем мы покориться смерти или ее влиянию, когда она прекратила свое существование раз и навсегда? И мы, получившие духа Христовой жизни и ставшие таким прославленным бессмертным созданием, как можем мы подчинить дух Христов чувству и страху смерти? Разве жизнь Христова не действует в нас к жизни вечной в тысячи раз больше, чем действие смерти в нашей плоти? Христос упразднил смерть Своим воскресением и даровал нам дух воскресения, чтобы и мы сами могли истребить смерть из своего духовного существования в этой жизни, как подлинное свидетельство того, что Христос воистину живет в нас чрез Свое воскресение и вечную жизнь. Подлинное ощущение воскресения Христа, вместе с подобающим поведением в новизне жизни, должны были бы придать нам достаточно силы, чтобы сбросить с себя власть смерти.

Мы проходим через смерть с Христом, чтобы иметь участие в славе воскресения.

Но каким образом можем мы обрести дух воскресения? Вот на этом моменте должна быть сосредоточена наша повседневность, наш

крест, ибо нет иного пути приобретения силы воскресения, как только через крест. А это значит, что прежде всего мы должны пройти через смерть с Христом, чтобы иметь возможность разделить с Ним силу и славу Его воскресения.

Смерть потеряла свое первенство действия и не может вторгнуться в нас, как бы в связанных, из-за греха. Напротив, мы теперь вооружены крестом и кровью Христа, а такое оружие должно дать нам инициативу над смертью. Мы теперь обязаны вторгнуться в смерть и взять приступом ее мрачные, пугающие тайники. Тот, кто вооружен крестом, готов пойти на смерть и пролитие крови с Христом и за Христа ("За Тебя умерщвляют нас всякий день" — Рим. 8:36), на смерть всякого рода по слову ап. Павла: "Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками; однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями; в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе" (2 Кор. 11:23—27).

В этих примерах заключается все, чем смерть и диавол могут пугать. И однако эти испытания принесли удовлетворение ап. Павлу: он смело штурмовал их и не только снял с них ужас, но и превратил их в путь для всех последующих искателей Небесного Царства. "Противостаньте диаволу, и убежит от вас" (Иак. 4:7). Также и смерть ударится в бегство, если мы противостанем ей. Если мы станем добровольно умерщвлять себя, то смерть побежит от нас, а ее ужас обратится в торжество нашей победы. Но если мы будем жалеть тело, если наша воля уклонится от самоотречения, то мы предоставим смерти благоприятные возможности действия. Чем больше мы жалеем себя и уклоняемся от боли, потерь, болезней и оскорблений, тем легче смерть будет прорываться во внутреннего человека, вводя по пятам за собой воображаемый ужас. Постепенно она парализует в нас всякое смелое действие, всякое неухищенное свидетельство или исповедание веры. Мало-помалу она выставит

нас с поля сражения побитыми и запуганными, и чем? — великим обманом, потому что смерть теперь бессильна преодолеть нас. Если сравнить смерть с ядом скорпиона или змеи, а грех — с их жалом, то Христос сломил жало и обезвредил яд. Он уничтожил смерть, сломив власть греха, и устранил раз и навсегда его воздействие на нового человека — Его воскресение есть свидетельство этого факта. Может ли обезжаленный скорпион или змея пугать человека, разве что он добровольно сделает из себя посмешище?

Даже и смерть плоти не устоит в конце концов, ибо Господь несомненно придет в обществе наших душ, облеченных в прославленные тела, полученные из рук Господа. Но в нас должна быть вера, что телесная смерть не может затормозить наш труд в Господе или смыть наши надежды в Нем, что она ни в коей мере не в состоянии уменьшить нашу любовь к Богу и человеку. Освобождение от плоти скорее даст новые возможности служения Богу и откроет новые глубины для любви к Богу и человеку. Смерть не уменьшит наше духовное состояние и не ограничит наше призвание служения Христу, и все, чего нам теперь недостает, восполнится, как только мы сбросим с себя нашу земную храмину и облечемся в небесную.

Блажен день, когда наши глаза и уши откроются вечности, когда мы волеемся в небесный хор и постигнем новую песнь — "песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца" (Отк. 15:3)! Там языки, не связанные более, будут петь песнь невыразимой красоты, потому что тогда мы будем духовно созерцать надмирную красоту Бога, которая наполнит наши сердца непрерывной радостью и славословием.

Час смерти.

Во-первых, мы имеем широкое определение сроков, следуя за ап. Павлом:

"Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение. Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня и то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться

во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере, дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножилась чрез меня, при моем вторичном к вам пришествии" (Фп. 1:21–26).

Отсюда можно заключить следующее:

1. Наша жизнь принадлежит не нам, а Христу.
2. Смерть в любой форме и в любое время есть приобретение постольку, поскольку мы живем во Христе и управляемся Им.
3. Христос может продлить жизнь человека во плоти, если она плодотворна; и хотя он готов отойти ко Христу, Господь удерживает его смертный час в течение многих лет, как то случилось с преп. Антонием Великим. Он молился о своем отшествии, но услышал голос от Господа: "Ты — как благая мать и нежная кормилица, и Я оставляю тебя добре воспитывать твоих чад" (Послание 19).
4. Праведнику дано выбирать между отшествием к Богу и продолжением жизни во плоти для служения чадам Божиим в случае крайней необходимости.
5. Ощущение отшествия ко Христу соединено с ощущением радости и твердым убеждением, что жизнь со Христом — выше всего.
6. Несмотря на такое чувство, человеку предоставлена возможность избрать страдания мира и своей плоти ради благополучия Христовых чад; и Господь этот выбор благословляет.
7. Человеку дано достоверно знать, что Господь благоволит к его желанию остаться в теле ради блага детей Божиих: "И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере".

То есть, суммируя все вышесказанное, час смерти для тех, кто живет с Христом, согласуется между ним и Богом и определяется полезностью его пребывания в мире. Час смерти очень тесно связан с духовной миссией человека. Праведник как бы не живет и не умирает для себя, для своего блага: "А живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем. И потому, живем ли, или умираем — всегда Господни" (Рим. 14:8).

Смерть человека сама по себе может явиться большим прославлением Бога, чем все его дела при жизни, потому что свидетельство

о Христе в смерти превосходит всякое иное свидетельство, как бы значительно и продолжительно оно ни было.* Во всей иерархии святых чин мученический является высшим после апостольского, и если Бог хочет почтить человека наиболее щедро, Он prepares его к мученичеству крови. В годину гонений и испытаний Бог многих призвал к мученичеству, как бы предлагая человеку добровольно определить время и образ своей смерти. И люди выходили на исповедание, вполне сознавая, когда и как им предстоит умереть: от огня ли, меча, диких зверей или разных орудий пыток. Таким образом, ужас смерти, ее страшный час и средства обратились в план, начертанный самим человеком; он мог сам выбирать и время и обстоятельства для его выполнения, празднично ликуя в предвкушении этого часа. Какую чудную победу над смертью Христос даровал человеку: знать ее час и даже радоваться о нем!

Во-вторых, смерть расценивается ап. Петром как временное явление:

· "Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро должен оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне. Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память" (2 Пет. 1:13–15).

1. Как и ап. Павел, ап. Петр подчеркивает здесь, что его жизнь во плоти принадлежит исключительно Господу, что важнейшим его делом, пока он во плоти, является проповедь Христовых заповедей, чтобы напечатлеть их в его духовных детях.

2. Апостол Петр приравнивает жизнь во плоти к жизни как бы в доме из камня или глины.

3. Как человек сбрасывает с себя одежду или оставляет дом из глины, так же сбрасывает он тело, в котором жительствова­вал на земле.

4. Смерть конкретно была возвещена Господом ап. Петру, как имеющая случиться вскоре, и это откровение только сильнее

* Такой нам представляется болезнь и кончина о. Александра Шмемана, с удивительной силой — большей, чем вся его блестящая жизнь и труды — засвидетельствовавшие о воскресении и непрерывности, неподатливости жизни в Боге никаким трагедиям, даже смерти (см. о нем Вестник № 141).

подчеркивает его миссию: "Справедливым же почитаю, доколе находясь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием".

5. Апостол Петр дает созидательную картину смерти и посмертия и заботится о благополучии своих чад после его отшествия: "Буду же стараться, чтобы и после моего отшествия всегда приводили это на память".

Мы видим здесь благородную и простую картину смерти — всего лишь счастливый исход из страны, на границах которой кончается его миссия учителя и проповедника, и потому он старается обеспечить продолжение своего дела. Для св. Петра смерть есть "сбрасывание с себя" или "выход", тогда как для ап. Павла она есть "отшествие" (на арабском языке это слово у моряков означает отчаливание): "время моего отшествия настало" (2 Тим. 4:6).

Определение продолжительности человеческой жизни.

В Ветхом Завете мы читаем, что патриархи Авраам, Исаак и Иаков умирали в старости доброй, насыщенные летами. Божье благоволение к человеку выражалось в даровании ему долголетия, а Его награда — во временных дарах. Пророк и царь Давид молился: "Боже мой! не восхить меня в половине дней моих" (Пс. 101:25). В другом месте мы читаем, что Бог услышал молитву человека и прибавил ему лет:

"В те дни заболел Езекия смертельно; и пришел к нему Исаия, сын Амосов, пророк, и сказал ему: так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего, ибо умрешь ты и не выздоровеешь. И отворотился Езекия лицом своим к стене, и молился Господу, говоря: О, Господи! вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным Тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих. И заплакал Езекия сильно. Исаия еще не вышел из города, как было к нему слово Господне: Возвратись, и скажи Езекии, владыке народа моего: так говорит Господь, Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот, Я исцелю тебя; в третий день пойдешь в дом Господень; и прибавлю к дням твоим пятнадцать лет" (4 Цар. 20:1–6).

Мы видим, что Господь послал пророка к Езекии объявить ему час смерти с тем намерением, чтобы царь имел время для

увещания своих сыновей ходить путями Божиими. Но внезапно решение меняется и Езекии дается возможность отсрочить время смерти. Он со слезами молил о прибавлении лет и был услышан. Здесь, в самом сердце Ветхого Завета, показаны щедроты милосердия Божия к человеку. Ибо хотя смерть уже была предопределена Его смирением, она выступает как явление, могущее подвергнуться изменению или отсрочке по ходатайству произволения, молитвы и слез человека. Смерть, таким образом, значительно теряет тут свою пугающую неотвратимость.

А в Новом Завете Христос раскрывает Свою власть над смертью и сроком человеческой жизни просто и в то же время с божественной силой: "Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик этот не умрет" (Ин. 21:22–23). Но Христова сила не останавливается на продлении жизни одного Иоанна; она скорее включает в себя всех, рожденных от Бога, верующих во имя Христа: "И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек" (Ин. 11:26).

В ветхозаветное время прибавление пятнадцати лет к жизни Езекии рассматривалось как чудотворный акт и великое благоволение, наполнившее его и всех благочестивых людей глубоким чувством благодарности. В новозаветное время Христос к сроку нашей жизни прибавил Свою жизнь и таким образом даровал всем нам бесчисленные годы вечности, так что жизнь человеческая сделалась безграничной и бесконечной. Наша жизнь во Христе начинается не со смертью тела, а с момента, когда мы становимся причастниками смерти Господней в крещении и запечатлеваемся Духом Святым в новом рождении.

В прошлом грех, как преступление, отделил человека от Бога. Преступление создает вражду, а вражда есть тьма. Грех низвергнул человека в состояние внешней тьмы, о которой говорил Господь, и вовлек его в отчаянный конфликт со смертью, нет, даже с жизнью! Но Христос устранил грех, заступив его место, и сделался посредником между нами и Отцом. И Его заступничество идет дальше умиловительного ходатайства, потому что Он прежде всего соединил нас — душу, тело и дух — с Собой в одно, сделав нас членами тела Своего, "от плоти Его и от костей Его" (Еф. 5:30). А так как

Христос един с Отцом, то и мы в Нем и чрез Него сделались едины с Отцом. Само это посредничество дало нам способность ходить с Богом во свете уже в этой жизни, ежедневно пренебрегая смертью, покуда Христос с нами. Христос постоянно изглаживает грех, нейтрализует его действие, как преступление, властью, которую Он стяжал, благоугодив Отцу жертвой Собой в качестве штрафа за все наши преступления — в прошлом, настоящем и будущем. Грех теперь потерял свою власть служить разделением между человеком и Богом, что действительно было смертью, а смерть была самым ужасным роком, который когда-либо постигал человека. Во Христе смерть способна положить срок только плотской жизни, но не жизни вообще, которая теперь чрез Иисуса Христа проходит в вечность. Человек автоматически переходит от настоящей жизни по плоти к вечной жизни по духу. Он ежедневно умирает миру, чтобы непрерывно жить с Богом. Горячая молитва, пылкая любовь и теплые слезы обратят часы и дни этого века в вечность; доброхотное служение и пожертвование сил ради любви к Богу и на благо христовой братии обратят преходящее, отвергаемое время в приемлемое время, и пустоту — в полноту.

Как же в таком случае можно говорить, что брат наш скончался, и начать оплакивать его смерть? Не пристойнее ли предложить заупокойную литургию об упокоении его души и возрадоваться, что любимый наш теперь куда счастливее, чем когда бы то ни было.

Вознесем же хвалу Господу, Чей дух воскресения излился на нас. И хотя наши тела в свое время предадутся погребению, наши живые души не увидят мрака и тления могилы, но, напротив, освободившись, вечно будут с Богом, победоносно ликующ в силе Христа по неложным Его обетованиям.

Январь 1973 г.

”МАЛЫЕ СЛОВА”

В богослужениях наших имеется целый ряд слов, довольно часто повторяющихся, самостоятельных, не входящих в состав предложения. Как и ко многому другому, ухо так привыкает к ним, что они ускользают от нашего духовного внимания, повторяются и воспринимаются автоматически. В то же время в богослужебных текстах нашей Церкви все наполнено смыслом, ничто не произносится ради звучания, все должно затрагивать наше внимание, касаться нашего рассудка, проникать в наше сердце.

Всякое слово должно быть наполнено смыслом, особенно если оно является выражением нашей духовной жизни. Иначе, часто повторяемое, оно может превратиться в грех многословия, о котором в Ветхом Завете, в Притчах Соломоновых сказано: ”при многословии не миновать греха”, а в Евангелии от Матфея: ”не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны”. Как всякий разговор, так и всякая молитва может легко превратиться в многословие, если не будет бережного отношения к каждому слову, ясного сознания, что слово только тогда и оправдано, когда оно наполнено смыслом.

В этих коротких заметках мы уделим особое внимание ”малым словам”, часто встречающимся в наших богослужениях. Вот они: ”премудрость”; ”премудрость, прости”; ”вонмем”; ”аллилуйя”; ”Господи помилуй”; ”мир всем”; ”и всех; и вся”; ”святая святым”; ”с миром изыдем” и, наконец, ”аминь”. В том или ином сочетании и контексте все эти ”малые слова” часто повторяются за нашими богослужениями и в наших молитвах, поэтому и рискуют проскользнуть нами незамеченными, не оставив следа в духовном нашем внимании.

Христианство призвано к крайне бережному отношению к слову. Недаром самое духоносное из всех четырех Евангелий, Евангелие от Иоанна, начинается великими строками откровения

о Боге: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Христос именуется СЛОВОМ Божиим, через Которое было сотворено все, существующее во вселенной. "Все через Него начало быть", говорится в тех же начальных строках Евангелия от Иоанна.

Поэтому и "малые слова" в наших богослужениях и молитвах существуют только для того, чтобы проникать в наше сердце, просвещать наш рассудок, открывать для нас тайну жизни в Боге. Именно в этом сознании в следующей нашей заметке мы приступим к проникновению в смысл этих "малых слов" и увидим, что в "малости" своей, в лаконичности, они наполнены глубоким и для христианина важным смыслом.

"ПРЕМУДРОСТЬ!" Часто слышим это слово повторяющимся за богослужениями в наших храмах. Прежде всего оно призвано напоминать нам и свидетельствовать перед нами и перед миром, что все в храме совершающееся зиждится на основах Божественной Премудрости. "Вся премудростию сотворил еси" — "все соделал Ты через премудрость" слышим за каждой всенощной в так называемом предначинательном — 103-ем — псалме Давида. В повседневной нашей жизни часто употребляем слова "ум", "разум", "рассудок", "интеллект", когда стараемся описать наглядную функцию человеческого мозга. И при этом часто изолируем эту мозговую функцию от полноты проявления человеческого духа. Живем в "рациональный" век, когда человеческий мозг достигает высоких пределов в науке, в технике, в мысли, в искусстве. Нередко эти достижения лишены творческого элемента и направлены на цели разрушительного характера.

То ли это, что подразумевается под церковным словом "премудрость"? Частично — то, потому что человеческий разум, просвещенный светом Христовым, может включиться в область глубины Премудрости Божественной, даже и в таком благодатном случае представляя собой только каплю в океане этой Премудрости. Здесь, по предсмертным словам великого ученого, можно сказать: "я знаю только то, что ничего не знаю".

Божественная Премудрость является основой всякого творческого начала в этом мире. Все, что в нее не входит, от нее не питается, ею не просвещается — сознательно или бессознательно —

отталкивается от подлинного знания, становится жертвой разрушительной силы. Так как в мире все поляризуется, Премудрости Божией может противостоять только абсолютная глупость. Дьявольская глупость, безумие. То безумие, о котором царь и пророк Давид сказал: "рече безумец в сердце своем: несть Бог". Сказал безумный в сердце своем: Бога нет!

Вот почему Церковь так часто повторяет слово "ПРЕМУДРОСТЬ". Прежде всего она напоминает нам, что подлинная премудрость присуща только Богу, что к этой Божественной Премудрости человек может приближаться только в меру своего духовного просвещения, которое обретается через Церковь и в Церкви. Что приближение к Премудрости Божественной обуславливается подлинным смирением, сознанием своей малости — умственной, духовной — перед величием Бога. И еще: Церковь этим утверждает, что в ней, как в Телѣ Христовом — едином, святом, соборном и апостольском — хранится и раздается единственная подлинная премудрость.

ПРЕМУДРОСТЬ, ПРОСТИ! Мы уже размышляли над словом "ПРЕМУДРОСТЬ", которое, в малости своей, содержит глубочайший смысл. К этому слову за богослужениями нередко прибавляется слово "ПРОСТИ". В основном своем смысле является оно призывом к молящимся и напоминанием о том, чтобы стояли прямо, в том физическом положении, которое способствует внимательности и свидетельствует о благоговении молящегося перед Тем, Кому Он молится — перед Богом. Иногда, может быть, нелегко и даже утомительно долго стоять прямо, но сама утомительность является нашей жертвой Богу за богослужением и при молитве, а потому и она, утомительность эта, освящена и благодатна. Но напоминание "ПРОСТИ!" не исчерпывается только внешним, физическим его содержанием. Несомненно, что это славянское слово происходит от "простой". Оно призывает нас и к внутренней "прямоте", простоте, собранности. Как поется в Херувимской песни за литургией: "всякое ныне житейское отложим попечение". Освободимся на время богослужения от всякого внешнего, житейского балласта, который часто с таким успехом рассеивает наше внимание, отвлекает наш ум от великого акта священнодействия. Это "житейское попечение", суетливость наша, рассеянность

должны быть оставлены за дверями храма, а в храме все должно быть направлено на одну цель: на прославление Господа и на погружение в полноту тайны нашего общения с Ним.

Простота вообще является одной из основных предпосылок духовной жизни. Недаром великий оптинский старец любил говорить: "Где просто, там ангелов со-сто". Так и здесь, в храме, где стоим лицом к лицу с неизреченной Премудростью Божией, раскрывающейся нам в богослужении, хорошо облечь сердце, мысль и даже плоть в ПРОСТОТУ, святую простоту, в которой больше не остается преград, перегородок между нами и Богом.

Вот поэтому даже и первоначальное значение слова "ПРОСТИ" — стойте прямо, стойте внимательно, смирно — значительно и важно. Призывает оно к известному духовно-физическому строю в нашем поведении в храме. Всякое богослужение есть наше движение, движение всей Церкви к Богу. В этом движении уподобляемся мы духовному воинству. "Иже херувимы тайно образующе", а херувимов и ангелов именует Церковь "небесным воинством". В воинстве же необходим порядок, строй, в котором в данном случае объединяется физическое наше естество с естеством духовным.

Поэтому, участвуя в богослужении, будем трезвиться, подтягиваться, приводить себя в то состояние физической собранности, которое открывает пути собранности и трезвости духовной. "Премудрость, прости!".

Время от времени за богослужениями нашими раздается слово "ВОНЕМ!" Это — повелительная форма глагола "внимать". По-русски мы сказали бы: "будем внимательны!" — "будем внимать!" Еще одно "малое слово", неоднократно повторяющееся в храме и легко ускользающее от нашего внимания. Не странно ли: призыв ко вниманию и тот ускользает от нашего внимания. Малое слово, но с большим и ответственным содержанием.

Внимательность — одно из важных качеств даже в повседневной нашей жизни. С детства приучают нас к внимательности — родители, учителя, руководители. А внимательность не всегда дается легко — ум наш склонен к рассеянности, к забывчивости — трудно заставить себя быть внимательным. Церковь сознает эту нашу слабость, поэтому то и дело говорит нам: "ВОНЕМ", будем внимать и будем внимательны.

Будем внимать, значит — будем собирать, напрягать, настраивать наш ум, нашу память на то, что слышим. Еще важнее: будем настраивать наше сердце, чтобы ничто не проходило мимо него из того, что совершается в храме. Внимать — значит слушать и слышать, смотреть и видеть. Внимать — значит уметь молчать, иначе ведь не услышишь голоса, говорящего тебе и с тобой. Внимать — значит разгружать себя и освобождать от воспоминаний, от суетящихся в уме мыслей, от забот, от "житейских попечений". Внимать — значит открыть свой ум, свою душу, свое сердце для тех лучей премудрости, которые льются на нас от Света Разума, от Солнца Правды, от Христа.

И — "быть внимательным". Ко всему, во что наслобовно погружает Церковь, но — и друг к другу, к ближнему, к его нуждам, чтобы действительно "единными усты и единым сердцем" славить Бога во Святой Троице. Сказал Христос: "где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди их". Но Он может быть "посреди их", посреди Своей Церкви только в том случае, если эти "двое или трое", если вся Церковь связаны Союзом Любви, основой которого является союз ВНИМАНИЯ.

Это слово "ВОНЕМ" хорошо помнить и духовно повторять на всех путях жизни. Глядя на красоту Божьего мира, Божьего творения, общаясь с людьми, занимаясь любым делом, которое ведь вручено нам Богом, хорошо говорить себе: "ВОНЕМ". Как много зла, обиды, раздражения, вражды, неправды начнет исчезать из нашей жизни, из наших отношений с людьми, если вынесем это церковное слово из стен храма и как фонарем, как факелом будем освещать им всякий наш шаг, всякое наше движение, всякую нашу встречу.

Совсем маленькое слово "АМИНЬ". Так часто повторяется оно за богослужениями, да и в личной нашей молитве. Обыкновенно этим словом заканчиваются молитвы или важные тексты религиозного содержания, и звучит оно, как печать, которой запечатывается, запечатлевается все имеющее особенную важность. Так оно и есть. Слово "аминь" древнееврейского происхождения, одно из коренных его значений "заслуживать доверия". Другие значения: "истинно так", "пусть будет так", "быть посему". В Ветхом Завете, в книге Второзакония, пророк Моисей заповедует народу

Израилеву устройство жертвенника и порядок приношения жертв, послушание Богу и подчинение Ему: "в день сей ты сделался народом Господа Бога твоего". В ответ на громогласные слова пророка, отвергающие всякое нечестие и неправду, народ многократно возглашает и говорит: "Аминь". А в последних строках последней книги Нового Завета, Апокалипсиса или Откровения Святого Иоанна Богослова, сказано: "Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь".

Так в Ветхом Завете слово "аминь" употреблялось, чтобы дать согласие заключенной клятве, тем самым принимая все ее последствия; чтобы свидетельствовать о согласии с добрым пожеланием или с молитвой славословия, в каковом случае "аминь" часто повторялось дважды: "аминь, аминь". В Новом Завете это слово применяется еще чаще. В христианской Церкви верующие, даже говорившие по-гречески, стали употреблять древнееврейское слово "аминь" в конце священником произносимых евхаристических молитв. Но и частные молитвы и славословия ранних христиан; как и христиан наших современных, заканчиваются этим же словом. Христос употреблял это слово в начале особенно важных свидетельств: "истинно, истинно говорю вам" — "аминь, аминь, глаголю вам". Этим Он дал слову "аминь" особое новое значение, неизвестное в ветхозаветной раввинской литературе, словом этим утверждая абсолютную правдивость и истинность того, что Он говорил, и укрепляя это весом Своего Божественного авторитета. Даже и Сам Христос в Новом Завете называется "Аминь", Верный. Как сказано в послании апостола Павла к Коринфянам: "все обетования Божии в Нем (во Христе) "да" и в Нем "Аминь" — в славу Божию, через нас".

Так, произнося слово "аминь", мы отдаем себя Богу, предаемся в Его волю. Как Он подписал Новый Свой Завет с человеком Своей на Кресте пролитой Кровью, так мы принимаем от Него этот Новый Завет, новый договор Бога с человеком и утверждаем нашу верность Ему и преданность огненным словом веры: аминь!

В псалмах Давида часто появляется хвалебное слово "АЛЛИЛУИЯ". Помимо псалмов его можно найти в Священном Писании лишь дважды. В книге Товита в Ветхом Завете, в пророческом

видении нового небесного Иерусалима, сказано: "на всех улицах его будет раздаваться: аллилуйя". И затем в Откровении Святого Иоанна Богослова, в последней книге Нового Завета, в видении нового, преображенного вечного мира, Богослов "услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуйя! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему". И продолжает раздаваться это аллилуйя из уст святых и праведников, поклоняющихся Престолу Вседержителя.

Слово АЛЛИЛУЙЯ, так часто появляющееся в песнопениях и молитвословиях нашей Церкви, древнееврейского происхождения. Последняя его буква "Я" представляет собой сокращенное "Яхве" или Иегова, ветхозаветное Имя Божие. Предшествующая часть слова значит "хвалите", таким образом все слово АЛЛИЛУЙЯ значит ХВАЛИТЕ БОГА, ХВАЛИТЕ ГОСПОДА. Христианская Церковь рано включила это хвалебное слово в свои литургические тексты. Оно стало выражением радости и торжества, гимном побеждающей веры. У нас оно входит во все богослужения, включая покаянные великопостные и заупокойные. Вся жизнь Церкви строится на незыблемой вере в Воскресение Христово, а поэтому и на чаянии общего воскресения из мертвых. Даже в отношении Церкви к смерти царит радость ожидания предстоящей встречи с Христом и вечной жизни в Царстве Божием.

За божественной литургией "аллилуйя" поется перед чтением Евангелия, им заканчивается перенесение Даров с жертвенника на Престол — Херувимская песнь. Поется оно после причастия и в конце литургии. Многократно слышим его за всенощным бдением. Таким образом, оно пронизывает наши богослужения и выражает собой, в краткой своей форме, то, чему все богослужения посвящены, — хвалу Богу.

Вот и еще одно "малое слово", которое тоже не всегда задерживает на себе наше внимание. Содержание же его настолько неисчерпаемо, что им будут хвалить Бога праведники тогда, когда будет Новое Небо и Новая Земля, в вечном Царствии Божием. Поэтому и здесь, в Церкви нашей, которую святой праведный отец Иоанн Кронштадтский называл "небом на земле", уместно этому единословному славословию золотой нитью пронизывать нашу человеческую хвалу Богу. Ибо нет у нас более совершенной

возможности утверждать божественное господство над миром и над человечеством, чем хвалить и прославлять Его, воспевать Ему хвалу — нашему Царю и Владыке.

"ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ". Как часто эти два слова звучат в наших храмах, да и в личных наших молитвах. В ектениях — молитвословиях, состоящих из ряда коротких прошений, каждое из которых сопровождается словами "Господи помилуй". За вечерними богослужениями и на чтении часов, когда "Господи помилуй" повторяется то три раза, то двенадцать, а то и сорок раз. Удивительно написанное русским композитором Львовским многократное "Господи помилуй" на Воздвижение Креста, так всеми нами любимое. И многое множество других служб, в которых "Господи помилуй" звучит многократно, настойчиво, покаянно...

Пусть не смущает нас частота повторения некоторых кратких молитвословий, в особенности молитвы "Господи помилуй". Задача этой многократности — пропитать ими наше сердце, наш ум, нашу душу. Целью повторения является сосредотачивание нашего внимания на молитвенной теме, которую Церковь считает особенно важной для нашего духовного роста. Многократность, как лейтмотив в музыке, пронизывает наше сознание, нашу память, остается с нами надолго, уходит с нами из храма в повседневную жизнь.

"Господи помилуй". Два слова. Но сколько в них глубокого содержания. Прежде всего, именуя Бога Господом, утверждаем Его владычество над миром, над людьми, и — главное — надо мной, над тем, кто произносит это слово. "Господь" значит господин, владыка. Потому мы и называемся "рабами" Божиими. В этом названии нет ничего обидного, как готовы подозревать некоторые борцы против Бога. Рабство само по себе явление отрицательное, так как оно лишает человека его первозданного дара — дара свободы. Так как этот дар дан человеку Богом, и только в Боге человек может обрести полноту свободы, то рабство Богу и есть это обретение своей совершенной свободы в Боге.

Рабство наше Богу далеко от совершенства. Каждый день, каждый час жизни нашей убегаем мы от этого блаженного рабства. Убегаем туда, где нет ни света, ни любви, ни радости, ни жизни, которые только и можно обрести в Боге. Убегаем от совершенной

радости в бездонное горе. Просыпаемся духовно, приходим в себя, начинаем понимать, что некуда бежать от Бога, разве что в смерть. Как сказал пророк Давид: "Куда пойду от духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?" Возвращаемся к Богу — кто из мгновенного ухода, кто из многолетнего отсутствия. И чтобы снова восстановить постоянно утрачиваемое свое сыновье Ему рабство, просим прощения: помилуй, помилуй.

Вот она — малая, короткая молитва, которою можно молиться везде и всегда: "Господи, помилуй". Хорошо ее ценить, хранить, возвращать. Эти словесные четки, которые связывают наши руки с десницей Господней.

Слово "мир" было формой приветствия у древних народов. Римляне говорили при встрече "пакс", а израильтяне и до сих пор приветствуют друг друга словом "шалом". Это приветствие употреблялось и во дни земной жизни Спасителя. Древнееврейское слово "шалом" многогранно по своему смыслу, и новозаветным переводчикам его пришлось испытать немало затруднений, пока они не остановились на греческом слове "ирины". Помимо своего прямого смысла это слово "шалом" содержит в себе ряд нюансов, например: "быть полноценным, здоровым, неповрежденным". Основное его значение динамично. Оно значит "жить хорошо" — в благополучии, достатке, здоровье и так далее. Все это понималось как в материальном, так и в духовном смысле, в порядке личном и общественном. В переносном смысле это слово "шалом" означало добрые отношения между разными людьми, семьями и народами, между мужем и женой, между человеком и Богом. Поэтому антонимом, противоположением этого слова не обязательно была "война", но скорее все, что могло нарушить или уничтожить индивидуальное благополучие или добрые общественные отношения. В этом широком смысле слово "мир", "шалом" обозначало особый дар, который Иегова, Бог даровал Израилю ради Своего с Ним завета, договора, потому что совсем особым образом это слово выражалось в священническом благословении.

Именно в этом смысле это слово-приветствие употреблялось Спасителем. Им Он приветствовал апостолов, как об этом повествуется в Евангелии от Иоанна: "в первый день недели (по воскресении Христа из мертвых) ... пришел Иисус, и стал посреди (учеников

Своих) и говорил им: мир вам!" Изатем: "Иисус сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас". И это не просто формальное приветствие, как часто случается в нашем человеческом обиходе: Христос совершенно реально облакает Своих учеников в мир, зная, что предстоит им пройти сквозь бездну вражды, преследований и через мученическую смерть.

Это тот мир, о котором в посланиях апостола Павла говорится, что он не от мира сего, что он — один из плодов Святого Духа. Что он, этот мир — от Христа, ибо "Он есть мир наш".

Вот почему за богослужениями нашей Церкви епископы и священники так часто и многократно благословляют народ Божий крестным знамением и словами: "мир всем!" Вот где вся глубина значения этих слов, смысл которых в том, чтобы нас напитать, наполнить тем миром, который никто не может отнять от нас — миром Христовым.

За божественной литургией, после пресуществления Святых Даров, Церковь просит Бога, чтобы Он "помянул", включил в Свою Божественную память о мире и человеке, "всех усопших о надежде воскресения для вечной жизни", "все пресвитерство" — священство, вселенную, Свою Святую Соборную и Апостольскую Церковь, всех, кто пребывает "в чистоте и честном жительстве", страну и власти, правящего епископа, и — как поет хор, заканчивая эту евхаристическую молитву поминовения, "и всех, и вся". И всех, и все.

Это "и всех, и вся" тоже можно причислить к тем "малым словам", которые слушаем, а не слышим — ускользают они от полноты нашего внимания. А они, особенно в контексте только что принесенной Церковью Бескровной Евхаристической Жертвы Тела и Крови Христовых, полны глубокого значения.

Принося евхаристическую нашу жертву Богу, Церковь устами священника, поднимающего ввысь Чашу с вином и Дискос с хлебом, говорит: "Твоя от Твоих Тебе приносяще — о всех и за вся". Бескровная Жертва приносится не за индивидуальное благополучие, будь оно даже благополучием духовным, а за весь мир, за всю вселенную, за все человечество. Бескровная Жертва в глубине своего смысла космична, ибо Святой Дух, сходя на наши дары Богу, превращает их в Святые Дары Бога нам, и в

этот акт реального чуда включается все Божие творение, весь мир, все человечество, все его поколения — бывшие, настоящие и будущие.

В этом — великая сила и благодать, дарованная Богом Церкви. Церковь — это активная, динамическая, действенная Божественная энергия, постоянно врывающаяся в этот мир, чтобы его преобразовать, освящать, облагораживать, обожествлять, готовить его к второму пришествию в мир Христа, к последнему и страшному суду, к общему воскресению из мертвых. Вот в чем наше членство в Церкви: в том, чтобы быть активными проводниками этой благодати, сотрудниками Божиими в Его жажде спасти мир и человека. Отсюда и название самого центрального богослужения нашей Церкви. "Литургия" по-гречески значит "общее дело". Именно таковым для каждого из нас должно быть дело спасения каждого человека. Все мы связаны "общей порукой добра" в этом мире, в котором, по словам Достоевского, всякий, перед всеми, во всем и за все виноват, то есть ответственен. Какое в этом обетование, какая, действительно, "круговая порука добра". Потому что если я за всех ответственен, то ведь и за меня ответственны ВСЕ. И больше не должна пугать меня мысль народной мудрости "один в поле не воин".

Вот почему "и всех, и вся", "и всех, и всё". Потому что силой и нашей молитвы, особенно молитвы евхаристической, "все" и "всё" включены в поток Божественной благодати, несущийся, стремящийся, текущий в вечное Божие Царство.

Перед причащением Святых Таин Тела и Крови Христовых, священник в алтаре, стоя у Престола, поднимает ввысь Святой Агнец, Хлеб бескровной Жертвы, ставший благодатью Святого Духа, Телом Христовым. При этом произносит он два слова: "Святая — святым". Звучат эти слова тайной, которая несомненно заключена в них, но никакая тайна не должна быть лишена внутреннего смысла, который тоже, несомненно, пронизывает эти слова. Эти два "малых слова".

Апостол Петр, в первом своем соборном послании, говорит юной еще христианской Церкви: "вы — род избранный, царственное священство, народ святой, ... народ Божий". Вот как апостол описывает членов ранней Церкви, а вместе с ними — и всех нас.

Несомненно, что среди этих ранних христиан были не только святые, но и грешники. Мало ли их среди нас, включая нас самих? А апостол называет всех их — и всех нас — избранным родом, царственным священством, народом святым, народом Божиим. Этим определяется норма отношения Бога и Церкви к человеку, к церковному народу. В таинстве крещения каждый человек получает абсолютный залог святости. Из купели крещения человек выходит святым: благодатью Святого Духа с души его смыт всякий грех, всякая неправда, всякая нечистота. Святость его запечатлевается миропомазанием. Так человеку, только что крещенному, дается совершенный потенциал святости, который Церковь продолжает признавать за ним в течение всей его жизни.

Ответственность за сохранение этого дара, этого потенциала святости лежит уже не на Церкви, а на человеческой совести, на отношении человека к дару свободной воли, вольного выбора между добром и злом. Святость теряется, растрачивается на путях и перепутьях жизни, но и восстанавливается, обновляется в таинствах исповеди и причастия. А Церковь остается верна своей исконной оценке: продолжает она видеть в нас "избранный род, царское священство, народ святой, народ Божий". И не только священство, но и всех своих членов облакает великим даром священнодействия. По православному учению, великое таинство евхаристии совершается не только священником, но всей Церковью, всем "царским священством", всем "народом Божиим".

Поэтому, подымая ввысь Святой Агнец, Тело Христово, являя Его всей Церкви, священник говорит: "Святая — святым". "Святая" — это то, что в этот момент держит он в своих руках — Святые Дары. "Святым" — значит, что Святые Дары предназначены для всех нас, для всех членов Церкви, в глазах которой все мы — святые, все мы — народ святой, народ Божий. А мы, в полном и смиренном сознании своей греховности и недостойности, отвечаем: "Един Свят, Един Господь — Иисус Христос".

В конце божественной литургии, после причастия и благодарения за Святые Дары, священник поворачивается лицом к народу и, выходя из алтаря, говорит: "С миром изыдем". Надо

думать, что в ранней Церкви этими словами отмечался конец богослужения и все молящиеся приглашались расходиться по домам "с миром".

Слово "мир" так часто появляется в молитвах Церкви. Церковь — великая поборница мира. Мир возвестили ей ангелы в рождественскую ночь, певшие : "Слава в вышних Богу, и на земле мир". О мире ей многократно говорил Христос: "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает, Я даю вам". К миру призывает Церковь, начиная божественную литургию и другие богослужения великой или мирной ектеньей: "Миром Господу помолимся". Лев Николаевич Толстой в романе "Война и мир" неправильно толкует эти слова, понимая под ними мир как человеческую общину. Значат они, на самом деле, — помолимся Господу в мире, в мирном духе. "О свышнем мире" — о том мире, который дает не мир, не мирные переговоры и договоры, а который Он — Христос дает нам. Но и "о мире всего мира", потому что ничто так не затемняет радость церковную, как бушующая в этом мире вражда.

Но это не тот мир, который можно просто противополжить войне. Политики, так щедро употребляющие слово "мир", а часто и злоупотребляющие им, не всегда сознают, что самыми мирными местами на нашей планете являются кладбища, а не столы конференций, за которыми слово "мир" склоняется во всех падежах. Мир, о котором говорит Церковь, которым она напутствует уходящих в мир от литургии своих членов, иной. Его никто не может отнять, он может наполнять сердце и душу в условиях фронта, войны, восстаний, бед, катастроф. Это мир внутреннего состояния. Совсем не индивидуальный, не персональный. А тот, о котором преподобный Серафим Саровский сказал: "стяжи в себе мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся". Значит мир, который не может сосредотачиваться, заключаться только во мне, но через меня непременно распространится, растечется по "тысячам" других сердец, как об этом свидетельствует преподобный Серафим.

Вот к какому миру призывает священник молящихся, напутствуя их на житейскую повседневность, к которой они уходят из храма. В ранней Церкви существовала несомненная

духовная "ненасытность". Не хотелось так быстро покидать Церковь, уходить с этого "неба на земле". Поэтому на священнические: "с миром изыдем" отвечает народ: "О имени Господни" — с именем Божиим, во имя Божие. И священник удовлетворял это желание, заканчивая своеобразный диалог свой с народом словами: "Господу помолимся", и читал последнюю, "заамвонную" молитву о Церкви, о людях, о мире...

ПИСЬМА С.Н. БУЛГАКОВА К М.К. МОРОЗОВОЙ*

Публикуемые ниже письма освещают деятельность религиозно-философского издательства "Путь", основанного в 1910 г. видными деятелями московского религиозно-философского общества на средства Маргариты Кирилловны Морозовой (1873–1958). М.К. Морозова, урожденная Мамонтова, была вдовой рано умершего промышленника-миллионера Михаила Абрамовича Морозова (1870–1903), по образованию историка, страстного коллекционера современной живописи. Маргарита Кирилловна была пианисткой, ученицей А. Скрябина, после смерти мужа занимала видное положение среди московской интеллигенции, субсидировала ряд периодических изданий: журнал кн. Е.Н. Трубецкого "Московский еженедельник"; издательство и журнал "Мусaget" А. Белого, издательство "Путь". В своих поздних воспоминаниях "Начало века" А. Белый оставил несколько уничижительный портрет М.К. Морозовой, которая, по его мнению, "будучи совершенно беспомощной, не умела разобраться ни в одном из идейных течений", "...она приглашала не соединимые, вне ее даже не встречавшиеся элементы". Эти "Морозовские собрания" П.А. Бурьшкін считает, напротив, "крупным московским достижением; в развитии философской и отчасти религиозной мысли в Москве они сыграли весьма значительную роль". (*Москва купеческая*, Нью-Йорк, 1951, стр. 293).

Издательство "Путь" было создано в противовес как рационалистическому идеализму неокантианцев, так и эзотерической метафизике символизма (что, может быть, и объясняет суровый отзыв Белого) и знаменовало собой поворот в сторону положительного христианского мирозерцания. М.К. Морозова возглавляла издательство "при ближайшем участии" Н.А. Бердяева (до 1913 г.), С.Н. Булгакова, Г.А. Рачинского, кн. Е.Н. Трубецкого и В.Ф. Эрн.

* Публикация и примечания Н.А. Струве.

Из печатаемых ниже писем выясняется, что главным двигателем издательства был С.Н. Булгаков. Издававшиеся книги распределялись по четырем отделам: оригинальные произведения; монографии о русских мыслителях (их вышло три: о А.Хомякове Н.Бердяева, о Г.Сковороде Вл.Эрна, о А.Козлове С.Аскольдова); сборники статей (вышло только два: о Вл.Соловьеве и о религии Льва Толстого); переводы.

Война притормозила деятельность издательства, а революция положила ему конец. Эрна и Трубецкой в эти годы умерли, Бердяев и Булгаков были высланы на Запад, и только старейший из пяти сотрудников, Г.А.Рачинский, остался в России, где и умер 86 лет накануне Второй мировой войны. Всех пережила издательница М.К. Морозова, скончавшаяся в Москве в 1958 г.

По своему направлению издательство "Путь" следует считать прямым предшественником созданного в 1924 г. в Берлине религиозно-философского издательства YMCA-Press.

I

31 марта 1911

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Одновременно с этим письмом Вы получите и письмо от кн. Евг. Ник.¹ и измененный им текст. Как я и опасался, выработать общее *pronunciamento* нам не удалось, причем здесь сказались неудобства нашей разноместности: если бы мы все были вместе, нащупать различие оттенков можно было бы уже в стадии предварительного обсуждения. Обсудив положение, мы, т.е. В.Ф.,² Н.А.³ и я,⁴ единогласно постановили, конечно, при условии, если Вы, а также и Гр. Ал.⁵ к нам присоединитесь, принять текст Евг. Ник., с тем лишь изменением, что нам кажется предпочтительнее совсем исключить место о сборнике, посвященном православию, ибо из теперешнего текста необходимость этого напоминания не вытекает, а без этой необходимости раньше времени об этом не следует говорить. Кроме того, мы предполагаем изменить заголо-

вок: вместо "От изд-ва "Путь" просто поставить: Предисловие, или даже совсем ничего не ставить. Будем ждать Вашего отзыва по этим вопросам, а пока на всякий случай попросим С. М[ихайлов]ну⁶ отдать в набор полученный текст. Гр. Ал-чу он будет показан по его приезду сюда, который состоится, по его письму ко мне, 2-го апреля. Евг. Ник-чу я напишу об этом тоже, вероятно, сегодня же. По сведениям С. М-ны нам, очевидно, так и не удастся выпустить Соловьевский сборник до Пасхи, но на всякий случай лучше, если Вы известите Путь о своем согласии или несогласии телеграммой, причем, в последнем случае, мы совершенно готовы идти на то, чтобы сборник вышел с одним формальным предисловием.⁷

С Л. М. Лопатиным⁸ я, вместе с Н. А., имел разговор в Пути, причем мы просмотрели весь его сборник, и он указал места, необходимо требующие перепечатки. Так как подклейка страниц слишком изуродует книгу, то мы склоняемся к перепечатке отдельных текстов (числом до 6) с тем, чтобы ликвидировать эту историю. Разговор наш происходил вполне миролюбиво. Здоровье В. Ф., по отзыву доктора, которому он показался только теперь, оч[ень] неважно. К счастью, он получил командировку и уезжает за границу. Я думаю, что и приключение с Лопатинской книгой, помимо его корректорской неопытности, имеет причиной болезнь. Не могу без боли сердца об этом думать. Сус. Мих. радеет делу издательства как всегда и образует теперь деловой центр. Я провел себе телефон и имею возможность сноситься с нею по всем делам не только лично, но и по телефону. До свидания! Поздравляю Вас с наступающим праздником и крепко жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков

II

Крым, ст. Коренз.
23. VI. 11

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Вы, конечно, уже прочли "письмо в редакцию" *Рус. Вед.*¹ от 21 июня некоего Павла Попова (очевидно, псевдоним), касающееся

библиографии в Соловьевском сборнике и заключающее в себе тонко рассчитанный и попадающий в цель удар по *Пути*. Единственный способ, которым *Русские Ведомости* считают нужным знакомить своих читателей с *Путем*, это выходки Козловского, бравада новоявленного "Философа" (в том же номере, — ведь не может быть это Яковенко?²) и это открытое письмо. Так или иначе, но я испытал, читая его, наибольшую боль за *Путь*, чем от всех до сих пор случавшихся злоключений, и не могу объяснить эту вообще говоря непростительную ошибку Эрна только его болезнью, в которой он составлял свою библиографию, но и при этом остается непонятным, как это произошло. За библиографию я и вообще не был спокоен, п.ч. мне уже указывали на ошибки в ней, но менее одиозного характера. Как мне ни жаль волновать Вл. Фр., я не считал возможным скрыть от него этого письма (ведь он может узнать его и помимо) и немедленно послал ему вырезку и спрашиваю, можно ли как-нибудь здесь ответить или нет, прося сообщить мне о своих предположениях и не предпринимать самостоятельных шагов. Боюсь, что ответить здесь нечего и останется лишь расписаться в получении. В первый раз я порадовался, что не осуществилось наше торжественное *pronunciamento* к этому сборнику, и я тоже стал думать, что лучше нам держаться поскромней и по одежке протягивать ножки. Главное наше несчастье, конечно, столько же личное, сколько историческое, что у нас так мало реальных рабочих сил, и, при необходимости расширять издательство, дефекты торопливости и небрежности будут неизбежны, как это показал уже опыт. Надо учиться у этого опыта. Но из этого, конечно, не следует, чтобы можно было раскисать и ослаблять энергию. Будем делать то, что мы можем, и больше с нас не спросится.

Я живу здесь спокойно. Занимаюсь понемногу, хотя работа идет медленнее, чем бы я того желал. Виделся уже с о. С. Щукиным,³ который отказывался написать о Толстом,⁴ — мало это его занимает, вообще же, конечно, может быть нам полезен. О сборнике его статей я с ним пока не говорил. Заботит меня толстовский сборник, — мало будет в нем статей и, конечно, запоздает выходом. Ввиду такого положения я начинаю задумываться, не пригласить ли нам в этот сборник еще В.В. Розанова?⁵ Конечно, по многим

мотивам это нежелательно, но он даст интересную статью, возможно для нас и подходящую. Конечно, с обращением к нему можно не торопиться, пока не выяснится, что мы уже имеем. Каково Ваше мнение на этот счет? Крепко жму Вам руку. Всего доброго.

Ваш С. Булгаков

III

Кореиз.
3 августа 11

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Я получил Ваше письмо, которое произвело на меня очень бодрящее и радостное впечатление. В конце концов, жизненные толчки заставляют больше узнавать и себя, и других, и этим отчасти выкупаются. Я послал Вам еще одно письмо, очевидно, до Вас так и не дошедшее, судя по тому, что я не имел на него ответа, — относительно приглашения Аскольдова¹ в Толстовский сборник, на каковую мысль навел меня недавно видевшийся с ним Волжский.² Ввиду позднего времени я на свой страх пригласил его, — у нас статей мало, а он человек во всяком случае близкого направления и у нас уже числится как биограф Козлова. Сделал же это я в заботах о Толст. сборнике, статей для которого мало (впрочем, за последнее время я опять вынудил обещание у Зеньковского,³ а Эрн вынуждает у Ельчан.⁴). На Розанове я не настаиваю, п.ч. мне и самому была сомнительна эта комбинация. Надо было бы ее во всяком случае долго обсуждать прежде чем принять. Но срок выхода сборника, очевидно, придется отодвинуть на конец ноября, п.ч. к сентябрю не будет готова ни одна статья, кроме ранее написанной Евг. Ник-ча. И отодвинув срок мы, б.м., и получили статьи от всех приглашенных. Инцидент с библиографией сейчас может считаться законченным. В.Ф. прислал и мне копию своего предполагаемого ответа, который я тоже признаю невозможным и, кроме того, неосуществимым по внешним условиям.

Я ему уже написал об этом как Ваше, так и свое мнение, и на днях получил от него письмо, в котором он, оставаясь внутренне на своем, устраняет свой ответ и соглашается на предложенное мною лаконическое оповещение о вкравшейся ошибке, которое м.б. напечатано на особой полоске и вклеено в сборник. Разумеется, этот вопрос мы еще обсудим осенью. По рассказу В.Ф-ча, он даже и не так виноват, как кажется. Но подробнее поговорим об этом при свидании. К огорчению, все у нас затягивается. Флоренский⁵ задерживает Зейделя,⁶ по-видимому Бердяев тоже задерживает,⁷ в начале сезона, кажется, ничего не будет готово!

С о.С.Шукиным я видался не раз и как-то очень к нему прильнул сердцем. Я еще не успел поговорить с ним как следует об его сборнике; на первое мое приглашение он ответил смущением и отказом, но это в его стиле, и мы еще поговорим. Мне очень хочется его так или иначе приблизить к Пути. В Москву я приеду либо 30 августа, либо 6 сентября, не позже. Нарботал я мало, и собою недоволен, хоть и старался времени не терять.

То, что Вы пишете о кризисе *Мусагета*,⁸ меня очень поразило, а роль здесь Б.Н-ча, как я ее понимаю, и прямо за него огорчился. Тут сказывается не только — увы! — русская несостоятельность в выполнении принятых обязательств всякого рода, но и более глубокое заблуждение: ведь *Мусагет* стал именно тем, чем он только и мог быть по духу руководителей. Я думаю, что мы не разнимся в личном отношении к Б.Н-чу, но я совершенно разделяю Ваш скепсис к устойчивости его "Путейских" настроений при его впечатлительности, пример которой мы видели в последний приезд Мережковских, хотя я очень был бы рад этому его курсу.

Надеюсь, что Вы будете наезжать в Москву и мы увидимся в начале осени, и поэтому откладываю дальнейшее до личного свидания. Жму Вам руку и желаю мира душевного.

Ваш С. Булгаков

IV

Кореиз.
6 июня 1912

Дорогая Маргарита Кирилловна!

Летнее затишье, слава Богу, захватило и нас, я, по крайней мере, вполне наслаждаюсь этим затишьем, благодаря которому, в соединении с прекрасной, т.е. прохладной погодой и крымским воздухом, я чувствую себя совершенно оправившимся телом и отдохнувшим душою. К этому присоединяется и отсутствие интенсивной работы, п.ч. хотя и не бездельничая, но ничего не пишу, а только подчитываю и почитываю. Для меня с несомненностью выяснилось уже теперь, что для статьи в философский сборник¹ я за лето не напишу ни строки, — все лето, которого половина уже прошла, уйдет на подготовительную работу, а затем начнется "сезон", и до рождественских каникул писать тоже будет трудно. И это затрудняет для меня психологически поторапливание других, которые спрашивают о сроке (оч. сомневаюсь я и в том, что Евг.Н. напишет в срок свою статью). Отсюда следует, что раньше 2-го полугодия философского сборника нам не изготовить, а стоит ли выпускать во 2-м полугодии?¹ Над этим надо подумать. Этот сборник серьезнее, труднее и ответственнее предыдущих, и уже по тому одному торопиться с ним не приходится, хотя для изд-ва это и неблагоприятно. Однако я предпочитаю теперь же отдавать себе отчет в положении дела. В самом благоприятном случае я смогу написать статью только осенью. С.А.Цветков² "Русские ночи" приготовил, но работа для него оказалась тягостнее, чем можно было думать (не позволили приводить переписчицу, не мог достать экз. *Р.Н.* и под.). Этот опыт наводит его на печальные размышления относ. возможности дальнейшей работы при условии существования его, и потому он предполагает искать заработка, чтобы литературе отдавать лишь досуги. Об этом мы будем еще говорить осенью, но хорошо было бы, если бы удалось оказать ему помощь в отыскании хорошего урока, который бы оставлял побольше досуга. — План брошюр переворачиваю в голове, но

пока малоуспешно: нет людей! Как в пустыне! Однако кое-что все-таки наметил и буду еще намечать, гл. обр., из оригинальных, о переводах не думал, ибо здесь важно выработать общий план. Пишет ли Андрей Белый? О Н. А-че нет известий.* Что происходит в *Mysagete*? Передала ли Вам С. М-на мою просьбу одолжить рукопись Шмидт³ по прочтении Вами для о. Флоренского? Пожалуйста, если можно. Я думал и думаю и о судьбе этих рукописей, мы будем об этом еще говорить. Когда Вы будете в Москве и когда Гр. Ал.? Здоров ли он?

Желаю Вам отдыха на лето и восстановления сил для работы будущего года. Крепко жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков

Р. S. Получил письмо от Эрна, он благодушен.

* Только что получил от него, — у него умерла мать. Какую несимпатичную статью о Когене⁴ написал Яковенко, он, действительно, для нас [неразб.]

V

Станция Кореиз, Ялт. у.
23 июня

Дорогая Маргарита Кирилловна!

Как поживаете и все ли у Вас благополучно? Я живу хорошо, если не считать мелких неприятностей (конечно, из области болезней), наслаждаюсь крымской природой, а, вместе с тем, все свободное время отдаю своей работе (впрочем, пока не писанию, а только обдумыванию). Наслаждаюсь столь редкой для меня возможностью спокойно и не отвлекаясь отдаваться своей работе. Внешним образом живу в полном уединении и даже почти без переписки.

Сусанна Мих. (которая, очевидно, и в этом году не хочет покинуть своего поста и отдохнуть) переслала мне два письма,

касающиеся перевода Эриугены¹ (приходится и мне в транскрипции своей не отставать от века!). Эти письма, вероятно, уже у Вас в руках. Оба они произвели на меня благоприятное впечатление, особенно потому, что приятно иметь переводчика для Эриугены, и притом на определенный срок. Что касается проекта Шулькарского относит. примечаний и параллелей, то я этот проект нахожу непрактичным по невыполнимости: здесь не на чем остановиться, нельзя же сюда вкатить всю патристическую, да кстати и античную литературу, а выбор отдельных параллелей всегда вызовет *справедливый* упрек в произвольности, да, кроме того, надо положиться на опытность и вкус Ш., кои нам неизвестны. Наконец, русская литература имеет отличное исследование об Эриугене в сочинении А. Бриллиантова. Не думаю также, чтобы желательно было *теперь же* поручать составление вступительного очерка Ш-му, лучше оставить вопрос открытым (мой очерк, если и будет составлен, будет преследовать не историко-литературные, но религиозные цели). Мысль о составлении предметного указателя в виде подробного оглавления (которому будут соответствовать и заголовки наверху каждой страницы) превосходна. Вообще по письму Ш-ий производит на меня впечатление занимающегося эпохой и знакомого с литературой, хотя и несколько неопита. Хорошо было бы, если бы можно было, иметь *пробу* перевода, хотя из того материала, который уже имеется в портфеле Ш-го (он упоминает в письме о переведенных для себя страницах). Но только как бы его не обидеть, — во всяком случае об этом надо списываться с С.Ф. Кечектяном. Необходимо довести до сведения Ш-го также, что перевод будет хотя и не редактироваться, но редакционно прочитываться мною, а потому мне надо знать и предполагаемую терминологию наперед. Впрочем, это известно, кажется, С.Ф-чу. — Таково мое впечатление от писем, однако это пока не более как впечатление, и я на нем не настаиваю. Но, помимо всего прочего, эта публикация соответствует и нашей тенденции стягивать около *Пути* молодые силы? Очевидно, от Б.П. Вышеславцева² относит. Николая Кузанского³ ответа не было? Всего Вам доброго. Состоялась ли Ваша поездка по Волге? Е. И.⁴ шлет Вам поклон. Жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

1. Кн. Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), философ, публицист. С 1906 г. по 1910 г. издавал "Московский еженедельник" при финансовой поддержке М.К. Морозовой. Под маркой "Путь" опубликовал большое двухтомное сочинение *Мирозозерцание Вл. С. Соловьева*, т. I, XII + 631 стр., без даты, т. II, 4–416, Москва, 1913 (издание автора).
2. Владимир Францевич Эрн (1882–1917), философ, публицист. В издательстве "Путь" опубликовал монографию *Г.С. Сковорода, 1722–1794* и сборник статей *Борьба за Логос*, участвовал также в сборниках о Соловьеве и Толстом.
3. Николай Александрович Бердяев (1874–1948), философ, публицист, опубликовал в издательстве "Путь" монографию *А.С. Хомяков*, 251 стр., 1912 г., и книгу *Философия свободы*.
4. Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), экономист, затем философ и богослов, в 1918 г. стал священником. 1-й 1923 выслан на Запад. Как выясняется из этих писем, был главным двигателем издательства "Путь", где напечатал *Очерки по истории экономических учений* – Вып. 1, *Философию хозяйства*, *Мир как хозяйство* и двухтомный сборник статей *Два Града*. Участвовал в сборниках о Соловьеве и о Толстом.
5. Григорий Александрович Рачинский (1853–1939), философ, историк литературы, переводчик, автор книги *Трагедия Ницше* (1900), был женат на Татьяне Анатольевне Мамонтовой, двоюродной сестре М.К. Морозовой. Г. Рачинский был двоюродным братом С.А. и В.А. Рачинских, племянников Е.А. Баратынского.
6. Сусанна Михайловна, фамилию установить не удалось.
7. Речь здесь идет о книге *Сборник первый. О Владимире Соловьеве* – с которого началось издательство "Путь". 12 декабря 1910 г. С.Н. Булгаков писал по этому поводу А.С. Глинке-Волжскому: "В издательстве постановлено издать сборник статей, посвященных В. Соловьеву, в память 10-летия. Сборник будет небольшой и недорогой и будет состоять, с одной стороны, из философских характеристик, с другой – из характеристик личности, и, наконец, на тему вообще: "Соловьев и мы". Сотрудники Евг. Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Эрн, Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок (говорят, он очень религиозно теперь настроен) и Вы". Сотрудничество А. Белого и А.С. Глинки-Волжского не состоялось.
18 декабря В.Ф. Эрн писал Вячеславу Иванову: "Предполагается, что он [сборник] выйдет в конце февраля. Т.е., другими словами, нужно было бы приготовить рукописи к началу февраля. Но т.к. редактором

сборника (по официальным, по деловым) будет Рачинский, он еще должен будет Вам написать". Цит. по Александр Блок. *Новые материалы и исследования. Книга третья*. Москва, 1982, стр. 374–175.

8. Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), близкий друг и единомышленник В.С. Соловьева, философ, председатель московского психологического общества. Опубликовал в издательстве "Путь" большой сборник статей под заглавием *Философские характеристики и речи*.

Письмо 2.

1. *Русские Ведомости*: либеральная газета, основанная в 1863 г. И.Ф. Павловым (ежедневная с 1868). В 80-х годах стала в основном народнической, а с 1905 перешла в руки кадетов. Закрыта в 1918 г.
2. Яковенко Борис Валентинович (1884–1948), философ неокантианец, с 1922 жил в Берлине, где издал остро критические *Очерки по истории русской философии*.
3. Свящ. Сергей Щукин (1873–1931), род. в Великом Устюге в семье священника, окончил Петербургскую Духовную Академию, до революции был священником и законоучителем в Ялте, дружил с А.П. Чеховым и его семьей; в 1917 был избран от Таврической епархии делегатом на Всероссийский Поместный Собор, в начале 20-х годов неоднократно арестовывался и только чудом избежал расстрела. В издательстве "Путь" вышел его небольшой сборник статей *Около Церкви*, 1913, 164 стр. См. о нем воспоминания матери Евдокии (Мещеряковой) в "Вестнике", № 122, III-1979, стр. 185–194. Там же перепечатана одна глава из его книги.
4. Сборник "О религии Л. Толстого" вышел в 1912, со статьями С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, кн. Е. Трубецкого, В.Н. Экземплярского, А. Белого, Н.А. Бердяева, А.С. Волжского и Вл.Ф. Эрн. Переиздан в 1978 издательством YMCA-Press.
5. Василий Васильевич Розанов (1856–1919), писатель, публицист, религиозный мыслитель. Не раз нападал на христианство с ветхозаветных позиций. Приглашение его в сборник о Толстом не состоялось.

Письмо 3.

1. Аскольдов Сергей Алексеевич (1871–1945), философ, сын философа А. Козлова, о котором написал монографию для "Пути". В сборнике о Толстом участия не принял. С 1944 в эмиграции.
2. Глинка-Волжский Александр Сергеевич (точные даты установить не удалось), религиозный публицист и мыслитель, автор брошюр о Достоевском и о Гаршине, жил и преподавал в Самаре, близкий друг

- С. Булгакова и С. Аскольдова. В сборник о Толстом дал статью под заглавием *Около чуда*.
3. Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), мыслитель, историк философии. В сборник о Толстом дал статью под заглавием *Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого*. Готовил для "Пути" монографию о Гоголе, которая, в переработанном виде, вышла в издательстве YMCA-Press в 1958 г.
 4. Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934), педагог, секретарь московского религиозно-философского общества, близкий друг В. Ф. Эрн, с 1921 в эмиграции, с 1926 – священник. Для "Пути" готовил монографию о М. М. Сперанском, которую так и не закончил. Сотрудничество его в сборнике о Толстом не состоялось. См. об Ельчанинове нашу публикацию неизданных записей и писем в № 142 "Вестника РХД".
 5. Свящ. Павел Александрович Флоренский (1882–1943?), философ, богослов, ученый. Его магистерская диссертация *Столы и утверждение истины* вышла в издательстве "Путь" в 1914 г. О. П. Флоренский готовил для того же издательства монографию о своем учителе, Серапионе Машкине (в свет тогда не вышла и не издана до сих пор).
 6. Книга немецкого ученого Зейпеля *Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви* вышла в 1912 с предисловием С. Н. Булгакова.
 7. Какую именно книгу Бердяев задерживал, установить не удалось. Примечательно, что имя Бердяева, как ближайшего сотрудника издательства, выпало в 1913 г., очевидно вследствие каких-то разногласий. "Я боролся со многими течениями", – пишет Бердяев в *Самопознании*, но об издательстве "Путь" не упоминает.
 8. *Мусагет*: новое издательство, организованное осенью 1909 тремя редакторами: Э. К. Метнером, А. Белым и Эллисом, частично на средства М. К. Морозовой. Вскоре оно распалось на три самостоятельные отдела: "Мусагет" ставил себе литературные задачи, "Логос" – философские, "Орфей" – мистические. Кризис в *Мусагете* связан, вероятно, с трудностями, возникшими между А. Белым и Э. Метнером из-за власти последнего: "...через год, – пишет Белый, – зажил я единственной мыслью бежать из Москвы". См.: К. В. Мочульский. *Андрей Белый*, YMCA-Press, 1955, стр. 139–140.

Письмо 4.

1. Сборник *О современной философии*, объявлявшийся неоднократно к выходу, так и не осуществился.
2. Цветков Сергей Александрович подготовил для "Пути" переиздание *Русских ночей* В. Ф. Одоевского (1913).
3. Шмидт Анна Николаевна, домашняя учительница в Нижнем Новгороде, мистик, вступила в переписку с В. С. Соловьевым, видя в нем

воплощение Христа, а себя превращая в самое Софию. Рукописи ее были изданы С.Н. Булгаковым и свящ. П. Флоренским.

4. Коген Герман, немецкий философ-неокантианец, глава Марбургской школы.

Письмо 5.

1. Эриуген Иоанн Скотт (ок. 810–877), философ-богослов ирландского происхождения, живший во Франции, продолжатель традиции Псевдо-Дионисия.
2. Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954), философ, его перевод сочинений Николая Кузанского не появился. В эмиграции возглавлял вместе с Н.А. Бердяевым издательство УМСА-Press (1925–1940).
3. Николай Кузанский, кардинал (1401–1464), религиозный философ, выдвинувший понятие "соединения противоположностей".
4. Елена Ивановна, жена С.Н. Булгакова (1871–1945).

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

* * *

Повилики прахообразной
крепкие стебли-лески
полузатопленный вербник красный
душат во всем подлеске.
И на холмах — от костров апрельских
дымные плешки в пепле.
Некогда — в сторону коктебельских
переносясь, ослепли
и отсыпались в вагонной тряске
после благословенья,
данного солнцем в железной маске
собственного затмения.

Гонит над гравием пламя дрока
праведный ветер к цели.
Наша душа — не душа до срока,
разве погудка в теле,
передвигающемся, лежащем,
из дому ждущем вести,
неукоснительно подлежащем
спорой наглядной мести
аспидов нерукотворной масти
прыгающих

с карниза
и обрывающих вожжи-снасти
галльского Парадиза.

март 85 г.

В СТОРОНУ СВАНА

1

В парижских мансардах, сползающих с крыш,
прилежно зубрит молодежь,
что ежели крыльями машешь — летишь,
а жабрами дышишь — плывешь
и кличешь по имени каждую ветвь,
шипам разящую грудь
в саду при соборе, похожем на верфь,
в иной оснатившую путь.

Смиранный ревнивец, ворвавшийся в дом,
в котором мы тоже свои,
не просто спешит настоять на своем,
но требует большего. И
— и падает с вымытой гривы тюрбан
на грудь персидских платков.
В обугленной шкурке насыщенный каштан —
вот сердце таких бедняков.

У белых медведей, считай, пацаном
в каком-нибудь зном году,
листая горячими пальцами том,
узнал я про эту беду
и стриженным дроком заросший погост.
Теперь поопасливей мы
и взглядчивей в серые волны взмахлест
и пенную холку с кормы.

17 марта

По сетке скатился сгоревший каштан
к остывшему обручу в рже.
Над лобиком гордо взнесенный тюрбан
в колпак превратился уже,
и блуза скользнула с плечей впопыхах
ню, перехватившей древко,
когда знаменосец в мятежных рядах
качнулся, вдохнув глубоко.

Мешки баррикад образуют альков.
Я тоже когда-то спасал
едва ли не каждую ночь мотыльков,
из тьмы выпадавших в астрал,
на северо-западе отчей земли.
И ныне — сосчитанный прах,
зажгу ли в соборе, где спят короли
в рядне погребальных рубаш,

тростинку-свечу у подножья Креста,
гляжу ли один вдалеке
с готовно открытого ветру моста,
как пашет буксир по реке,
— я, статья, все тот же уездный барчук,
чьи зенки слепил из ларца
парижской гризетки фамильный жемчуг,
и щеку щипала сольца.

17-18 марта 85г.

* * *

Напряженная голубизна
предночная — романской весной.
В поднебесье дрейфует блесна,
чащам дрока ограда тесна,
и душист их костер ледяной.

В трюмной копотной крипте свечей
не спугнуть бы дыханием вдруг.
С кардинальских покатых плечей
вразумляющий ток кумачей
утишает ли этот испуг?

Обруби, если смеешь, канат,
дабы выйти по темной реке
на морскую волну в аккурат,
на маячащий блестко посад
меж сосновых застав вдалеке.

Зачерпнуть бы рассол в полынье,
подтянуть бы запретный тропарь,
в ускользнувшей из рук стороне
славословящий сродную мне
побежденную Божию тварь.

18 апреля 85 г.

* * *

Твердокаменный грецкий орех,
в сохлой цѣкурке двойной арахис.
В гримировочной спешка и смех
за хоругвями черных кулис.
В свежебритую щеку отец
отчуждающе пудру втирал.
Из вагона: "Мужайся, малец!"
— повелительно шляпой махал.

Разучился я в горле катать
ком поддельный, коль хочется есть,
стал забрасывать строки в тетрадь
и ловить их ответную лесть.

Но под колющей крупкой из туч
после приторных взывов валторн
оказалось — один и живуч
неподкупный кладбищенский дерн.
Знает Бог, за какую вину
невесомую ношу нести:
материнское — в спину — "клянц!"
И отцово — на ухо — "прости".

март 85 г.

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Из Узла III

«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»

(26 февраля)

66

Даже уже надоело Гучкову: куда бы он ни приходил — его или прямо спрашивали, когда же будет переворот, или косвенно намекали, или не смели, но косились допытливо, как на человека, знающего необыкновенную тайну. Он и сам прежде не мешал слухам просачиваться, говорил, даже и при женщинах, все жадно впитывали. Тем свободней выражался, чем расплывчатей рисовался путь осуществления. А вот — изговорился, надо быть посдержанней. Всем — так хотелось государственного переворота, и даже хотя бы только этого острого ощущения — "переворот!", — уж очень все уныло заклинилось.

Так и сегодня просидел Гучков вечер у Коковцова — и тот, конечно, не смел ни о чем спросить прямо, но так уже намекал, доводил, доглядывался.

Вообще заметил Гучков за отставными государственными мужами такую черту: большую решительность, и даже беспощадность суждений, какой они никогда не проявляли, будучи на своих постах. Это было теперь и у Коковцова, обычно всегда такого дисциплинированного и с узким воображением. И еще больше Гучков наблюдал это у покойного Витте, желчного, ненавидчивого до смерти, такого потерянного в разгар Пятого года и такого пронизательного задним умом. Но может быть эта черта была даже

неизбежна для деятелей? Гучков учился на опыте стариков, он оттачивал на них свои государственные способности. Ему было очень интересно и с Коковцовым сегодня, и он возвращался домой на автомобиле по утишенным пустынным улицам, кой-где с солдатскими патрульными кострами, поздно.

Он и за собой уже замечал не раз эту странную обреченность наших самых ясных планов: что они или крушатся или дают результаты, обратные задуманному. Как это получается, почему?

Заговор? Все не состоявался, все откладывался, все никак до него не дотянуться. Ничто не успело, никакие даты не назначены. При заданной простоте это оказалось ускользающее предприятие, со многими вероятностями, отклонениями. А вот в Петрограде тысячные толпы, а вот на Невском стреляют, а вот взбунтовалась рота павловцев. Бездна показывает свое зевло: как она близка и как может все поглотить.

Заговор — был нужен как никогда, срочен как никогда. А все — не вязалось.

Многое зависело теперь от ожидаемого приезда генерала Крымова на днях, не позже середины марта. Без его генеральской руки не мог Гучков справиться.

Вернулся домой — так политически настроен, так не хотелось сейчас разговаривать с Машей, и даже видеть ее.

Остановил шофера, не доезжая по Сергиевской до Воскресенской, до своего углового дома. Дошел пешком. Тихо поднялся по малой лестнице в бельэтаж, тихо отпер и запер дверь.

Тишина. И пошел сразу к себе в кабинет.

Зажег свет — и белыйбюст Столыпина увидел первый перед собой.

Посмотрел на его каменные веки.

Вот этот — все делал вовремя и на месте. Не брюзжал бы потом с опозданием.

Так хотел и Гучков. Он и поставил себе бюст для неизменного подбодрения. Он хотел бы быть еще одним Столыпиным. И после свершений готов был и кончить так, как он.

Лег, потушил свет, но спать совсем не мог.

А через стенку ощущал Машу, даже угрозу входа ее — и так не хотелось. И так мешала она мыслям, сбивала, даже из-за стены.

Чем ни займись, куда ни рвись, — а женитьба давит глыбой.

Как это получилось? Зачем? Как не видел?..

От того шарабана и разделенного плаща под весенним дождем — десять лет и знакомства-то не было, только через Веру перекидка полушутливых фраз да уверений опасной посредницы, что почему-то Маша Зилоти как раз и есть та женщина, которая все сделает для его счастья.

А когда встретились через десять лет, Маша поразила его открытым порывом: что она все эти десять лет — его любила! только им жила! ждала! без надежды!..

Такое прямое признание стучит в твоё сердце. Это поразительно, правда: с девятнадцати лет до двадцати девяти любить и ждать без надежды! Такую любовь — преступно растоптать. Если столько лет тебя ждали, то и у тебя возникает как бы долг. А тут — и Гучкову-отцу она, оказывается, понравилась. И всем родным, и все одобряют. (Не сразу поймешь: всем хочется, чтоб разорвал Александр Гучков давнее с женщиной старше себя.) И тебе уже скоро сорок, беспутный, и надо же когда-то уговориться. Даже приятно. Так подумать о себе: уговориться. Объявить и почувствовать себя наконец пожилым.

...А вы — тоже любили меня!!! Любили еще тогда! — но потеряли...

И правда, удивиться: десять лет любила и ждала! Действительно — избранная натура. Она все сделает для моего счастья.

По-настоящему сомневаться и тревожиться надо не о своей судьбе, но — за нее: каково придется — ей? Ведь ты — неугомонный, шальный, жить с тобой, должно быть, не сахар.

Верно, тут же и сошлось: весной 1903 года предженитьбные радостные заботы перекрылись зовущей тревогой войны: в Македонии — восстание против турок, как же не поехать помочь? Давно ль из Трансвааля, давно ли сгладилась хромота? — а грудь гудит: в Македонию!

И вот она первая припутанность, первая не-себе-йность. Раньше отцу — ничего вперед, а уже с дороги: мол, иначе не мог, когда там совершается народное дело, вернусь — заглажу вину перед тобой. А теперь: надо уговорить, получить разрешение от невесты, объяснить, как же так: после десятилетнего ожидания за что ж ей еще эта разлука? В самые радостныепредсвадебные месяцы — почему, какая

Македония, разрушая весь ритуал, разрушая всю праздничность невесты, — а он о ней подумал?!

Ах, голова твоя бедовая, ты не приучился думать еще и о ней... Да македонская льется же кровь!.. Впервые треснула твоя воля, не знаешь, как быть... Да ведь пустая малая оттяжка — май, июнь, июль, Марья Ильинична, голубушка, не осуждайте меня, вы знаете — я шалый, я не прошу себе, если эту кампанию пропущу, я — жить не смогу, если не поеду!

Отпросился у надутых губок до сентября. С каждой станции — открытку, из Адрианополя — золотую монету с профилем Александра Македонского и фразой, хоть высекай на камне: "Если б не вы — я стал бы им. Александр." (Это — еще молодость, когда тебе имя свое нравится, да еще в совпадении таком. А вот когда стошнит тебя жизнью как следует, то не в шутку бросишься на телеграф: только не назовите племянника Александром! это имя принесит несчастье окружающим и себе...)

А между тем за невестиным упираньем проваландался, почти опоздал на дело. Только и память поездки, что на пароходе сговорил себе шафером Сергея Трубецкого, в ту же Грецию везшего студентов на античность, кто за чем.

Все к тому, вот и шафер. И срок назначен, неотклонимый.

И ведь был же поставлен предупреждающим знаком крест: младший брат Константин женат на ее сестре Варваре, и теперь по церковному закону запрещено жениться еще кому-нибудь из братьев Гучковых еще на какой-нибудь сестре Зилоти.

Но все эти запреты давно обсмеяны в образованном кругу, отошли. (Много позже: а прав был дед, только у старообрядцев и остались крепкие семьи. У всей интеллигенции и семьи какие-то раздерганные, и дети невесть куда.)

Впрочем, женатой жизни не везло начаться. Свадебное путешествие на Иматру в октябре — холодные дожди, просидели безрадостно в гостиницах. И тою же зимой, не успели своим домом устроиться, — японская война. Машенька, как же я могу не поехать?..

Да, конечно... Ты так привык... Но у тебя есть и новые обязанности — мужа. Ты иногда и на мою точку зрения должен становиться. А мне? — снова в Знаменку, под родительский кров? Оскорбительно, как будто я не замужем, ничего не изменилось.

У тебя — будет сын, Левушка!..

О, я не жалеюсь, не подумай!

Шли самые главные годы России — Девятьсот Четвертый, Пятый, Шестой, Седьмой, — и ощущение, что для этих-то самых лет родился и сгодился Гучков. Но прежней свободы движений и решений больше нет, а все: как Маша? где Маша? Всегда, и опять недовольна, как умягчить? В бумажнике возил с собой ее фотографическую карточку. В раскидных палатках, в вагонных купе, в гостиничных номерах десятки раз выставлял ее перед собою, срастался с привычкою, что женат.

И естественная мысль: будет легче, если взять ее в сомышленницы, попробовать объяснить ей свои шаги как равной, русская жена часто бывает такой. Вот: почему так горько презрение общества к японской войне. Вот: русский несуматошный путь совещательной Думы, Земского Собора, — и как бы убедить в этом Государя. Вот: подробные впечатления от приема царственною четой. Несдержанная обозленность Первой Думы — это не наше. Знаю, ты будешь на меня сердиться за мое возможное решение войти в стольпинский кабинет, но я берусь переубедить тебя. Если стрясется надо мной беда министерства, постараюсь предварительно съездить к тебе в Знаменку...

Саша, отчего ж это беда — министерство? Я вполне одобряю! Я готова разделить с тобою все петербургские тяготы, возникающие из того! Я готова сплотить твой круг, твоих единомышленников!

Поняла? Поняла, разделила! О, счастьекакое! Вот так терпеливо и вырабатывается семейная жизнь.

Но в министерство не пошел. Но выступил в поддержку стольпинской обороны от террора. И все прокадетское общество накинулось, клевало и травило. Затмились горизонты.

Печально-вытянуто: вот как? А я-то мечтала стать дамою света.

Милая Маша, я так тронут твоим сочувствием в моих делах. Но "дама света" не вмещается в мои представления о жене и матери. Что выше и слаще жребия верной домашней подруги?

Удивительное рассуждение — домашняя подруга! Я для тебя потеряла целый мир искусства! Я думала найти в тебе другой ослепительный мир, а ты запер меня в Знаменке рожать и выращивать... Ты уже не нуждаешься восхищаться мною...

А разве...? А когда он уж так обещал — восхищаться? Он говорит — делить жизненный путь. Какой придется. (А в движении — легче бы и без нее...)

Из девушки в жену — как быстро преобразается понимание и растут права. Бьешься объяснять ей тонкости и трудности общественных решений, почему нельзя было пойти выгодным путем, а необходимо подставить себя под удары, — получаешь какие-то косые ответы, косые по внезапности, по несоответствию, как наотмашь наискось брошенную тарелку.

И когда хочет душа побеседовать — садишься писать другому. А то и — другой...

А она — мятется в сельской жизни, страдает без говоренья и встреч. Дама света...?

Ах, поспешил!.. Со стороны поверить нельзя: ведь не юнец, ведь кажется давно неуязвим. И к сорока годам так много сделал уже, отчего, казалось, не позволить себе роскошь семьи?

Но в год и в два обуглилась подвенечная белизна. И ты видишь себя связанным и несчастным.

И — куда ж испарилась десятилетняя девичья expectantная любовь?

И... — была ли она?

Вообще — разучились понимать друг друга. У нее — то и дело всплески бурного негодования. Уже боишься спросить о ней самой что-либо: уверен, что каждый твой вопрос будет встречен враждебно. Ничего не хочется и о себе: не сомневаешься, что для нее это потеряло интерес.

С первыми шажками Левы и Веры (любимица, в честь Веры другой) уже спотыкается и союз родителей. И какая же радость, когда прорвется от Маши веселое легкое письмо, — ах, милая, как бы сохранить тебя такой веселой на всю жизнь! Я, если хочешь, готов во многом каяться.

А в ответ опять косой передерг, новая разбитая тарелка. Страдание! страдание, которого и мир не знал! — да уж чем так? Голубка, вставай-ка с правой ноги! Я весь — в пробоинах, полученных в боях, утекают силы, а от тебя поддержки нет.

Прикрикнешь — слышит лучше, как-то образумливается. Но не дай Бог в усталую минуту призвать ее к простой взаимной

жалости — этот слабый голос менее всего дойдет до нее. Уговорить ее мягко — совсем невозможно.

Она порывиста в причудах и называет это — своею "интуицией". То слишком громка, то бестактна, безответственна, многогоречива, нетерпелива, извергающийся вулкан. В гостиной уже собираются гости, в столовой уже накрыт стол к обеду, — Маша громким шепотом закатывает мужу сцену ревности. Тогда Гучков безумно-спокойно, глядя ей в глаза, начинает тянуть убранную скатерть. Предметы падают, Маша очнувшись, горничная бежит собрать и подтереть.

В таком зрелом возрасте жениться — и так непрозорливо? Куда деваются наши глаза в минуты выбора? — такого несомненного, когда решаешь, такого смутного потом! Как он попался? Как он на всю жизнь приковал себя к чужой женщине? Когда все способности различения, суждения, решения ты отдаешь общественной борьбе, войне, странствиям, всю страсть утянул туда, ты становишься слеп к тому, что от тебя в аршине, уродливо беспомощен против сферы иной. И чем безошибочней ты привык решать и действовать в большом — тем слепей ты ошибаешься в этом малом, а этого малого, этой третьестепенной, побочной, совсем не общественной ошибки, достаточно, чтобы в короткое время ослабить тебя, спутать, съест силы твои и утопить.

Как он смотрел в ее лицо и не замечал раньше: какая бесчувственная безлюбная жестокость находит на него? свое твердое неупускаемое выражение.

А если посмотреть фотографии юности — так оно уже было и там: странный примороженный оскал улыбки, обнаженные верхние зубы неживо всегда. А не замечал, пригляделся.

И вот разлуки по делам растягиваются в разлуки по отталкиванию. Жена — в Знаменке, Гучков — на запущенной петербургской квартире, с дурным поваром или по ресторанам. Или: дети с гувернанткой тут же, а Маша в Москве. Встречи — еще хуже писем: взаимные вины, попреки, накатывается и ложь. (*Его* ложь, жена от мужа на пядень — муж от жены на сажень, впрочем и наоборот...) Няня, не одобряющая Марьи Ильиничны и чтящая Александра Ивановича "одним на миллион", скоро внушит маленькой Вере, что у папы — "двести незаконнорожденных детей". Едва встретятся

под одной крышей — и вся его накопленная бодрость, весь разгон действия — смякают, тускнеют. И сразу же: как поскорей разехаться? сколько еще надо дней? Сходилась ли когда в браке менее сходная пара?.. Разехались, а письма — еще хуже встреч: самому чужому дальнему человеку не так мучительно писать, как неудавшемуся близкому. Деньги, вещи, одежда, уговоры, как разминуться, даже формального "целую" нет в конце, и остаются: только дети. Только о них и вопросы. С возрастом — отдельные листочки к ним и от них. В твое отсутствие дети ласковой, больше жмутся ко мне. Скажи девочке, что постоянно вспоминаю о ней. (Именно для Верочки собирается папин архив, чтобы когда-нибудь она познакомилась с отцом.) То — спор о гувернантках, можно ли иностранок? Нужны языки, да, но постоянное русское влияние считает Гучков еще важнее. И зачем эта традиционная *музыка* каждому ребенку? То — неграмотная няня пишет отчет о детях, хотя Марья Ильинична рядом с ней. То — самому достается возить детей по Невскому, смотреть убранство в романовские торжества. И сносно, когда заняты дети своим: половину собачки Джима Лева продает Вере в рассрочку, до ее 14 лет, и торгуются долго. А подняли глаза: отчего же папа и мама всегда порознь и не бывает полного счастья?

Но есть такая черта семейных разладов: их нелинейность, непрямота, особенно тяжкая для мужчин. Нелинейны — женщины, они и вносят эту петлявость, эту попятность, эти возвраты и проблески ложной надежды. Уже, кажется, было перерублено, несколькими жилками только и держалось, а вдруг — составлено, а вдруг — срывается, неужели так может быть? Начинаешь верить. Появляются: нежно обнимаю! люблю! И сами поцелуи. И — ожидается третий ребенок. (И если проницательные дамы со стороны наблюдали, что у вас развал, — так вот и ничего подобного!) Но еще до рождения Вани ясно: все — ошибка, все — прах, надо расходиться.

Не разводиться — это невозможно из-за детей и по особому гучковскому положению: как уверяет Маша, к ним пристальна вся Россия, и развода ему не простят. Но — разойтись незаметно, но охранительно кончить эту взаимную истерзанность, когда места живого не осталось в душе.

Как безжалостно ты разрушил всю мою жизнь! И что дал взамен? Я надеялась действовать рядом с тобой — ты отшвырнул

меня на край существования! Ты не сумел, не захотел раздуть уголек своего чувства, чтоб осветить мою страдавшуюся душу... Еще в первые годы мои страдания были светлы и ободряющи — но сейчас?..

А — когда они были ободряющие? А почему *тогда* не сказала, что ободряющие? Но так же косо метала?

Смертью Веры Комиссаржевской отметилась полоса потерь. Ее ли парение еще поддерживало, как-то осмысливало их супружество с Машей? — а без нее уже вовсе стало неважноту. К концу того, 1910-го, Гучков обсовещывал с Машей только одно: как безболезненное для всех и для детей? А она просила — *не пинать* прошлое и закончить портрет у Кавос, это моя *последняя* просьба! (И уже было и еще сколько будет: я никогда ничего у тебя больше не попрошу, а это — моя последняя...)

Но как-то так умела Маша изворачиваться и меняться, что и при самом решенном неоспоримом конце это оказывался снова не конец. Когда он проступил не обходимой возможностью, но уже несомненным разрубом — тут впервые что-то перетряхнулось в Маше, чего не мог добиться Гучков уговорами шести лет их разлада. Как будто впервые стала она слышать и смотреть на себя.

...Я сознаю, что твоя нелюбовь заслужена мною. Я не сваливаю разгром нашей жизни только на твою ложь. Первые дни нашего разлада — дело моих рук. Хотя много смягчающего тут нахожу для себя.

А она думала бы жить в разладе — и рассчитывать на его верность?.. Как будто просила прощения, но вот незамечаемым выкрутом выходила снова на стрелу попреков, и оказывался виноват — он. А уж сказано было раньше так много, что сейчас и забыто, чем оправдываться. Так много надо сказать, что и — нечего, и госпожа диалога — Маша опять. Да и немогота перекоряться снова и снова, когда разлука неизбежна.

Неизбежна, но почему-то не совершается. На нескольких последних жилках необъяснимо держится и не отваливается. И даже почему-то уговорились небывало: Девятьсот Двенадцатый встречать вместе, дома.

Однако ж в последние часы 31 декабря, как вырывая шею из затылка, он рванул и ушел.

Виня себя, конечно. Но и — не мог не уйти. Прости мне боль, какую я тебе причинил. Причинял. От избытка собственных страданий я стал малочувствителен к страданиям других. Дети — вот все, что у нас остается.

Казалось в ту новогоднюю ночь — полный разрыв. Навсегда.

Но — из-под пальцев, из-под руки, необъяснимо откуда вяжутся новые петли. Свойства семейных проблем — бесконечные новые и новые перекладывания в мыслях. А может быть — я не таков был с ней, не хватало терпения, надо было больше доверия, больше увлечь своим делом?

И на открытие стольпинского памятника в Киеве он позвал ее с собой: "Ты ведь тоже его любила."

(Или — так же, как меня? ..)

На кого не откладывает отпечатка спутница жизни? Может быть, при другой жене, смягчающей, предупреждающей, Гучков не был бы так уничтожительно нетерпим и к императрице? В борьбе с Алисой он иногда переступал границы, которые против женщины все равно нельзя.

Тянулась полоса потерь, полоса неудач, еще перепутанная болезнями. Двенадцатый принес Гучкову недоверие России, провал на выборах в Четвертую Думу. Тринадцатый — неудавшийся бунт октябристов, не стронувший Россию никуда. Четырнадцатый — несчастную войну. И из первых ее испытаний: лодзинский мешок и добровольное решение — остаться с ранеными, отстаивать их, если им суждено в плен.

Душе, постоянно отданной борьбе крупномасштабной, освободительно опять увидеть контраст этих масштабов: в каком же ничтожестве мог я барахтаться? что там могло травить меня так?

А испытавши вновь это восхождение, пожалуй свою несчастную спутницу, что ей никогда не подняться сюда, что ей никогда не изведать, как мелки ее обиды, как жалки ее претензии. Пожалеть и — простить ее, в широкой мужской форме — то есть, *просить* прощения. Когда так сотрясается мир — разве между гигантских воронок уцелевает луночка супружеских слез?.. И под гул орудий в предместьях окружаемой Лодзи, с последним может быть гонцом в Россию — последнее может быть в жизни письмо...

Моя хорошая... прости... я причинял тебе всю нашу жизнь... Не перестаю думать о наших детях... Душевно любящий тебя...

А окружение — не состоялось. Гучков воротился — и даже в обычную петербургскую и даже, увы, в семейную жизнь. Впрочем, что-то же сохранилось? что-то понято из тех лодзинских записок? (Что он — виноват?..) По законам нелинейности, через пороги всех окончательных разрывов, они снова выглядят благоприличной семьей. Встречаются знакомые в Москве ли, на водах, расспрашивают одного о другом, получают ответы. Приписывает знакомый генерал: "Целую ручки Марье Ильиничне"... Из разъездов: Маша, забыл бумаги, забыл ботинки, пришли... Война, много событий, много движения, и без удушья проходит Девятьсот Пятнадцатый. (Только вдруг бросается Маша, из ревности, по его краснокрестным госпиталям, вносит неразбериху, ставит Гучкова в неловкое положение.)

И — сколько б еще тянулось так? Но болезни, методично обступавшие много лет, — то пухли ноги, то болели руки, то сердце, то печень, — вдруг сошлись, сомкнулись воедино, и торжественная смерть нависла над Александром Гучковым в начале Шестнадцатого года.

Кажется, так похоже на лодзинский мешок. Перед вечным расставанием естественно снова помириться, просить прощения.

Нет! Другой какой-то закон. Зачем ко всем испытаниям жизни еще послано было мне испытание злою женой? Бессердечная, честолюбивая женщина — за что ты послана мне вечным крестом и заклатьем? Зачем ты въелась в жизнь мою — и поедаетшь? Покинь меня хоть умереть спокойно. Не подходи, не хочу тебя видеть!

Как бы не так! По слабости, по беспечности, по отвлеченности на большее — не разорвал обручальные кольца вовремя, и теперь они ложились кандалною цепью на впалую желтую грудь. Мария Ильинична — как будто обрадовалась его смертельной болезни, как на добычу кинулась на ухаживание за ним. "Кошмар в лихорадке" — назвал ее Бурденко. Смерч суеты! — уже не только к докторам, но — к врагам, к Бадмаеву, чуть не к Распутину за помощью. Надменное лицо: одна она знает, как спасти горячо любимого мужа.

Лежать приговоренному к смерти под вихрем раздражающих забот и беспомощно поражаться: как же мог опуститься до этого воин? Уже подносят причастие, через несколько дней тебя уже не будет, а *она* — будет еще полвека выступать на земле твоей подругой, твоей памятью, твоей истолковательницей.

Это была, как будто, не его жизнь, а карикатура на его жизнь: совсем не та, какую он должен был бы вести. Но вот почему-то вывернулась так. Вывернулась — от женитьбы.

Как же мог не порвать за столько усилий? Так ты сам это выбрал.

А глубже всего засело в ней — кривое истолкование прошлого: связь фактов не та, что была, а та, что доступна ее узкому уму и представляется ей удобной, — хоть спорь, хоть бесись, хоть кол на голове, но никогда не признает, как было на самом деле, от первых тех десяти лет как будто любовного ожидания.

Но — не умер. Но — поднялся. И советами докторов направлялся в Крым. И, конечно, она?! Бесколебно отрезал: нет, голубушка, в такое бессилие не лягу больше. Ты — остаешься в Петербурге, ищи любой предлог, ломай публичную комедию как хочешь... Но ведь я — умереть за тебя готова!.. Не надо, живи... Но — дамы, которые все просверлят?! но — общество, вынюхивающее нашу семейную жизнь?! Как же ты можешь, при твоём благородстве, так всенародно меня унижать? так спокойно отвесить мне пощечину?!..

Состояние дамой — для нее функция организма. Чтобы быть дамой — она готова изъесть его.

Сколько раз уступал, сколько раз был не тверд, — но только не теперь!

Ничего, придумала: болезнь мальчиков, операция у Верочки. Но ведь это все возможно и на юге? Все будут недоумевать, обвинять меня, что я не еду с тобой... Моя пытка увеличится тем, что десять раз на день я должна буду отвечать, почему не поехала?

Уехал. Скорей — одному, и начать выздоравливать. Только после выгрызливой женитьбы можно понять, какое это счастье: быть совсем одному.

Но как в тот решительный-нерешительный разрыв пять лет назад, так и теперь: проняло ее все же. Ощутила, что разъединение не отменится, разве только перевернется вся Россия и вся Земля.

И из Петербурга в Крым на Пасху: начало моей жизни — моей любви к тебе — тоже было на Пасху. И вот — кончается любовь, не получив и не дав ничего... Сколько раз я уже с тобой прощалась, а все уголки души полны тобою, и вырвать каждый — боль до крика. А теперь дошло до главного нерва, последняя операция. И захотелось понять: почему же любовь моя оказалась бесплодна?... Мечтаю: чтобы ты хоть на одно мгновение, перед самой смертью... Христос с тобой, желаю тебе найти, чего я не сумела тебе дать...

Нет, это — того забирает за сердце, кто читает такое не пятнадцатый раз и кто не научился видеть холодной злости ее лица. Размягчиться — нельзя, размягчиться — в ничтожество впасть опять.

Твое пасхальное письмо посылаю тебе обратно. Оно жжет мне руки. Будешь мстить мне — не делай орудьями мести детей.

...И в моем состоянии — ты еще смеешь чего-то требовать от меня?! Давать мне советы о детях?! Ты когда-нибудь себя для них переломил? Ты — сам себя их лишил!

Так писал он — и так писала она, не предполагая внезапно-ужасного смысла этих слов: что через несколько месяцев сбудется по этим словам — и они потеряют Левочку, от менингита. Если уж занятая собой — так собой: упустила его. Отпустила — десятилетнего стать на коне в рост и разбиться.

Можно выиграть целую Россию — а женитьбу проиграть.

ПОЭЗИЯ БОДЛЭРА¹

(Публикация проф. С. Грэхэм)*

Теперь несомненно, что Бодлэр один из величайших поэтов XIX века и во всяком случае наиболее своеобразный. Это конечно не значит, что он был чужд каких-либо влияний, тогда он не был бы великим, нет, просто эти влияния были настолько разнообразны и в то же время так глубоко восприняты и целостно слиты, что создали поэтическую индивидуальность, подарившую миру "новый трепет" (выражение Виктора Гюго). Из французов его учителями были Сент-Бев и Теофиль Готье. Первый научил его находить красоту в отверженном поэзией, в природных пейзажах, сценах предместий [?], в явлениях жизни обычной и грубой; второй одарил его способностью самый неблагородный материал превращать в чистое золото поэзии, умением создавать фразы широкие, ясные и полные сдержанной энергии, всем разнообразием тона, богатством виденья. Влияние этих двух мэтров на Бодлэра было настолько сильно, что его по справедливости причисляют к романтикам,

¹ Биография Шарля Бодлэра будет помещена в следующем томе его сочинений. Так как к этому тому приложена великолепная статья Т. Готье, мне остается добавить лишь немного по поводу поэзии Бодлэра. По поводу отдельных его стихотворений см. Примечания.

* Печатается по автографу без даты (ЦГАЛИ 147 1 14). Как видно из примечания, этой статьей должен был открыться первый том сочинений Бодлэра в издательстве "Всемирная литература" под редакцией Н. Гумилева. После расстрела Гумилева издательство исключило сборник из своих планов. Гумилев успел перевести для него 15 стихотворений Бодлэра и отредактировать еще целых 25. В "Гумилевских чтениях" (Самиздат 1980, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 15) ошибочно говорится, что предисловие Гумилева "до наших дней не дошло".

мнение, которое разделял и он сам. Затем его сверстник и друг Теодор де Банвиль в своих "Клоунских Одах" задумал путем применения неожиданных рифм создать новый род комического и этим натолкнул Бодлэра на работу над редкими и новыми рифмами, что конечно отразилось на причудливости и изысканности его стиля.

С другой стороны, воспитывавшийся в Англии, превосходно знавший английский язык, Бодлэр и там нашел близкие ему творческие умы. Не говоря уже о Байроне, этом кумире французского (так же как и русского) романтизма, впрочем, подарившем Бодлэру лишь поверхностно воспринятые последним темы мятежа и гордого отчаянья, Томас де Куниели и Эдгар По, поэты потайные и в свое время мало оцененные, оказали на него большое влияние. Они научили Бодлэра особенности англо-саксонского воображения, умению соединять, не смешивая, ужасное с прекрасным, нежное с жестоким, райское с адским, как в поэме Мильтона. Это от них в поэзии Бодлэра появились такие великолепные черные тона, счастье ужаса, блаженство отчаянья, радость неосуществимого желанья, и вторая их особенность, образность пышная, причудливая, пьяная, поддерживаемая парами опиума и алкоголя, столько же, сколько филологическим гурманством.

Между этими двумя влияниями — французским, полным ясности чистоты линий и латинской гармонии, и английским, над которым еще бродят черные тучи Нибелунгов, поэзия Бодлэра подобна закатному небу, где борьба света и тени порождает на мгновение храмы и башни нашей истинной родины, лица тех, кого мы могли бы действительно полюбить, лиловые моря, в которых бы мы утонули, благословляя смерть.

Однако, не одно случайное сочетание влияний создало Бодлэра таким, как он есть, этому были и другие причины. Девятнадцатый век, так усердно унижавшийся и унижаемый, был по преимуществу героическим веком. Забывший Бога и забытый Богом человек привязался к единственному, что ему осталось, к земле, и она потребовала от него не только любви, но и действия. Во всех областях творчества наступил необыкновенный подъем. Люди точно вспомнили, как мало еще они сделали, и приступили к работе лихорадочно и в то же время планомерно. Таблица элементов

Менделеева явилась только запоздалым символом этой работы. — "Что еще не открыто?" — наперебой спрашивали исследователи, как когда-то рыцари спрашивали о чудовищах и злодеях, и наперебой бросались всюду, где оставалась хоть малейшая возможность творчества. Появился целый ряд новых наук, прежние получили неожиданное направление. Леса и пустыни Африки, Азии и Америки открыли свои вековые тайны путешественникам, и кучки смельчаков, как в шестнадцатом веке, захватывали огромные экзотические царства. В недрах европейского общества Лассалем и Марксом была открыта новая мощная взрывчатая сила — пролетариат. В литературе три великие течения, романтизм, реализм и символизм, заняли место наряду с веками царившим классицизмом.

Бодлэр к поэзии отнесся, как исследователь, вошел в нее, как завоеватель. Самый молодой из романтиков, явившийся, когда школа уже наметила свои вехи, он совершенно сознательно наметил себе еще не использованную почву и принялся за ее обработку, создав для этого специальные инструменты. Вот что он сам говорит об этом в своих проектах предисловия к *Цветам Зла*: "Знаменитые поэты уже давно поделили самые цветущие области царства поэзии. Мне показалось забавным и приятным, тем более, что задача была трудной, извлечь *Красоту* из *Зла*. Эта книга, глубоко бесполезная и вполне невинная, написана только для моего развлечения и упражнения моей страстной любви к препятствиям..." "Рядом определенных усилий артист может возвыситься до стройной оригинальности; поэзия приближается к музыке просодией, корни которой уходят в человеческую душу глубже, чем это указывает любая классическая теория; поэт, который не знает точно, сколько каждое слово имеет рифм, не способен выразить какую-либо идею; поэтическая фраза может представить (и этим она близка к музыкальному искусству и математической науке) горизонтальную линию, линию прямую восходящую, линию прямую нисходящую... Может виться спирально, описывать полукруг или зигзаг; поэзия сближается с искусствами живописным, кулинарным и косметическим благодаря возможности выразить всякое ощущение сладости или горести, блаженства или ужаса соединением существительного с прилагательным, аналогичным или

противоположенным; опираясь на мои принципы и располагая знанием, которое я берусь объяснить в двадцать уроков, каждый человек становится способным создать трагедию, которая будет освящена не более, чем всякая другая, или написать поэму достаточной длины, столь же скучную, как любая эпическая поэма..."²

Вот язык, которым никто не говорит до Бодлэра, да и после многие ли? Теофиль Готье, Верлен, кто же еще? Однако нельзя считать Бодлэра поэтом, преданным исключительно форме, по той простой причине, что такие поэты просто не существуют и не могут существовать. "Поэт формы"! вот слово, которое утилитаристы бросают всегда истинным художникам. Что касается меня, то пока мне не отделят отчетливо в какой-либо фразе ее форму от содержания, я буду утверждать, что это — два слова, лишенных смысла, подобно тому, как нельзя извлечь из физического тела качества, его образующие, т.е. его цвет, протяженность, плотность, не сведя его к пустой абстракции — одним словом, не уничтожив его, так нельзя отнять форму у идеи, ибо идея существует только в силу своей формы. Невозможно представить себе идею, которая не имела бы формы, так же как нет формы, которая не выражала бы идеи. "Это только куча глупостей, которыми живет критика..." Это отрывок из переписки Флобера. Приблизительно те же мысли в разных местах своих статей высказывает и Бодлэр. Может быть даже особенности его тем вызываются чисто формальными особенностями его творческого аппарата, повышенным музыкальным чутьем — он один из первых во Франции оценил Вагнера, — любовью к смешанному словарю, где слова, резко противопоставляясь друг другу, приобретают неожиданность и телесность — в этом сказывается его раннее увлечение вульгарной латынью — стремлением к сложной композиции "порочных" сюжетов. Ясно, что темы любви, добра и красоты своей банальной мягкостью только притупили бы слишком острые зубцы подобной мельницы.

Странно было бы приписывать Бодлэру все те переживания, которые встречаются в его стихах. Чем тоньше артист, тем дальше его мысль от воплощения ее в действие. Веками подготавливавшийся переход лирической поэзии в драматическую в девятнадцатом

² Charles Baudelaire, Oeuvres posthumes, стр. 17, 18.

веке наконец осуществился. Поэт почувствовал себя всечеловеком, мирозданием даже, органом речи всего существующего и стал говорить не столько от своего собственного лица, сколько от лица воображаемого, существующего лишь в возможности, чувств и мнений которого он часто не разделял.³ К искусству творить стихи прибавилось искусство творить свой поэтический облик, слагающийся из суммы надевавшихся поэтом масок. Их число и разнообразие указывает на значительность поэта, их подобранность — на его совершенство. Бодлэр является перед нами и значительным и совершенным. Он верит настолько горячо, что не может удерживаться от богохульства, истинный аристократ духа, он видит своих равных во всех обиженных жизнью, для него, знающего ослепительные всплшки красоты уже не отвратительно никакое безобразье, весь позор повседневных городских пейзажей у него озарен воспоминаньями о иных сказочных странах. Перед нами фигура одинаково далекая и от приторной слащавости Ростана и от мелодраматического злодейства юного Ришпена. Зато и влияние его на поэзию было огромно.

Бодлэр в действительности не примыкал ни к какой школе и не создал своей. Во Франции его считали то романтиком, то парнасцем, у нас почему-то еще и символистом. Но для того, чтобы быть романтиком, ему не хватало ни культа чувства, ни театрального пафоса, ни характерного многословья. Для парнасцев он был слишком нервен, слишком причудлив, и он говорит не столько о вещах мира, сколько о вызываемых ими ощущениях. С символистами у него общего только то, что они у него заимствовали, главным образом, утонченная фонетика стиха, но ни ощущения многопланности бытия, ни желанья дать почувствовать за словами абсолютное у него не было. Чистыми бодлэрианцами оказались только два поэта — Морис Роллина (1846—1903), автор "Неврозов", и бельгиец Иван Жилькен (род. 1858), автор "Ночи". Оба они заимствовали у Бодлэра его пессимизм, интерес к проявлениям личной и общественной истерии, любовь к редкому и подчас чудовищному. Роллина кончил как поэт деревни и крестьянства; Жилькен — как обличитель несовершенств социального строя.

³ Эта теория выражена очень ярко, хотя в полупублицистической форме, поэзией Уота [sic] Уитмэн.

Гораздо глубже было влияние Бодлэра на поэтов, вышедших из парнасской школы, чтобы стать вождями символизма. Культ красоты и тоска по бесконечности достались Стефану Маллармэ, Поль Верлен для своих "Сатурнических Поэм" получил в наследство от Бодлэра тоску, полную поэтических видений. Почти для всех символистов имя Бодлэра было священным. Однако в двадцатом веке, когда в лице Поля Клоделя и Франсиса Жамма наметился во французской поэзии уклон к католицизму и величавой простоте средневекового ощущения жизни, Бодлэру поставили в вину его интеллектуальность, пессимизм и некоторую манерность, и молодое поколение поэтов отошло от него.

В России влияние Бодлэра испытали два крупнейших представителя новой поэзии, Бальмонт и Брюсов, и множество других менее значительных. Переводился Бодлэр тоже много и часто, однако полный перевод его стихотворений (кроме нескольких мелочей, не вошедших в собрание его сочинений), сделанный размерами подлинника, появляется в нашем издании впервые.

Переводы из Бодлэра

ПРИВИДЕНИЕ *

Как ангелы с лицом суровым,
Я стану пред твоим альковым,
С тенями ночи проскользну
К тебе, не тронув тишину.

Тебе я приготовил, юной,
И поцелуй, точно луны
Холодные, и ласки змей,
Свивающихся средь камней.

При свете дня, бледней асбеста,
Увидишь ты пустое место
И будет холодно оно.

И как другим одной любовью,
Над молодой твоею кровью
Царить мне ужасом дано.

* *Le Revenant*, ЦГАЛИ, ф.147, 1, изд. 20, 1. 1. (Печатается впервые).

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ *

Ложем будут нам, полные духами
Софы, глубоки, как могильный сон,
Этажерок ряд с редкими цветами,
Что для нас взрастил лучший небосклон.

И сердца у нас, их вдыхая пламя,
Станут, как двойной пламенник возжен
Пред очами душ, теми зеркалами,
Где их свет вдвойне ясно отражен.

Ветер налетит тихий, лебединый,
И зажжемся мы вспыхкою единой,
Как прощанья стон, долгов и тяжел;

Чтобы, приоткрыв двери золотые,
Верный серафим оживить вошел
Матовость зеркал и огни былые.

* *La mort des amants* (1851) – первое стихотворение из цикла "Смерть".
Впервые опубликовано в Wiener Slawistischer Almanach, Band 9, 1982.

МУЧЕНИЦА *

Среди флаконов, ваз, среди материй сонных
И сладострастно-мягких соф,
Картин, и мраморов и платьев надушенных
В небрежных складках из шелков,

В нагретой комнате, где, как в оранжерее,
Опасен воздух роковой,
Где мертвые цветы, в гробах стеклянных млея,
Роняют вздох последний свой,

Там труп без головы в подушках пропадает,
А из него, как бы река,
Кровь красная бежит, и ткань ее впивает
С голодной алчностью песка.

Подобна призракам, рожденным тьмой ночью,
Но полным чар и волшебства,
Вся в драгоценностях, обвитая косою
Такою темной, голова —

На столике ночном, как репнонкул огромный,
Лежит; и уж без дум глядят
Открытые глаза, роняя смутный, темный,
Как будто сумеречный взгляд.

А туловище там, раскинуто впервые
В таком последнем забытьи,
Открыло, не стыдясь, не прячась, роковые
Нагие прелести свои.

На согнутой ноге остался, розовея,
Как память о былом чулок;
И пряжка, точно глаз алмазный пламенея,
Глядит и взгляд ее глубок.

Необычайный вид покинутого зала,
Картины, на которой кровь,
Что подстрекающий наверно взор бросала,
Рождает темную любовь,

И радость грешную и празднества ночные,
Проклятых поныне чудес,
Которым радовались ангелы дурные,
Таясь меж складками завес.

Но если посмотреть на поворот несмелый
Плеча изящного ея,
На художавость ног, на стан оцепенелый,
Как разъяренная змея,

Она еще юна! — Ее душа пустая
И чувства скукой сожжены,
Открылись ли они остервенелой стае
Желаний чуждой стороны?

И тот, которого ты не могла, живую,
Своей любовью утолить,
Свои безмерные желанья над тобою
Насытил мертвой, может быть?

Ответь, нечистый труп! И голову за косы
Держа в трепещущих руках,
Запечатлел ли он последние вопросы
На ледяных твоих зубах?

Забытое толпой, исполненной глумленья,
И любознательным судом,
Спи, безмятежно спи, о странное творенье,
В гробу таинственном твоём;

Твой муж скитается везде, но образ вечный
Твой бдит над ним, когда он спит;
Как ты ему теперь, и он тебе, конечно,
До смерти верность сохранит.

* Впервые опубликовано в *Wiener Slawistischer Almanach*, Band 15, 1984.

К РАЗГАДКЕ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАЙНЫ

"Роман с кокаином" М. Агеева

"таккая сафпадение"

Роман с кокаином, стр. 46

Года полтора назад, из почти полной безвестности выплыло на свет Божий, благодаря двум-трем доброхотам и иностранным переводам, одно из прочно забытых беллетристических произведений, написанных в эмиграции, — *Роман с кокаином* некоего М. Агеева. До появления в 10-м, и последнем, номере журнала "Числа" (июнь, 1934) первой части повести имя Агеева в эмигрантских кругах было совершенно неизвестно.* Прошел слух, что рукопись была прислана из Константинополя. Но и после напечатания романа отдельной книгой (в 1936 или 1938 году, в издании нет даты) автор не дал о себе знать и больше никогда его имя — за исключением одного рассказа** — в печати не появлялось. В своей истории *Русской литературы в изгнании* Г.П. Струве высказал предположение, что М. Агеев — псевдоним. Однако ни в его книге, ни в критических статьях не было сделано попытки раскрыть подлинное лицо автора.***

Роман с кокаином — литературная загадка. Он написан виртуозно: незаурядная и новая в русской литературе фабула, главный герой, от имени которого ведется рассказ, выдержаны до конца; язык выразителен, смел, ярок. Все в романе обличает не

* Фамилию Аггев — с двумя г — прославил в начале века блестящий законоучитель, проповедник и публицист о. Константин Аггев (убит большевиками в Крыму, в 1920 г.). В начале эмиграции некто А.М. Агеев издавал в Софии сменовеховскую газету "Новая Россия" и был убит в ноябре 1922 г. "после того, как газета опубликовала документы, разоблачившие подготовку белого десанта генерала Покровского". (Л.К. Шкаренков. *Агония белой эмиграции*, М., 1981, стр. 93).

** *Парижский народ*, "Встречи", № 4, 1934. Перепечатан в "Русской мысли" от 2 февраля 1984.

*** Недавние догадки, основанные на сумбурных показаниях Л. Червинской, отождествляющие М. Агеева с неким Марком Леви, умершим в Константинополе в 1936 году, не заслуживают никакого доверия.

новичка, а, как выразился редактор "Чисел" Г. Адамович, "настоящего писателя".

Кто же скрывается под таинственным псевдонимом?

В нем никак нельзя распознать ни одного из писателей старшего поколения, приехавших на Запад уже совершенно сложившимися. *Роман с кокаином* ничего не имеет общего с орнаментально-фантастическим плетением словес А. Ремизова, ни с исторической философичностью М. Алданова, ни с кондовым бытописанием Шмелева, ни с зыбкой тихостью Зайцева, ни с густым бытовизмом Куприна, ни с мягкой иронией М. Осоргина. Пожалуй, в крепкой манере письма есть что-то от мастерства Бунина, но Бунина заметно приправленного модернизмом. *Роман с кокаином*, как по теме, так и по письму — вещь писателя, сформировавшегося в XX веке, владеющего изощренным психологическим анализом, смело нарушающего привычные табу, вобравшего в свой язык поэтический опыт начала века. Если Агеев — псевдоним, то автора младшего поколения эмиграции.

Повесть (так первоначально назывался роман) рисует нам накануне Первой мировой войны развращенного гимназиста (затем студента) — барчука, маменькиного сынка, бесчеловечно грубо относящегося к матери, обедневшей вдове, от которой материально зависит. Заболевший венерической болезнью, заразивший ею невинную жертву, утоляющий свою чувственность случайными встречами, Вадим Масленников познает возможность настоящей любви, но, от полной раздвоенности чувственности и духовности, любовь не удастся. От неудачи герой прибегает к кокаину, под влиянием которого в нем рождаются убийственные мысли о равнозначности добра и зла, и гибнет. Такой сложной и крепко сложенной композиции мы не найдем ни у сюрреалиста Темирязева-Анненкова, писавшего больше о советском времени, ни у рассудительно-рыхлого Газданова, писавшего об эмиграции. Из всех эмигрантских писателей только Сирин-Набоков достигал такого мастерства, причем построение *Романа с кокаином* напоминает целый ряд романов Набокова 30-х и более поздних годов. Не имеем ли мы здесь дело с одной из многочисленных литературных мистификаций, характерных для Набокова?

Раздвоение, опустошение, помешательство, гибель главного героя, всегда четко доминирующего и от имени которого прямо или косвенно ведется рассказ — такова ось большинства романов Набокова. Лужин (*Защита Лужина*, 1930), Мартын Эдельвейс (*Подвиг*, 1932), Герман (*Отчаяние*, 1936), Цинциннат (*Приглашение на казнь*, 1938) — каждый из этих героев раздваивается, уходит от реальности, в мечту, в болезнь, и гибнет, растворяется в небытии.

Как и Вадим Масленников в *Романе с кокаином*, герой Набокова раздвоен, если не развратен, то грязен, живет и действует вне моральных, а тем более религиозных категорий, в бездуховном, солипсическом мире. Наибольшее тематическое сходство роднит *Роман с кокаином* с *Подвигом* Набокова. Главный герой *Подвига*, Мартын, тоже гимназист, затем студент, повествование целиком вертится вокруг его судьбы: он — барчук, живет вначале с матерью-вдовой (она выходит вторично замуж, и Мартын будет материально зависеть от богатого отчима, которому грубит); в первой части, как и в *Романе с кокаином*, описывается гимназия (в Крыму), затем, следуя жизненному пути автора, идет эмиграция, учеба в Кембридже, и тут, как Вадим, Мартын переживает большую, но не осуществляющуюся любовь, ради которой идет на бессмысленный подвиг — переход советской границы — и гибнет. В *Подвиге*, как и в *Романе с кокаином*, ядро повествования — неисполненная любовь.

Но рассмотрим пристальнее: в *Романе с кокаином* хронология поразительно совпадает с двадцатилетним русским периодом жизни Набокова (1899–1919). Вадим — буквальный его сверстник: в 1915 году, когда начинается рассказ, Вадим, шестнадцатилетний, как и Набоков, находится в последнем классе гимназии. Война мало затронула его: "Когда война с Германией бушевала уже полтора с лишним года, гимназисты, а в том числе и я, потеряли к ней решительно всякий интерес". В тех же тонах вспоминает Набоков о своем увлечении некоей Тамарой летом 1915 г. в *Других берегах*: "Второй год тянулась далекая война". Вадим умирает в январе 1919 г.: в марте того же года Набоков навсегда покидает Россию.

Если хронология в *Романе с кокаином* точнее совпадает с набоковской биографией, чем в *Подвиге*, где герою всего лишь

15 лет, или даже в *Даре*, где герой старше автора на год, то топография *Романа* формально не набоковская. Действие происходит не в Петербурге и не в Крыму, которые Набоков хорошо знал, а в Москве. Но Москва в романе мало чем отличается от любого другого большого города, разве что упоминанием о кольце бульваров, о Тверской, да о памятнике Гоголю: это обычный и именно набоковский городской пейзаж, большей частью туманный, заснеженный или дождливый, с мокрым асфальтом и сложной световой игрой фонарей. Не то же ли перо писало в *Подвиге* о Лондоне: "Громадные автобусы яростно и тяжело разбрызгивали озера на асфальте" и в *Романе с кокаином* о Москве: "Тротуары и асфальт были еще мокры и фонари в них отсвечивались, как в черных озерах"?

Описанная классическая московская гимназия (без уточнения номера и местонахождения), с ее богатыми учениками, двумя евреями (Штейн и Айзенберг) и одним русским из старообрядцев (Егоров), скорее напоминает сугубо буржуазное Тенишевское коммерческое училище, которое Набоков окончил в 1917 г. В *Других берегах* Набоков бледно рисует Тенишевское училище (оно куда красочнее представлено Мандельштамом в *Шуме времени*). Но не оттого ли, что в последний год учения, увлеченный, как Вадим, любовной историей, Набоков целыми днями пропускал школу? Ничем не кончившаяся юношеская любовь, описанная в *Других берегах*, несомненно послужила прообразом неудавшейся любви в *Подвиге*, которая, в свою очередь, похожа на несчастливую любовь Вадима Масленникова. Схожесть *Подвига* и *Романа с кокаином* не только сюжетная (оба героя, Мартын и Вадим, гибнут после неудавшейся любви), но и ономастическая. В обоих произведениях главная роковая героиня названа Соней. Но это не единственное совпадение в именах: имя Вадима мы встречаем и в *Подвиге*, где оно принадлежит второстепенному герою, а затем в английском последнем романе Набокова *Look at the Harlequins*, где оно возвращено главному герою, одному из бесконечных двойников автора. Имя Нелли встречается во всех трех произведениях. Имя главной героини *Романа с кокаином*, Соня Минц, фонетически близко имени героини *Дара*, Зины Мерц. Именем Зина названа невинная жертва развращенных нравов Вадима, и так далее...

Эти совпадения и перестановки имен и ситуаций могли бы быть следствием подражания, если бы не были характерны для шахматной манеры писать Набокова. Четче, чем у других авторов, в его романах встречаются схожие герои, схожие ситуации, но всегда со смещением, с переменной в комбинациях, по принципу шахматной игры: та же фабула, но в других сочетаниях. Не так ли отношения Вадима с Соней напоминают одновременно отношения Мартына с Аллой Черносвитовой (и там и тут возлюбленные замужем, а мужа их на редкость похожи), но и отношения того же Мартына с Соней Зилановой...

* *
*

Но не только главная мысль и общая структура роднит агеевское произведение с романами Набокова: в *Романе с кокаином* рассыпан ряд побочных тем, отдельных описаний, мелких штрихов, которые носят явно набоковский отпечаток. Приведем здесь некоторые из этих тематических переключек.

1. В *Подвиге* герой Мартын Эдельвейс, приехав в Лондон, решает не ехать сразу в ожидавшую его русскую семью, а провести ночь с первой встречной, не проституткой, но уступчивой женщиной, и получает от этого "дебоша" полное удовольствие, несмотря на то, что встречная крадет под утро десять фунтов из его бумажника: "Когда же он вышел из гостиницы и пошел по утренним просторным улицам, то ему хотелось прыгать и петь от счастья".

В *Романе с кокаином* Вадим Масленников подробно объясняет нам, почему он не ходит к проституткам — ради самолюбивого удовлетворения "получить бесплатно то самое, что они предлагают приобрести за деньги", затем описывает поиски встречной женщины и ночь, после которой "чувствовал себя так изумительно хорошо, так чисто, точно внутри у меня вымыли".

2. Первая часть (кстати, это деление на части, а не на главы характерно для Набокова) оканчивается блестяще развернутым уподоблением человеческих отношений с шахматной игрой (воздавать должное противнику). И не из боязни ли быть узанным автор считает нужным заявить, что он совершенно в шахматах не разбирается?

3. В той же первой части вскользь упоминается бестолковость критики, которая продолжает выдавать "зарекомендованным писателям восторженные отзывы даже за такие слабые и безалаберные вещи, что будь они созданы кем-нибудь другим, безымянным (выделено нами, Н.С.), то разве что в лучшем случае они могли бы рассчитывать на такаджиевскую (имя одного из учеников гимназии) тройку". Это замечание, психологически мало правдоподобное в устах 16-летнего гимназиста, будущего юриста, гораздо более подходит к Набокову, не ладившему с эмигрантской критикой. Не здесь ли разгадка, если наша гипотеза правильна, псевдонимности *Романа с кокаином*? Не хотел ли Набоков, тогда уже зарекомендованный писатель, околпачить критиков, выдав им безымянный роман? (Он это с успехом проделал со стихами, поймав на этой мистификации не любившего его Г. Адамовича).

4. В *Романе с кокаином* имеется энергичное порицание антисемитизма. Во всех или почти во всех своих романах* Набоков проходится насчет этой мещанской слабости некоторых русских кругов, особенно в эмиграции. У Агеева антисемитизм разоблачает русский, гимназист Буркевиц, в ответ еврею Штейну, слабо защитившемуся от антисемитской выходки соклассников. По острой своей афористичности эта отповедь заслуживает быть приведенной целиком:

"Антисемитизм вовсе и не страшен, а только противен, жалок и глуп: противен, потому что направлен против крови, а не против личности, жалок, потому что завистлив, хотя желает показаться презрительным, глуп, потому что еще крепче сплочает то, что целью своей поставил разрушить".

5. Набоков не скупится во всех своих вещах на язвительные замечания по адресу советского строя, который он, равнодушный к политике, ненавидел всеми силами своей души. (Даже во время

* Особенно в *Даре*. Но и в своем последнем романе *Look at the Harlequins* Набоков возвращается к этой теме: "My wife coming as she did from an obscurant Russian milieu was no paragon of racial tolerance: but she would never have used the vulgar anti-semitic phraseology typical of her friends character and upbringing" (стр. 121). И в *Паршивом народе*, см. ниже.

Второй мировой войны он не поддался на сусально-патриотические настроения столь многих эмигрантов). *Роман с кокаином* не прошел мимо этой темы: в финале Вадима Масленникова доставляют в бредовом состоянии в госпиталь. "Его могла бы спасти хорошая психиатрическая санатория, попасть в которую, однако, в нынешнее социалистическое время не так-то легко. Ибо теперь, при приеме больных, руководствуются не столько болезнью больного, сколько той пользой, которую этот больной принес, или на худой конец принесет революции". Нужна протекция, Масленников узнает случайно, что его участь зависит от бывшего товарища по гимназии Буркевица, ставшего революционером и крупным коммунистическим начальником (факт маловероятный, поскольку ему всего лишь 20 лет, но Набоков редко заботился о правдоподобии развязок). Масленников немедленно обращается за помощью к Буркевицу, но тот ему отказывает. Этот отказ — последняя и прямая причина гибели Вадима: он умышленно отравляет себя сверхдозой. Последние слова, "нацарапанные скачущими буквами" на рукописи, оставленной Масленниковым, "Буркевиц отказал", служат эпитафией к повести. Так, несколько искусственно, что для Набокова обычно, конец связывается с началом, а заодно посрамляется советская власть с ее псевдогуманистическим идеалом и жестокостью на деле. Отказ Буркевица — иллюстрация проклятых "мыслей" Вадима, который приходит к заключению, что всякое движение к добру влечет за собой обратным ходом, как в качелях, еще большее движение ко злу. Тем самым, горе "Пророкам человечества", в частности социалистическим, но не только.

6. Порицание пошлости, которое вкладывается в уста Буркевицу, почти дословно напоминает определение пошлости в английской монографии Набокова о Гоголе:

"...болезнь..., которая в нынешнюю эпоху технических совершенствований уже повсеместно заразила человека. Эта болезнь — пошлость. Пошлость, которая заключается в способности человека относиться с презрением ко всему тому, чего он не понимает, причем глубина этой пошлости увеличивается по мере роста никчемности и ничтожества тех предметов, вещей и явлений, которые в этом человеке вызывают восхищение". Знаменательно, что единственное литературное имя, упоминаемое в *Романе с*

кокаином — Гоголь. Гоголь упоминается дважды, и оба раза по-набоковски. Сначала московский памятник Гоголю, что как раз характерно для набоковского письма: почти во всех его городских пейзажах стоит какой-нибудь памятник, который своим несоответствием живой жизни привлекает внимание героя. "Гигантские канделябры по бокам гранитного Гоголя тихо жужжали [...] А когда мы проходили мимо, — с острого, с каменного носа отпала дождевая капля, в падении зацепила фонарный свет, сине зажглась и тут же потухла". (стр. 74). Ср. в *Подвиге* "Мартын отметил, что у каменного льва Геракла отремонтированная часть хвоста все еще слишком светлая..." (стр. 213). В конце своих записок Вадим Масленников сравнивает свое душевное состояние кокаиномана "с состоянием Гоголя, когда последний пытался писать вторую часть Мертвых Душ. Как Гоголь знал, что радостные силы его ранних писательских дней совершенно исчерпаны, и все-таки каждодневно возвращался к попыткам творчества, каждый раз убеждался в том, что оно ему недоступно, и все же (гонимый сознанием, что без этого радостного горения — жизнь теряет для него смысл) эти попытки, несмотря на причиняемое ими мучительство, не только не прекращал, а даже напротив, их учащал, — так и он, Масленников, продолжает прибегать к кокаину...", разве не слышится в этой блестящей, мастерски построенной фразе, обличающей нутряное знакомство с Гоголем, но и желание принизить его религиозную драму, голос не какого-то Агеева, похоронившего себя в Константинополе, а самого Набокова, поставившего все свое творчество под знаком автора *Шинели* и написавшего о нем единственную свою литературоведческую книгу.

7. Все поклонники Набокова знают, какое место занимает в его жизни и творчестве — спорт. Нет книги, где не шла бы речь о велосипеде, боксе, теннисе, футболе... В *Романе с кокаином* тема спорта подана гротескно в кошмарном сне Вадима Масленникова, произносящего перед аудиторией увечных и уродов красноречивую речь о пользе спорта и о пошлости обожания спортсменов и их здоровых ляжек...

Эту игру в тематические переключки мы могли бы продолжить (хотя одна специфичная набоковская тема — о бабочках — отсутствует, но по ней он был бы немедленно узнан). Однако не только темы определяют беллетристическое произведение, но не в меньшей мере и их исполнение: приемы, стиль, язык.

По крайней мере три структурных приема, использованных в *Романе с кокаином*, носят безусловно набоковский характер:

1) Разрыв между Соней и Вадимом обозначен вставкой длинного, рассудочного письма Сони, занимающего целую главку: "Мне тяжело, мне горько подумать, и все же я знаю, что это мое последнее письмо к тебе..." Точно к такому же приему прибег Набоков под конец жизни в английском романе *Look at the Harlequins* для обозначения разрыва между Annette и Vadim'ом.* Письмо Anette занимает главку, выделено курсивом и, что поразительно, начинается буквально в тех же выражениях, что письмо Сони: "The step I have taken, Vadim, is not subject to discussion. You must accept my departure as a fait accompli".

2) Кульминационной точкой в *Романе с кокаином* следует признать двойной кошмар Вадима Масленникова, в котором он, весь пронизанный слабостью и страхом, дважды видит смерть матери, сначала от штыка стражника, приставленного к матери им самим, а затем через самоповешение. Как не вспомнить при чтении этого кошмара философию сна, набросанную Набоковым в романе *Приглашение на казнь*:** "Я давно свыкся, — говорит Цинциннат, — что называемое снами есть полудействительность, обещание действительности, ее преддверие и дуновение, то есть, что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, — больше истинной действительности, чем наша хваленая явь..."

Вадим видит смерть матери во сне, и только на последней странице книги мы узнаем, что мать его действительно умерла. Сон его был обещанием и преддверием действительности.

3) Почти всю четвертую часть *Романа с кокаином* занимает изложение мировоззрения Вадима Масленникова. Это "ужасней-

* В других романах Набокова мы часто встречаем вставные письма, но более короткие, менее существенные для интриги.

** Сны вообще обычный прием Набокова.

шее” мировоззрение ”состояло в том, что оскорбляло то светлое, нежное и чистое, которого, искренне и в спокойном состоянии, не оскорблял даже самый последний негодяй: человеческую душу”. Не менее безнадежная философия героя изложена в *Отчаянии*: глава VI (и последняя) развивает уверенность, что ”небытие Божье доказывается просто”, и хотя мысли Вадима как бы навеяны кокаином, а мысли Германа подсказаны душевным неравновесием, за этими сходными рассуждениями чувствуется страшный метафизический пафос отрицания, присущий Набокову.

* *
*

Свой основной прием, выражающийся прежде всего в языке, Набоков назвал в *Даре* ”многопланностью мышления”: ”Смотришь на человека и видишь его так хрустально-ясно, словно сам только что выдул его, а вместе с тем, несколько ясности не нарушая, замечаешь побочную мелочь — как похожа тень телефонной трубки на огромного слегка поднятого муравья и (все это одновременно) загибается третья мысль — воспоминание о каком-нибудь солнечном вечере на русском полустанке...” Осязательность (хрустальная ясность), метафоричность (телефон, как муравей), психологизация через одновременное восприятие и через анамнезис, — таковы своеобразные черты набоковского стиля во всех его произведениях. Но те же особенности в изобилии рассыпаны и в *Романе с кокаином*. ”Перелив многогранной мысли” влечет за собой многосоставные фразы с нагромождением причастий и деепричастий, с постоянным балансированием противостоящих или соседствующих восприятий (”с одной стороны ... с другой”, ”не потому, а поэтому”, ”вместе с тем” и т.п.). И Набоков, и Агеев (да и впрямь, Агеев ли?) владеют этими сложными периодами в совершенстве (см. выше виртуозную фразу о Гоголе). У обоих авторов (если только их двое) параграф в пол или в целую страницу составляет собою смысловую единицу, своего рода крохотную новеллу с завязкой, нарастанием и отчетливой развязкой в виде *pointe*.

”Когда заботливо прощупав в кармане сторублевку, ... я вышел на улицу, — было часов одиннадцать. Солнца не было, небо

было низким и рыхло бледным, но вверх нельзя было смотреть — слезило глаза. Было душно и парило. Мое беспокойство все усиливалось. Оно владело всеми моими чувствами и уже даже болезненно ощущалось в верхней части будто портившегося желудка. По дороге в цветочный магазин, проходя мимо модной и дорогой гостиницы, я зачем-то решил зайти. Толкнув четырехстворчатую карусель двери, в зеркальное стекло которой, дрогнув, поехал соседний дом, я зашел внутрь и перешел через вестибюль. Но в кафе было так пустынно, таким беспокойством путешествия пахли эти запахи сигарного дыма, крахмала скатертей, меди, кожи кресел и кофе, что почувствовав, что не высижу здесь и одной минуты, сделав вид, будто кого-то разыскиваю, снова вышел на улицу”.

”Зайдя в писчебумажную лавку, он купил полдюжины открыток и наполнил свое обмелевшее автоматическое перо, после чего направился в гостиницу Д., решил там прождать до последней возможности и уже прямо оттуда ехать на вокзал. Было около пяти, небо затуманилось, — белесое, невеселое. Глуше, чем утром, звучали автомобильные рожки. Проехал открытый фургон, запряженный парой тощих лошадей, и там громоздилась целая обстановка, — кушетка, комод, море в золоченой раме и еще много всякой другой грустной рухляди. Через пятнистый от сырости асфальт прошла женщина в трауре, катя колясочку, в которой сидел синеглазый внимательный младенец и, докатив колясочку до панели, она нажала и вздыбила ее. Пробежал пудель, догоняя черную левретку; та боязливо оглянулась, дрожа и подняв согнутую переднюю лапу. ”Что это в самом деле, — подумал он. — Что мне до всего этого? Ведь я же вернусь. Я должен вернуться”. Он вошел в холл гостиницы. Оказалось, что Д. еще нет”.

Где тут Агеев, где тут Набоков, пусть разберется сам читатель.

* *
*

От общестилистического анализа перейдем теперь к особенностям набоковского языка, к его семантическим полям

и своеобразным тропам (в основном метафорам). И тут самый поверхностный взгляд, который силой интуиции не уступает подсчетам электронных машин, выявляет поразительное сходство между Набоковым и псевдо-Агеевым. Возьмем, к примеру, глагол "морщиться", употребляемый Набоковым и в прямом, и в метафорическом смысле (у него вообще предметы наделяются человеческими чертами, и обратно — человек уподобляется предмету). Начиная с *Машеньки*, все персонажи Набокова только и делают, что морщатся.

В *Приглашении на казнь* (далее сокращаю: П.К.) уже морщится темнота, а в *Романе с кокаином* (далее сокращаю: Р.К.) морщатся не только люди, но морщится и дом, морщатся цветы (тот же анализ можно проделать и с глаголом "моргать", не менее повторным у Набокова, чем у Агеева).

Набоков обращает пристальное внимание на тело, на его составные части: спину (лопатки), руки (локти, ладони), ноги (колени, ляжки, щиколотки, подошвы, особенно носки). То же и у Агеева. Всех переключек здесь не привести, ограничимся первыми попавшимися примерами:

"...и тот горбатясь проворно отступил" (П.К., стр. 185).

"...только спина его еще больше сгорбатилась" (Р.К., стр.44).

"...опираясь одними лопатками и ладонями" (П.К., стр.57).

"...пианист здорово работал локтями, лопатками и всей спиной" (Р.К., стр. 111)...

Характерны для Набокова неожиданные метафорические "фруктовые оттенки", но то же и у Агеева:

"...абрикосовую луну перечеркнула туча" (П.К., стр.178).

"...видны были пузатые столбики балконной ограды, очерченные абрикосовыми отсветами" (Р.К., стр.90).

А теперь пойдите догадитесь, у кого из двух авторов "персиковая ляжка", "мандариновый огонек папиросы", "сливочный оттенок на щеках"! У кого "красное, как апельсин королек, солнце", а у кого "расплюснутыми апельсинами просвечивало горевшее в вагоне электричество"?

Характерна для Набокова и его двойника Агеева фонетическая деформация с издевательской интонацией. В *Приглашении на казнь* директор тюрьмы говорит Цинциннату: "Будет, я тозе хочу" (стр.86). В *Романе с кокаином* (не того ли же автора?) сын за столом злобно

передразнивает заботливую мать: "ффкюсне" произнес я с отвращающей гримасой" (это "ффкюсне" потом отзовется в страшном сне Вадима Масленникова).

Характерны для Набокова и Агеева (неразлучная пара) воспроизведение звуков голоса или шумов:

"— Бу, бу, бу, гулко бормотала она" (П. К., стр. 194).

"— Тук-тук, стучал штемпель" (Подвиг, стр. 213).

"...Тиштиштиштиш, — быстрым, сливающимся шепотом высвистывает Нелли" (Р. К., стр. 129).

"...лихач ... отрывисто припевал кротким бабьим голоском — пр., пр., пр..." (Р. К., стр. 14).

Набоков и Агеев (водой не разлить) любят разнообразить выражения шумов, прибегая иной раз к неологизмам. Опять зададим загадку: у кого "начали тилибинить колокола", а у кого герой "заблябал с полным равнодушием"; у кого "стрекотание колес", а у кого "сухо застрекотала струя"?

Чутки Набоков и Агеев (и впрямь близнецы) к походке, к шагам — к их разнообразному звучанию, — к спотыканию, то медленное, то быстрое движение ног то и дело натывается на препятствия...

Мы могли бы привести еще длинный ряд общих речений и семантических полей (гул, мускул, лоск, нервный, пятнистый и т.д.) или своеобразных сравнений (геометрические фигуры, например), но сказанного достаточно, чтобы считать авторство Набокова установленным если не окончательно, то с такой долей вероятности, что мало оставляет места возражениям.

Разве что мы здесь имеем дело с безукоризненно-блестящим подражанием? Но кто из эмигрантских писателей был на уровне набоковского мастерства, кто и с какой целью на такое подражание отважился бы?

Последнее сомнение, если таковое еще имеется, должно исчезнуть после внимательного прочтения небольшого рассказа, *Паршивый народ*, подписанного тем же М. Агеевым и напечатанного в том же 1934 году в недолговечном журнале "Встречи" (всего вышло 6 номеров).^{*} Казалось бы по первым строкам — нет, это

^{*} Набоков обещал редактору М.Л. Кантору дать в новый журнал рассказ, но так ничего и не прислал, по крайней мере под своей фамилией (письмо от 10.03.34 — не опубликовано).

не Набоков: "В годы 23—24 в Москве я был без работы". Описание Московского губсуда, советского быта, которого Набоков не знал, наводит сначала на мысль о другом авторе... Но вчитываясь, понимаешь, что на самом деле реального быта в рассказе совсем мало, а что и содержание, и исполнение его типично набоковские. В нем три темы сразу: на фоне жестокости советского режима — смертный приговор — обличение антисемитизма. Молодой еврей — "паршивого народа" — один испытывает стыд и жалость, когда приговаривают к смерти коммуниста Руденко, который в годы революции грабил крестьян и убивал евреев... Но к тому же в рассказе мы имеем не то начало, не то зародыш будущего романа Набокова *Приглашение на казнь*, как бы его первые и отброшенные страницы. В рассказе чтение приговора занимает центральное место; в романе ему отведено всего лишь три начальных фразы. В рассказе приговор произносит председательствующий, носящий странное, нереальное имя Синат, но оно становится понятным, благодаря роману, где приговоренный к смерти назван Цинциннатом... Ономастическо-сюжетная инверсия — столь типичная для Набокова — основана на двойственном облике известного римского политического деятеля, после диктаторства вернувшегося к своим земледельческим занятиям (признак отрешенности), что не помешало ему позже, снова в должности диктатора, одобрить убийство строптивого Мелия и велеть срыть до основания его дом.

Теперь уж кажется излишним приводить и стилистические доказательства в пользу авторства Набокова: весь рассказ испещрен его любимыми телесными речениями: "стражники... дернув спинами и локтями, выхватили шашки", "вытер ладонью лицо", "ладонью прогладил усы", "руки, которые он ладонями жал к бедрам, как бывает у сильных людей, не совсем разгибались в локтях" и т.д. и т.д.

Остается рассмотреть два вопроса: почему современные критики не распознали в Агееве Набокова и почему Набоков, хотя бы в конце жизни, не раскрыл своего псевдонима?

Что Набоков, печатая *Паршивый народ*, прибег к псевдониму, легко понять: он тогда еще прочно жил в Берлине (Nestor str. 22 — Halensee) и апология еврейства могла навлечь на него крупные неприятности.

В *Романе с кокаином* Набоков скрылся под псевдонимом не по политическим причинам.

По всей вероятности он хотел обличить предубежденность и недалекость критиков.

В каком-то смысле мистификация слишком удалась: Агеев остался малозамеченным и привлекать внимание к своей мистификации Набоков из самолюбия может быть счесть излишним. Уже очень *Роман с кокаином* по структуре, по общему смыслу похож одновременно на *Подвиг* и на *Отчаяние*: *Подвиг* — красочнее, автобиографичнее, *Отчаяние* — страшнее. К тому же в 1938 г., когда *Роман с кокаином* появился отдельной книгой, вышло уже *Приглашение на казнь*, а в "Современных записках" печатался *Дар*: в обоих этих вещах мастерство Набокова возшло на новую ступень...

Можно предположить, что игры ради Набоков хотел оставить после себя роман без имени, как бросают на авось бутылку в море. Если так, то он оказался прав. Из безымянных или малоизвестных произведений эмигрантской литературы *Роман с кокаином* полвека спустя после написания выплыл наконец на берег известности. А завтра, смеем надеяться, он станет девятым по счету русским романом одного из самых виртуозных, но и жутких писателей XX века.

ОБ АНТИЛИТЕРАТУРЕ И ИНИЦИАЦИИ

*"Не следует давать имя искусства
тому, что называется не так".*

А. Блок

Давным-давно Пришвин напомнил нам о рассказе Глеба Успенского "Выпрямила", отметив, однако, что уже во времена его молодости рассказ этот казался большинству его сверстников смешным. С тех пор столько раз терялся, менялся и обретался в прежней нетерпимости готовый общий ответ на вопрос о смысле и цели изящной словесности и искусства вообще, что, мне кажется, пришла пора снова подтвердить верность истине, в которую полностью (хоть и на свой, во многом чуждый нам лад) верил Глеб Успенский и признавал лукавый Пришвин, — "Красота спасет мир".

Спасет — это сказано в будущем времени. Этому еще предстоит случиться. И это означает — в том случае, когда речь идет о красоте, сотворенной руками человека, об искусстве, — что спасение мира зависит от нас. Спасет, если будет существовать. Если сотворенное нами будет *искусством*, оно спасет мир. Как же надо работать, чтобы это удалось? То есть — что такое искусство? Как отличить его от неискусства или от антиискусства, если проверка перенесена (все еще перенесена — ведь не сегодня конец света!) в будущее — когда спасет или нет? Я не стану даже пытаться ответить на эти вопросы в отношении искусства вообще. Но в применении к словесному искусству, к литературе и антилитературе попробую высказать несколько соображений. Ведь критерий необходим в наше время, иначе мы потонем в макулатурном море.

Обратимся снова к рассказу "Выпрямила". Там повествуется о переломном моменте в жизни некого человека, то есть о том, как "выпрямилась его душа" под влиянием созерцания Венеры Милосской. Это не только аллегорическое утверждение веры в

будущее торжество красоты, это в первую очередь — история одной души. Речь идет в этом рассказе о том, как герой стал другим человеком, то есть — об инициации. И это и есть одна из важнейших, на мой взгляд, особенностей "большой" литературы. (Хотя сам рассказ Г. Успенского, разумеется, не принадлежит великой литературе — это, скорее, проект замечательного рассказа, а не написанное сочинение). Она говорит об инициации, то есть о том, как человек становится взрослым, находит себя самого. Об этом много писали. Весь фольклор напитан образами, связанными с инициацией — мифы, легенды, волшебные сказки. Так же и великое искусство всех народов — трагедии,* эпические поэмы, эллинистический роман, европейский воспитательный роман etc. etc. — всегда как-то связано с инициацией. Юнг (прошу прощения, что так грубо и примитивно излагаю важнейшую его идею) полагал, что инициация (и мифы, и обряды) и з о б р а ж а е т процесс взросления человеческой души. И то же самое делает и литература, так как каждого человека в сущности интересует только его собственное становление: об этом он думает, пишет и читает. Другие люди (например, В. Я. Пропп) полагают, что литература связана с инициацией не прямо, а только через фольклор, особенно через волшебную сказку, породившую очень много произведений искусства (например, гофмановский "Золотой горшок" и "Генрих фон Офтердинген" Новалиса — оба очень похожи на волшебную сказку и очень явно изображают инициацию). Третьи считают, что литературу типа европейского романа XIX века объединяют с инициацией только законы повествования: уход героя (способ выделить его), приключения, опасность, возвращение. Мне кажется, впрочем, что законы повествования все же чуть шире, чем схема инициации, и сюжеты "великих" романов развиваются именно по этой суженной схеме — спуск в преисподнюю, встреча с Другим, выбор, смерть, подъем и возвращение-воскресение. Но это даже не

* Проф. Ш. Пинес оказал мне честь прочесть эту работу в рукописи и указал на неточность отнесения к этому кругу сочинений греческой трагедии в целом. С благодарностью принимая это замечание, осмелюсь только добавить, что в греческой трагедии происходит часто нечто большее инициации, а именно, жертвоприношение, т. е. смерть и воскресение — прямо на сцене.

так важно. Главное, что связь эта несомненна, и не составляет труда в заинтересовавшем нас произведении — например, в "Евгении Онегине" или в "Архипелаге ГУЛаг" — выделить сюжетные повороты, восходящие к мифу и обряду инициации. Не хотелось бы долго останавливаться на этом первостепенном по важности, но вообще-то достаточно известном факте, но я боюсь, что дальнейшее будет не вполне понятно, если не проиллюстрировать наудачу взятым примером, как именно инициация выражается в литературе.

Обратимся к переломному моменту в жизни Алеши Карамазова, к его духовной инициации. Это в применении к Алеше — важнейшие страницы романа, следовательно — основное внимание Достоевского обращено к инициации любимого героя. Как она происходит? Сначала мы видим Алешу живущим при старце в его келье в полном согласии с духовным отцом. В данном случае, так как речь идет о духовном перерождении Алеши, а не о его физическом взрослении, духовный отец заменяет физического, и житье Алеши при старце соответствует пребыванию подростка с родителями внутри племени до инициации. Смерть старца обрывает это "детство" Алеши, но незадолго до нее старец уже указывал ему на необходимость странствий, "посылал в мир", то есть его инициация подготовлена старцем и происходит в заранее определенное время, как это и бывает в "примитивном" обществе. Алешин уход в мир сразу после смерти старца вызван его сомнениями относительно святости о. Зосимы, что соответствует нарушению инициантами религиозных и социальных норм племени. Его сомнения и выражаются в таких нарушениях запретов (колбаса и водка), поскольку это ритуально подобает подростку. И сам его уход в мир оборачивается спуском в преисподнюю — к блуднице Грушеньке. Он "идет погибнуть", как сам говорит Груше, и это напоминает путешествие подростка в инициации, когда его вводят в темную пещеру или в другое подобное место, символизирующее смерть. Идет, как опять-таки бывает всегда в таком обряде, не сам, а ведомый проводником — Ракитиным, принадлежащим в равной мере тому и этому миру и поэтому хорошо знающим дорогу к Грушеньке, в ее "темные" комнаты. Ракитин же, то есть проводник, требует свечей и подводит Алешу к Грушеньке, то есть

к лицу, встречаемому в обители смерти, ее олицетворению, или — иначе говоря — к Другому. И момент окончательной смерти оказывается вместе с тем начальным моментом воскресения. Грушенька, сидя на коленях у Алеши, произносит: "Господи, так умер старец Зосима!" И творит крестное знамение. Эта смерть, переживаемая Алешей как собственная, соответствует символической смерти, переживаемой иницирующимися юношей. Кстати, в этой главе Алеша несколько раз называется безлично "юноша", и этим подчеркивается и возраст, и общечеловеческий характер происходящего с ним. А восклицание Грушеньки, ее священный жест и то, что она соскакивает с Алешиних колен, напоминает начало нового этапа инициации — освобождения от смерти и постижения тайных мифов племени. Миф не заставляет себя ждать: несколькими строками ниже Грушенька рассказывает Алеше "басню", то есть притчу о луковке. Эта притча затем вливается в видение брака в Кане, в евангельский текст, т.е. оказывается связанной со священным. И уже просветленный, защищенный сокровищем, которого еще не знает точно, но увидел во встрече с Грушей, Алеша начинает обратную дорогу — наверх. "Я потерял сокровище, — говорит он Ракину, — (то есть детскую до искушения веру) и в душе этой (Грушиной) может быть сокровище". Выводит его тот же проводник-психопомп Ракин, но оставляет, указав: "Вот твоя дорога!" — с его точки зрения и вообще, с "той" стороны, это все еще восхождение из преисподней — дорога во мрак. Но появляется уже и образ воскресения и "светлая хрустальная дорога". Придя в свой монастырь, то есть вернувшись к "племени", Алеша застаёт в келье гроб и чтение Евангелия. Гроб этот, с одной стороны, в плане инициации означает окончательный разрыв с детством: в этом гробу лежит не только старец Зосима, но и Алеша — послушник, не самостоятельный взрослый человек, а слушающийся старца мальчик. С другой стороны, "перед гробом этим он пал, как перед святыней, но радость... сияла в уме его и в сердце его". То есть он уже прикоснулся к смерти, знает ее, не боится и готов провидеть в ней воскресение — в этом и состоит смысл инициации. И читается Евангелие о браке в Кане. Это и формально легко связать с инициацией, так как только после совершения всех обрядов инициации могут начинаться приготовления к свадьбе, и фольклорные образы

инициации обыкновенно заканчиваются браком. Но более глубокий смысл этого чтения раскрывается в сонном видении Алеши. Этот брак, на который он призван, есть общее воскресение, брачная вечеря Агнца. И потому, что он луковку подал, то есть, сойдя в преисподнюю, не испугался ее лица и не погиб, но, напротив, нашел там сокровище в другой душе (сам оживив ее), нашел силы для воскресения, — он призван пережить во сне образ воскресения и получить благословение на дело своей жизни. Именно чтение евангельского текста, символизирующего (в данном случае — над покойником) воскресение, и сон о воскресении подготавливают Алешу к окончательному моменту, к "апофеозу" инициации. Он выходит из кельи, но не из монастыря, то есть остается как бы в пределах "стана", но не в отчем доме. И, оставшись наедине с землей, с миром Божиим, он переживает преображение, вызванное божественным присутствием, как это тоже бывает в инициации — непременно участвует бог в маске, или божественный голос, или какой-то особый звук и т.п., и как это должно быть по самому ее смыслу — без божественного вмешательства человек, может быть, может еще умереть, но не воскреснуть. Инициация же завершается воскресением. Алеша слышит что-то внутри себя: "Прозвенело в душе его", и это очень неясно, но это — прикосновение Бога. "Кто-то посетил мою душу в тот час", — говорил он потом. И благодаря этому становится окончательно самим собой. Никаких новых событий не происходит с ним в этот момент — вся инициация уже прошла. И никаких новых знаний он не получает, так как он их уже получил. Но острейшее переживание единства Вселенной и внезапное знание того, что у него есть место в этом единстве, полностью открывают Алеше его истинное лицо и его назначение. "Какая-то как бы идея воцарялась в его уме, и уже на всю жизнь..." Описание Алешиного преображения завершается фразой, которая может служить сама по себе формулой, определением инициации: "Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал, и почувствовал это вдруг..." Это и есть "удачная" инициация, ее счастливый итог — человек становится самим собой, взрослым, и осознает это. (Дальше описывать его душу, рассуждать о ней — нечего. Он "начинает дело свое" — выходит из монастыря, но не в начальном подростковом бунте, а в согласии с собой и с волей

старца, повелевшего ему пребывать "в миру"). Позволю себе привести целиком весь этот уже цитированный по клочкам абзац, изображавший, так сказать, апофеоз Алешиной инициации:

"Он не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. "Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои..." — прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и "не стыдился иступления своего". Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, "соприкасаясь мирам иным". Простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а "за меня и другие просят", прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. "Кто-то посетил мою душу в тот час", говорил он потом с твердой верой в слова свои..."

Я процитировала этот отрывок, несмотря на его широкую известность, чтобы подчеркнуть значение инициации как факта в жизни отдельного человека и, соответственно, как момента изображаемого. Достоевский берет самые торжественные слова,

самые космические образы, чтобы передать состояние Алешиной души в те минуты. Вот что такое инициация будущего "героя" — как бы говорит нам писатель. Вот какая это важная вещь, и действительно, искусство не может оторваться от этой темы, как и человеческий ум не может оторваться от вопроса: "Как принять смерть, как победить ее, что дает нам силы жить в постоянном присутствии смерти?" Видно по этому отрывку, что Достоевский с большой откровенностью раскрывает нам этот секрет искусства — образ воскресения, лежащий в душу человека как завершение инициации, побеждает факт смерти, переживаемой в процессе ее.

Итак, казалось бы, получен ответ. Он в сущности представляет собой развитие слов Пастернака: "Есть искусство. Оно интересуется не человеком, но образом человека. Образ же человека, как оказывается, — больше человека. Он может зародиться только на ходу, и притом не на всяком. Он может зародиться только на переходе от мухи к слону". То есть в процессе созревания (Пастернак говорит тут же об этом подробнее), точнее говоря — в инициации. Договаривая за поэта, мы сказали — именно фактом смерти человека в процессе его инициации и образом его воскресения и занято искусство.

Но тут есть загвоздка, и она в том, почему так настойчиво мы сопоставляем слова "факт" и "образ", почему — только образ воскресения? Дело в том, что при всей почти литургической, почти проповеднической открытости "Каны Галилейской", все же искушение и воскресение Алеши описаны не совсем одинаково. Старец умирает на самом деле, его отпевают и хоронят. Грушенька в самом деле (при свидетеле Ракитине) сидит у Алеши на коленях. Правда, в самом деле происходит и разговор между ними и Алешино возвращение, так что инициация его во всяком случае действительна. Но "брачный пир" Алеша видит во сне, и окончательное преобразование его происходит в одиночестве, без свидетелей. И о божественном голосе говорится тоже в очень субъективных выражениях: "что-то" прозвенело в душе его, "кто-то" посетил. Ощущаются даже в таком сочинении, как "Братья Карамазовы", скороговорка и неуверенность. В других произведениях мировой литературы эта особенность выступает еще сильнее. Чаще всего

завершение инициации, воскресение героя отождествляется с его свадьбой, но брак почти никогда не описывается. "Э, — сказал входя Муромский, — я вижу, у вас дело совсем уже слажено. — Читатель избавит меня от необходимости описывать развязку".

Нечто подобное наблюдается, осмелюсь сказать, даже в Евангелии. В описаниях явления Христа ученикам по воскресении тон евангелистов (особенно это заметно у ап. Иоанна) меняется. Язык становится смазанным, неуверенным, торопливым. Грамматические конструкции, несмотря на вроде бы вневременный аорист, связанные временем, ломаются при попытках описать вневременную ситуацию Воскресения Христова, произошедшего, тем не менее, в четко определенное время. Язык отступает перед тайной. И это несмотря на то, что пишет очевидец! Человек оказывается почти бессилён передать свой личный опыт в рамках нашего земного языка.

Если же так трудно очевидцу говорить о факте воскресения, то неудивительно, что искусство говорит об образе воскресения — и тоже с трудом. И миф и великая мировая литература рассказывают убедительно и подробно о смерти героя и сжато и туманно, часто в будущем времени или условно, о б р а з н о — о его воскресении. И могло ли быть иначе? Ведь искусство — это творение человека, а человек сам не может воскреснуть, воскрешает Бог. Если бы искусство могло адекватно изобразить воскресение, чтение, скажем, "Войны и мира" было бы литургическим занятием. Конечно, говоря грубо и просто: "все помрем". Смерть — это событие каждой жизни. С каждым это случается — умирают близкие, и сам человек убивает, болеет смертельно, грешит смертно (умирает душа) и видит, слышит, читает ежедневно о смерти, болезнях, грехах. Поэтому нечего удивляться, что мы можем так точно и подробно описать, как это бывает — смерть. Но недаром поэт сказал: "у смерти очертаний нет", недаром плачет Церковь словами Иоанна Дамаскина: "вижу во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту бесславную, безобразную, не имущую вида". У трупа — нет образа. Поэтому он не может быть достаточным содержанием искусства. Но ведь смерть — не единственное содержание нашей жизни. В нашей жизни есть и любовь Божия к нам и наша любовь к Богу. И наше творческое

содружество. И есть в нашей жизни Воскресение Христово и образ нашего собственного воскресения. Трудность тут в том, что смерть происходит внутри жизни, во времени, а воскресение (например, как причастие к Христу в причастной Чаше) вневременно или в будущем времени, вне нашей жизни, нашей сиюминутности. Поэтому случаются с нами грехи и сомнения. Поэтому мы говорим, что жизнь есть трагедия. Но так же — и в искусстве. Искусство не ограничивается описанием безобразного тупа человека, оно говорит и о воскресении его, данном поистине, но только в образе или в будущем времени. Поэтому мы ощущаем стыд, неуверенность и тоску, описывая обновление, преобразование человека или даже просто — сочиняя хороший конец, хотя знаем, что именно это есть истина нашего творчества. Поэтому искусство, литература — есть трагедия.

А вот антиискусство, антилитература — нет, потому что говорят о смерти без воскресения, т.е. о факте без образа. И оказывается — все попытки создать образ из смерти тщетны. Сколько ни умножай насилия, пытки, убийства, они не становятся чем-то бóльшим себя, они не указывают ни на что другое. Они говорят о нашем грехе или о нашей ограниченности и более ни о чем. Но если просто констатировать это, если в рассказе, изображающем инициацию, оборвать вторую половину — восхождение, это еще будет правда, но не вся правда. Это просто неинтересно, как сообщение "все помер", сделанное внезапно и без комментариев. Это одно из излюбленных теперь общих мест. Но антилитература пытается идти не дальше этого сообщения, так как дальше смерти, по ее мнению, ничего нет, кроме бани с пауками, а — вглубь его. Что же внутри смерти, распада, греха? НИ-ЧЕ-ГО. И не небо воздвигает антилитература над адом, а ложь строит над пустотой. У нее нет другого выхода — поскольку из смерти самой по себе ничего не образуется, — как объявить ложью воскресение (и это легко на том основании, о котором только что говорилось); и утверждать, клясться, божиться, что смерть есть, а воскресения не будет. Но антилитература не может остановиться и на этом, так как она не хочет (и не может, так как сразу погибает от такого соседства) существовать рядом с литературой, она хочет выступить буквально "анти", вместо нее, вытеснить ее совсем. Поэтому она

следует литературе в сюжетном повторении инициации, но заменяет ее антиинициацией: человек сходит в преисподнюю, умирает или убивает и узнает тайну, сокровище истины — смерть. Он причащается смерти и не возвращается в мир, но это и не нужно, так как, причастившись смерти, он узнает, что никакого Божьего мира и нет — существует только ад (или пустота, смерть, тление и распад), и все смертники грызут друг друга в этом аду. Больше ничего нет. Таков ложный миф антимитологии. И настолько он непродуктивен, настолько необходим искусству образ, настолько оно неотделимо от него, что даже этот дурной (и прямо неверный, если проверить его этнографически и историко-филологически) миф значительнее, чем художественные результаты антимитологии.

Но — она читается. Почему? Можно было бы просто сказать, что не все люди верят в воскресение и носят в душе образ Воскресения Господня, и те, кто не верят, предпочитают антимитологию в нашем понимании, считая ее литературой. Но на это легко ответить, что человек (любитель искусства) может быть, то есть считать себя, неверующим, и все же предпочитать в музыке баховские "Страсти по Матфею" гимну Советского Союза. На самом деле, конечно, все люди носят в себе этот образ и поэтому ждут от литературы подкрепления в нем, спасительной красоты, но пусть они делают вид, что не знают этого. В чем же причина того, что антимитология читается? Почему она существует?

Чтобы понять это, обратимся сначала к самому верхнему, художественно нейтральному слою антимитологии — к газете. Довольно значительная часть человечества читает исключительно газеты, вообще — периодику, и почти все человечество так же и прессу, хотя бы иногда. Газета простодушно и откровенно заменяет литературу. Как она это делает? Она сообщает нам (я оставляю в стороне важные политические и экономические сообщения и говорю только о "похождениях сыщиков, снимках людей знаменитых") обо всех смертях, насилиях и прочих преступлениях, которые произошли около нас, но мы их не видели. Теоретически мы знаем, что такие вещи происходят в нашем мире повсеместно и ежесекундно, и если мы не в силах помочь жертве, то незачем бы и читать, — тем не менее, мы читаем, и это нас задевает. Но если пойти дальше, то люди, которые не умеют читать и не читают даже

газет, любят слушать страшные истории — например, слухи о маньяке, убивающем женщин в красном, или о блатном, проигравшем в карты четырнадцать детей. И, наконец, все люди, все мы, читающие, пишущие, знающие, если мы идем по улице и видим, как один человек бьет другого, останавливаемся и смотрим. Нам это неприятно и нам это отчего-то важно, и это запоминается, и чем более жутко и отвратительно то, что мы видели, тем крепче оно запоминается. Это закон человеческой психологии. Возможно, существует теория, и не одна, должно быть, объясняющая его убедительно или даже верно, — это несущественно сейчас. В данном случае важно только то, что к психологии творчества и художественного восприятия он не относится. Пресса же использует именно эту особенность человека. Но она не скрывает этого и не утверждает, что в ней содержится конечная истина.

Антилитература более глубокого слоя, "художественная", постоянно утверждает это, а между тем, основа ее популярности та же самая, что у газеты. Как бы безобразно и бессмысленно не было описано — особенно внутри русской непривычной словесности — житье матери с сыном, вампиризм и труположество, истязания и самоистязания детей в детском саду etc. etc., это привлекает, хотя бы ненадолго, внимание читателя и останется у него в памяти. Если же будут произнесены какие-то слова о свободе и тоталитаризме, или о смерти и правде и проч., то не очень искушенный читатель поверит, что перед ним поставили проблему (но не намекнули даже на ее решение, ибо их правда всегда состоит в безысходности), ввели его в мир настоящих ценностей, что таково теперь искусство, ведь не может же писатель низачем изобразить, как в детском саду ребятишки матерятся и кощунствуют, сидя на горшках. И если некий автор от первого лица описывает блуд в храме, читатель не в силах поверить, что это всего-навсего метафора его эмигрантского страха и сдачи перед лицом Запада. Он думает, что писатель научил его чему-то, открыл ему истину. Какую же истину? Все ту же ложь мещанского страха: все помрем, все люди — враги и т.д. и т.п. Только это и есть — антилитература: сюжет убийства вместо сюжета инициации, подробности ужасов, бьющие по нервам, и ложь о смерти взамен образа воскресения.

Очевидно, необходимо привести какой-то подробный пример, но очень трудно выбрать из моря антилитературы произведение, которое будет менее противно, чем другие, и о котором все-таки можно что-нибудь сказать. Но после долгих колебаний я решила все-таки очень бегло и схематично разобрать одну книгу. Это старая книга, и не случайно я обратилась именно к ней. Эта книга, точнее, ее русский перевод, ставший известным у нас на родине с середины тридцатых годов, поразила отечественную литературу и продолжает влиять на нее до сих пор. Я имею в виду "Путешествие на край ночи" Луи Селина в переводе Эльзы Триоле. То, что впечатление, произведенное этой книгой, живо до сих пор, видно хотя бы из того, что наиболее скандальное сочинение эмигрантской антилитературы представляет собой по существу шарж на нее, даже не на всю, а только на описание путешествия Фердинанда в Америку. Критика, помнится, восхищалась тем, как талантливо передан в современном произведении страх советского эмигранта перед капиталистической Америкой. Но эти пассажи целиком навеяны Селином, умеющим действительно мощно передать неприкрытое чувство страха — основное душевное свойство его героя. Впрочем, по слову Цветаевой, "страх из всех душевных свойств — есть свойство физическое". Но не только по той причине мы останавливаемся на "Путешествии на край ночи", что эта книга — родоначальник теперешней антилитературы. Есть и еще две причины. Первая — Селин был талантлив, он — наиболее талантливый антилитератор XX века, поэтому об этой книге можно говорить всерьез — она существует. Во-вторых, так как он был первым, он писал зачастую с полемической открытостью, его книга — манифест начинающейся антилитературы, поэтому все то, о чем говорилось выше, в ней высказано очень прямо и ее легко обсуждать.

Как она устроена? Сюжет ее развивается по антиинициационной схеме, но отчасти из-за слабости композиционного мышления автора и его неумения ограничиться в числе впечатляющих эпизодов, а отчасти из-за его стремления передать и в самом сюжете ощущение хаотической бессмыслицы и бреда, эта схема трижды повторяется прежде, чем вполне завершиться. Первое инициационное путешествие — спуск в преисподнюю — герой совершает, когда идет

на войну. Он десятки раз называет войну адом, ночью, кошмаром etc., так что это очевидно. Он проходит инициацию на войне в двух формах — неполную, когда получает ранение (частичная смерть — например, увечье, ранение — обозначает в обрядах инициации настоящую смерть), и духовную, но отрицательную, когда полностью проникается страхом смерти: "Внезапно война открылась передо мной целиком. Я потерял девственность", — говорит Фердинанд, и спустя несколько строк — "У меня хватило практической на то, чтобы стать окончательно трусом". Это классическая формулировка неудачной инициации; прикоснувшись к смерти, человек смог постичь только ее — и ничего за ней.

Дальше, собственно, ничего существенного не происходит. Второе путешествие Фердинанда, в Африку, то есть в "пекло", в ад, есть такое же неудачное инициационное путешествие. В аду очень жарко, и все люди там оказываются чудовищами, и если встречается упоминание о хорошем человеке (сержанте Альсиде), то тут же добавлено, что племянница, ради которой он работал и страдал, его забыла. Хотя это ниоткуда не следует — просто таково убеждение автора. Вторая инициация героя заключается в окончательной потере чести и достоинства ("Мое самолюбие меня покинуло, так сказать, официально"), а также в том, что он заболевает тропической лихорадкой (частичная смерть, как ранение в первой части) и его продают на галеру (превращение в вещь — это метафора смерти и такой же вариант инициации, как и превращение в животное, например, в "Золотом осле").

Третье путешествие — жизнь Фердинанда в Америке — не добавляет ничего нового, это еще один вариант спуска в преисподнюю, так как Америка — это "тот свет". Окончательное падение третьей инициации состоит в том, что герой становится альфонсом, а проститутку, которая любит его самоотверженно, бросает, возвращает во Францию. Это возвращение, и особенно то, что он получает диплом врача, можно бы рассматривать как восхождение из преисподней, но основная идея автора состоит в том, что это не так, и он говорит прямо: "В жизни идешь не вверх, а вниз. Она (мадам Анруй — *A. B.*) не могла опуститься ниже, туда, где находился я. Для нее ночь вокруг меня была слишком глубока". Именно теперь, в состоянии относительно социальном, в Париже, Фердинанд

проходит окончательную инициацию зла — совершает предательство и становится соучастником убийства старухи Анруй. Завершающий эпизод книги завершает и сюжет антиинициации — от руки любовницы гибнет некий полудвойник героя — убийца Робинзон, и это символизирует окончательную смерть мира вокруг героя и смерть его души.

Разобрав кратко этот достаточно знаменитый сюжет, можно снова задаться вопросом, который ранее был поставлен применительно ко всей анtilитературе: "В чем секрет воздействия этой книги?" Конечно, во-первых, уже говорилось, в том, что в отличие от подавляющего большинства анtilитературных сочинений она хорошо написана. Несмотря на гиперболические красоты, идущие прямо от "Отверженных" Гюго ("Все бессилие мира перед войной плакало здесь, когда жены и дети после свидания уходили, шаркая ногами по тусклому от газа коридору."); на утомительное нагромождение отвратительных картин и слабость основного сюжета, несмотря, наконец, на раздражение, которое вызывают у читателя смелые попытки философских обобщений, — эта книга талантлива, а талант действует непосредственно. Но влияние этой книги несоизмеримо с ее достоинствами. Десятки книг, написанных в то же время и не хуже, не произвели такого впечатления и не породили новой литературы. Значит, дело не только в этом. Во-вторых, она производит сильное впечатление тем способом, о котором я подробно писала выше. Автор изо всей силы бьет читателя по нервам. Некоторые сцены — например, описание истязания девочки из дома напротив — настолько страшны, что их невозможно читать. И забыть невозможно; хотя эта сцена, в частности, взята целиком у Достоевского, — просто разодрана детальней и жесточе, да и многие страшные образы Селина идут от него же, и старуха Анруй явно приходится родней старухе процентщице, только внутренняя жизнь героя ближе к свидригайловской, чем к раскольниковской. Но ужас парализует нас независимо от того, непосредствен ли образ или вторичен.

Третий и главный секрет воздействия этой книги, мне кажется, состоит не в этом, а в том, что ее дух (и дух сотен других таких же книг), провозглашенный в ней антикультурный миф дает идеологическую опору плохому человеку.

В общем разборе антилитературы как явления я совсем упустила то обстоятельство, что книги читают и плохие, злые люди, не только добрые. И они, так же как и все прочие, ищут в жизни смысла. Солженицын, размышляя в "ГУЛАГе" над тем, откуда вдруг в середине XX столетия явилось разом в России и в Германии такое количество злодеев и палачей, "перед которыми Яго — ягненок", объясняет это преимуществами идеологии. "Идеология! — Это она дает искомое оправдание и твердость злодею". И не только злодею, но и самой обычной свинье, эгоисту нужна идеология, оправдывающая его. А в наше время никого внутренне не поддерживает ни коммунистический, ни нацистский миф. И вот антилитература предлагает негодю свой новый миф. Она говорит ему устами, скажем, Селина: "Замолкла у нас музыка, под которую плясала жизнь, вот и все. Вся молодость умерла где-то там, в конце света, в протяжении истины. И куда идти — спрашиваю я у вас, — когда нет уже при себе необходимой дозы безумия? Истина — это бесконечное бессмертное гниение, истина — это мир смерти". (Кстати, забавно, что я, излагая в начале этой работы, в чем, по-моему, состоит кредо антилитературы, совсем не помнила этого селиновского абзаца и, натолкнувшись на него, поразилась совпадению).

И плохой человек, прочитав такую книгу, ощущает облегчение — он живет, значит, в аду и поступает так, как нужно поступать в аду, а те, кто поступают иначе, просто сумасшедшие, откровенные клинические психи, и он еще даже лучше других, так как, подобно героям Селина, способен тосковать и проклинать этот мир, который подошел к самому краю ночи. Поэтому и существует антилитература — из-за подлецов. Она им выгодна, она — их алиби.

На периферии этого рассуждения, как бы на полях его возникает вопрос: "Что же, писатель не имеет права избрать основной темой своего произведения неудачную инициацию?" Нет, конечно, писатель может изобразить антиинициацию главного героя и при этом точно так же создать образ воскресения, только в трагической инверсии. "Вот чем ты мог стать и от чего отказался", — говорит он герою. И читатель вместе с автором плачет над этим героем. Так поступает, например, Гончаров в "Обыкновенной истории".

Он описывает антиинициацию молодого Адуева так осторожно и ненавязчиво, что может показаться, что писатель и не хотел сказать ничего кроме: "Такова жизнь!". Все повороты судьбы молодого героя, его разочарования и падения, воспринимаются как совершенно неизбежные, как "естественная необходимость". Но параллельно подробно обрисованному жизненному пути племянника Гончаров как бы пунктиром наметил жизненный путь дяди, и сопоставляя их, читатель сам делает заключение о том, чья инициация была истинной, кто из них двоих превратился из отрока в мужа, а кто — в чиновника. Выясняется постепенно, что дядя тоже "рвал желтые цветы", тоже утратил юношеские иллюзии, но вместо веры в выгоды службы приобрел веру в служение Делу (в то гончаровское время под Делом подразумевалось непременно практическое, серьезное дело, например, промышленное развитие России, но суть от этого не меняется, т.к. важно, что человек, верящий в дело, живет не для себя; и когда приходится пожертвовать делом ради другого человека, дядя оказывается способным к этому подвигу). И в единственной сцене, уже в эпилоге, когда писатель сталкивает дядю с племянником в реальном нравственном конфликте, он в двух репликах совершенно безмятежного диалога показывает нам, что душа Адуева младшего умерла, а душа Адуева старшего, несмотря на то, что он прошел через страшные искушения, страдает и жива:

"—Что вы, дядюшка! Ведь вам нынешний год следует в тайные советники...

— Да видишь: тайная советница-то плоха..."

У читателя не возникает сомнений относительно того, кому из Адуевых больше сочувствует автор.

Оправданием же и укреплением негодяя занят тот писатель, который — именно это и происходит с Селином — до неразличимости сливается с антигероем и показывает, что его путь в ад был единственно возможным и правильным.

Здесь я хочу еще отступить и сделать три замечания. *Первое.* Надо указать на еще одну особенность антилитературы: это — словесность без инструмента. Она лишена языка — все антилитераторы пишут или на арго, или не своим языком, стилизуясь под кого-нибудь. И это не случайно. Язык сам по себе — больше мифа

антилитературы, грамматические конструкции указывают на то, что выше их. Но останавливаться на этом сейчас я не хочу, так как, чтобы доказать это утверждение, надо долго и подробно ругать разных антилитераторов, цитируя их, а сейчас это не нужно. *Второе* — что при таком уничтожающем подходе к литературе может выпасть из нашего поля зрения и некий особый ее раздел, который, перефразируя А. Белого, можно условно назвать "литературой мозговой игры". Действительно, "Золотой жук" Эдгара По не развивается по инициационной схеме, и, вместе с тем, его чтение доставляет высокое наслаждение. Но специфичность этого рода литературы требует специального же исследования. Сейчас разговор идет не о нем. И, наконец, *третье* замечание — о смерти. То, что я вывожу антилитературу из утверждения смерти без воскресения, может навести на мысль, что я со смертью связываю только нетворческие представления — распад, пустоту и т.д. Это не совсем так: как говорит митр. Антоний Сурожский,* "во всякой смерти есть трагедия: человек не рожден для того, чтобы умереть; но есть и дивная встреча — встреча живой души со своим Богом". Но труп, смерть без воскресения — это совершенно другая, действительно нетворческая картина смерти. Но сейчас я не могу говорить о такой необыкновенно сложной теме, как тема смерти вообще. Речь у нас идет только о литературе. Сделав эти три замечания, которые, конечно, противостественно сжаты (но я не считаю их случайными), позволяю себе напомнить о том, с чего началась эта работа: смерть и образ воскресения.

Но пусть все верно, что я утверждаю, пусть в искусстве непременно нужна смерть и образ воскресения, пусть инициация лежит в основе литературы — зачем напоминать искусству его задачи? Ведь "мы умираем, а оно остается. Оно единодушно и

* Пользуясь беглым упоминанием его имени в этой работе, спешу исправить оплошность в предыдущей. Из статьи "Соляной Столп" по недосмотру автора выпала фраза ("Вестник РХД" № 143, стр. 214, внизу), относящаяся к митр. Антонию. Весь абзац следует читать так: "Может быть, в детях воскреснет наша Россия? Вот, в эмиграции вырос и живет владыка Антоний Сурожский — живая наша надежда. Может, и мой ребенок сотворит такое же чудо: ведь "все матери — матери великих людей"..."

нераздельно. Его конечные цели нам неизвестны и не могут быть известны". Подобно французскому королю, оно всегда поступает правильно. Для чего же это все написано? Я совсем не стремлюсь наставлять искусство на путь истинный, я верю в него, верю, что мир спасет красота. Цель моя гораздо скромнее. Мне хотелось только напомнить о различии между литературой и антителитурой, потому что, мне кажется, русская словесность переживает сейчас период исчезновения критериев. Наступила такая эпоха, когда гениальное сочинение может всеми считаться ниже сочинения вовсе бездарного, когда критики стали окончательно безразличны к истине, когда читатель и писатель совсем почти не влияют друг на друга, когда — говоря начистоту — совсем перестали писать хорошо. Конец века? Допустим. Но надо надеяться, молиться, стараться, чтобы не — конец русской литературы.

Май—декабрь 1984 г.

Судьбы России

Русские новомученики и исповедники

ЕПИСКОП АРКАДИЙ (Остальский)

(По воспоминаниям К.)

Епископ Аркадий (Остальский) родился около 1890 года в Житомире в семье священника. Отца звали Иосифом, мать — Софьей Павловной. Жили они по ул. Базарной в частном домике из трех комнат под соломенной крышей.

Еп. Аркадий и в миру был Аркадием. Кроме него в семье Остальских росли брат и сестра (умерла в возрасте 3 лет).

Аркадий Остальский от юности имел призвание к монашеству, но по желанию родителей вступил в брак и принял священство.

С фотографии, относящейся к той поре, на нас смотрит человек с приятным лицом, выразительными глазами. Высокий лоб свидетельствует о незаурядном уме, нестриженная борода, длинные по плечам волосы, симметрично разделенные пробором, подчеркивают благообразие православного священника. Он был невысокого роста, худощавым, голубоглазым — таким запомнился он тем, кто знал его.

Брак оказался неудачным, жена оставила его и вышла замуж за офицера.

О. Аркадий всю свою жизнь отдает созданию в Житомире братства, которое организовывается по типу дома трудолюбия о. Иоанна Кронштадтского. Помещалось оно по ул. Виленской, там же имелась домовая церковь.

Служил он поначалу и в Серафимовской церкви, затем в Николаевской, что стояла неподалеку от Преображенского собора.

Братство несло благотворительные функции, оказывало большую помощь больным, хоронило убогих. В братстве не было

бедных, всем оказывалась необходимая помощь. О. Аркадий лично принимал в деятельности братства самое активное участие. Вспоминают такой случай:

В ту пору в Житомире лежала парализованной некая Напорова. О. Аркадий составлял график дежурств у нее. Бывало спросит: "А кто сегодня у больной дежурит? Кто обед понесет?"

Но после революции благотворительная деятельность о. Аркадия вызывала сильное недовольство у новых местных властей, и он был заключен в тюрьму. Приблизительно в то же время был арестован и его отец — священник Иосиф Остальский. Случилось так, что отец и сын сидели в соседних камерах, но не подозревали об этом: если их выводили из камер, то в разное время.

Так они просидели в заключении два года. Отец умер в тюрьме, а сына решили судить. Привели из тюрьмы в суд, но о. Аркадий на суде спал. Ему вынесли приговор — к расстрелу, а он спит. Разбудили его и сказали, что он приговорен к смерти. На это о. Аркадий ответил: "Благодарю Бога за все. Мне смерть — приобретение, я перехожу в иной мир!"

Однако в братстве нашлись ходатаи, поехали в Москву, и кому-то удалось изменить ход событий. В результате приговор был отменен.

Освободившись из заключения, о. Аркадий принимает монашество, затем вскоре становится архимандритом.

В ту пору он совершает поездку в Дивеево, где встречается со старицей Марией, предсказавшей ему: "Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь."

Вернувшись в Житомир, о. Аркадий весь уходит в духовную жизнь. Много внимания уделяет братству. Вместе с тем, ведет строгую монашескую жизнь.

Перед нами несколько фотографий, относящихся к этому новому периоду его жизни, с них смотрит на нас то же доброе, но теперь уже более строгое лицо монаха. Глубокие складки между бровями свидетельствуют о пережитом.

Вот фотография с дарственной надписью от 18 марта 1925 года. И тут же волнующие слова: "Христос — моя сила, Бог и Господь! Кого убоюсь? С нами Бог! Кого устрашусь!"

На другой фотографии дарственная надпись сделана через несколько дней — 27 марта 1925 года. И призыв: "Люби всяких

людей — добрых и злых, потому что все они — дети Божии, за всех них страдал Христос.”

Еще одна фотография из того же периода. На обороте дарственной надпись от 28 мая 1925 г., а ниже приписка от 2 июня того же года: “Не тот блажен, кто хорошо начинает, но тот, кто хорошо кончает подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным.”

Наконец, фотография с надписью от 29 января 1926 г.: “В благословение и молитвенную память К. Архимандрит Аркадий.”

Организованное о. Аркадием братство вызывает большой интерес не только у жителей Житомира — оно привлекает внимание и многих иногородних. Так, на жительство в братство приехали две видные особы из Киева — вдовствующая графиня Наталья Ивановна Оржевская и ее племянница княжна Наталья Сергеевна Шаховская. В Киеве жили они в Липках, во флигеле одного из домов напротив нынешнего Госбанка. Работы в братстве хватало всем, и все работали вдохновенно, отдавая все силы больным и убогим. В это же время о. Аркадий некоторым послушникам из братства поручает переписывать воззвания епископов, письма из ссылки митрополита Петра (Полянского).

Женщины знали строгость архимандрита Аркадия, знали, например, что он не любил, когда в храм заходили в шляпках, с важным видом, — таковых он нередко выгонял из храма. Это знали все и потому приходили в храм в платочках (в том числе и знатные дамы).

Когда одна из женщин осмелилась однажды войти в храм в платье с коротким рукавом, о. Аркадий тут же спросил ее: “Ты что, пол собралась мыть?”

В ту пору архимандрит Аркадий служит не только в Житомире, он часто выезжает в Москву, в Киев. В Москве он любил служить в Пименовском храме, там он и проповеди свои говорил. В киевском Никольском монастыре, что стоял раньше возле нынешней станции метро Арсенальная, он иногда говорил по 4 проповеди в день. Эти проповеди его были необыкновенны, когда он произносил их, ему из толпы кричали: “Ты — Златоуст.”

Исповеди его были тоже необычны — они затягивались до 2-х часов ночи. При этом он, обращаясь к верующим, просил подойти к нему отдельно тех, кто чувствовал тяжесть на душе от грехов, чьи грехи не были упомянуты им перед исповедью.

У алтаря не забывал он поминать о здравии Софии, Ларисы и Михаила. Софья — мать, Лариса — бывшая жена, Михаил — ее муж.

В этот период святая Церковь вступает в борьбу с живоцерковниками. Архимандрит Аркадий полностью разделяет точку зрения патриарха Тихона, но активно своих взглядов не выражает. Служивший в ту пору в Введенском монастыре о. Борис просит архимандрита Аркадия возглавить церковь тихоновцев в Киеве, но тот от предложенной роли отказывается: "Пока нет благословения. Мы зорко следим за церковными событиями. Пока еще апостольские правила не нарушены. Если мы проявим преждевременную активность, нас могут отлучить от Церкви."

Однако временами эта сдержанность прерывалась активным противлением насилию со стороны врагов Церкви. Так однажды его вызвали в органы и заинтересовались, как он относится к тем священнослужителям, которые во время богослужения не возносят своих молитв за мирские власти. По этому поводу архимандрит Аркадий четко и откровенно выразил свою позицию: "Издайте декрет, что вы обращаетесь к Богу и просите за вас молиться. Если же вы стремитесь уничтожить Церковь, значит, нам необходимо внести в ектенью новое прошение: "Об уничтожении самих себя Господу помолимся".

Неизвестно, в силу каких причин архимандрит Аркадий вдруг впал в немилость у еп. Георгия (Делиева), управлявшего в то время Киевской епархией вместо архиепископа Макария, находившегося в ссылке. Неприязнь владыки доходила до того, что о. Аркадию было запрещено служить в Киеве. Когда однажды о. Аркадий появился в Введенском монастыре с намерением принять участие в богослужении, то о. Иоанн (Предтеченский) отказал ему в этом, ссылаясь на запрет владыки.

Положение было явно ненормальным, и приближенные к о. Аркадию люди решили этот конфликт устранить. Активную роль в этом деле приняли Антонина Васильевна Шуварская (жена заведующего Октябрьской больницей) и о. Савва Петрунович. Они

решили послать к еп. Георгию послушницу К., которая должна была выступить с защитой архимандрита Аркадия.

Послушница отправилась на прием к владыке, резиденция которого находилась тогда в Софиевском соборе. Узнав от нее, в чем дело, еп. Георгий воскликнул: "А, от моих врагов! И вы — мой враг!"

На эту реплику послушница ответила, что полученные владыкой анонимные письма (он упомянул о них) — это дело врагов Церкви, желающих посорить его с архимандритом. Во время разговора К. стала просить епископа о прощении архимандриту возможных провинностей и о том, чтобы владыка согласился принять о. Аркадия. Владыка смягчился, и во время состоявшейся на завтра встречи они примирились.

В 1926 г. о. Аркадий едет в Москву, где митрополит Сергей (Страгородский) рукополагает его во епископа Лубенского. Однако епископ Аркадий знал, что до службы в Лубнах его не допустят. Тем не менее он в 1927 г. принимает решение отслужить пасхальную службу в своей епархии. Он тайно приезжает в Лубны и перед пасхальной всенощной в половине двенадцатого ночи входит в алтарь храма. Он был в пальто, в синих защитных очках. В этом одеянии он, конечно, мало походил на епископа, и неслучайно диакон тут же прогнал незнакомца, — мол, мы ждем епископа, а вы уходите отсюда. Но незнакомец настойчиво просил вызвать настоятеля, и когда тот, наконец, появился, еп. Аркадий открылся ему.

Тут же епископ облачился и приступил к службе. Но не успел он отслужить пасхальную всенощную, как в церковь явились представители власти, и епископ Аркадий вынужден был скрыться.

Это была единственная служба в назначенной ему епархии.

Епископ Аркадий вскоре уезжает на Кавказ, где странствует в горах, общается с затворниками в течение двух лет. Странствуя в горах, еп. Аркадий сознавал опасность своего положения, понимал, что он в любой момент может погибнуть, поэтому в сапоге под подкладкой носил свою фотографию, с тем, чтобы в случае его смерти люди могли узнать об его участии.

В 1928 г. еп. Аркадий пишет письмо в Киев знакомой послушнице, в котором просит купить для него в Лавре несколько

икон. Послушница отправилась в книжноиконную лавку Лавры, в которой книги и иконы продавал иеромонах Иеремия. Как бы между прочим о. Иеремия спросил послушницу, не знает ли она, где находится еп. Аркадий. В этот самый момент еп. Аркадий стоял, спрятавшись в этой же лавке, и слушал этот разговор иеромонаха с послушницей.

Вдруг она услышала, что кто-то тихо окликнул ее по имени. Оглянувшись, она неожиданно увидела перед собой еп. Аркадия, который в этот момент вышел из укрытия.

Епископ Аркадий выглядел очень больным. И на самом деле он был болен плевритом. И ноги у него были сильно отекавшими. Его срочно надо было лечить; послушница предложила ему остановиться в квартире, где жила вдвоем с матерью. Дом находился на территории Лавры, и еп. Аркадию это было удобно. Чтобы не стеснять владыку, послушница на этот период перешла из квартиры к своей знакомой. Днем, однако, навещала больного, оказывала вместе с матерью необходимую медицинскую помощь.

В этом доме еп. Аркадий пролежал три недели, здесь, благодаря заботе двух благочестивых женщин, поправился от своих недугов.

Однако оставаться в Киеве, равно как и странствовать по Кавказским горам, он уже не решался. Он знал, что его ищут и, возможно, скоро выследят.

И он решает отправиться в Москву и объявиться перед Е.А. Тучковым, что и сделал без дальнейшего промедления. Еп. Аркадий не ошибся в своих ожиданиях — Тучков немедленно отправил его на Соловки сроком на 5 лет.

Позже, многие годы спустя, еп. Аркадий рассказывал, что везли их из Москвы в телячьем вагоне, набитом доотказа заключенными. Даже стоять было трудно — настолько тесно. Воздуху не хватало. Иногда на остановках охранники отодвигали засов вагона и тогда выбрасывали задохнувшихся.

На Соловках в течение многих трудных лет еп. Аркадий был на тяжелых физических работах, рыл дренажные колодцы. Кормили, разумеется, очень плохо. К тому же часто делались обыски, каждый раз искали бумагу, карандаш, что ни в коем случае не допускалось иметь при себе.

К нему в Соловки приезжали мать Софья Павловна и Оржевская Наталья Ивановна.

Жил еп. Аркадий в одном бараке с уголовниками. Влияние его на окружающих всегда было велико, и здесь, в лагере, он также духовно влиял на тех, кто был рядом с ним. Многие закоренелые преступники, общаясь с еп. Аркадием, переосмысливали жизнь, из волков превращались в овец.

Однажды, уже в конце срока, он решил отслужить с ними пасхальную заутреню (обедня не служилась — не было антиминса). Во время службы уголовники пели, по мере своего разумения помогали епископу отправлять праздничное богослужение.

Однако этот случай не остался для еп. Аркадия безнаказанным — ему добавили еще 5 лет заключения и перевели на гору Секиру в обществе 37 ксендзов, также находившихся в заключении.

Освободился еп. Аркадий, пробыв 10 лет в лагере. Когда, наконец, он был выпущен, ему запретили вернуться на Украину. Под запретом были также 15 крупных городов в России.

В конце концов позволили ему поселиться в г. Клин, за Москвой. Перед ним поставили ряд обязательных условий. Никто не должен к нему ходить (или приезжать), и он не мог кого-либо посетить. В алтарь местной церкви заходить не разрешалось. Каждые две недели он должен был отмечаться в органах.

В Клину видела его дочь киевского священника Саввы Петруевича — Зинаида. Хотела к нему подойти под благословение, но еп. Аркадий сделал предостерегающий жест, — он явно не хотел, чтобы его могли увидеть с кем-нибудь беседующим.

И все же еп. Аркадий решается побывать в Киеве и Житомире. Тайно появляется он в Киеве в 1938 г. Здесь побывал он у некой Скачковой Веры Владимировны, проживавшей тогда по ул. Подвальной, 14, кв. 70. Скачкова работала учительницей музыки и ритмопластики. Была она весьма благочестивой христианкой. В Житомире имела свой дом, который был в пользовании братства. В этом доме, бывало, останавливались киевляне, когда ездили в Житомир по делам братства.

Из Киева еп. Аркадий поехал в Житомир. Перед отъездом просил Скачкову В.В. о том, чтобы она предупредила знакомую

ему послушницу и ее мать о намерении епископа на обратном пути из Житомира посетить их.

Еп. Аркадий съездил в Житомир, посетил могилы отца и матери, тоже к тому времени уже умершей.

Вернувшись в Киев, еп. Аркадий не забыл исполнить свое обещание побывать в доме, где когда-то провел больным три недели и где заботливые женщины выходили его.

Послушница вспоминала потом, что в один из зимних вечеров в дверях появился человек в синих защитных очках, воротник его пальто был приподнят и прикрывал лицо. Это был еп. Аркадий. Он решил поздравить именинницу с днем ангела. Сел за стол, ел пирог, пил чай. И все. От домашней наливки отказался: "Сердце слабое, от кваса пьянею".

Недолго пробыл он в Киеве, надо было возвращаться в Клин. И он вернулся. Его кратковременное отсутствие осталось для местных властей незамеченным.

Но оставаться в Клину он больше не мог и решил уехать. Купил билет на поезд. Однако о его намерении уехать каким-то образом узнали в органах, возможно, от хозяйки дома, где он жил. Позволили на вокзал и задержали поезд. Вместе с хозяйкой дома пошли в обход поезда и обнаружили еп. Аркадия в первом от паровоза вагоне.

В тот же день хотели схватить и келейника, но тот скрылся через окно в сад. Никто не знал его имени, поэтому вряд ли его тогда поймали.

В том же 1938 г. еп. Аркадия видели шедшим с котомкой из Бутырской тюрьмы. Куда его вели, неизвестно. Равно как неизвестно и то, в какой ссылке или в каком лагере он умер.

Епископ Аркадий был необыкновенно добрым, отзывчивым человеком. Его доброта была трогательной, порой несла в себе долю юмора. Так, будучи еще женатым протоиереем, мог отдать бедным носильные вещи из гардероба жены. Отдавал и многое другое.

Однажды в Житомире близкие ему люди решили сшить ему шубу. Эту шубу о. Аркадий надевал всего два раза, не более, затем она внезапно исчезла. Оказалось, что он отдал ее одной бедной

вдове с двумя туберкулезными детьми. Матери сказал, что шуба висит в алтаре. А когда в церкви спросили, где же висит шуба, он ответил: "Она висит там, где нужно".

Его мать Софья Павловна рассказывала, что в комнате у сына ничего не было. Однажды заходит о. Аркадий в комнату матери, увидел на стене ковер и осторожно спрашивает: "Этот ковер наш?" — "Наш, а не твой", — ответила ему мать, чувствуя, как хотелось бы ему отдать этот ковер кому-нибудь из нуждающихся.

Однажды о. Аркадий пришел из Житомира в Киев в лаптях. Оказывается, в пути какой-то бедняк попросил у него сапоги, и они поменялись обувью.

Как-то сшили о. Аркадию красивый подрясник. Какой-то пьяница выпросил его себе. Через некоторое время увидели этого пьяницу, продающего подрясник. Может быть, отобрали или же выкупили его у пьяницы, и вернули о. Аркадию.

В другой раз о. Аркадий снял с себя брюки и отдал их какому-то бедняку, сам же остался в белье. Чтобы никто этого не смог увидеть, попросил застрочить спереди подрясник, с тем, чтобы полы его не распахивались.

Когда еп. Аркадий был в ссылке, друзья, зная, что он все свое раздал другим, послали ему пальто, шапку и сапоги. Но неизвестно, как долго он носил эти вещи. Возможно, следуя своему жизненному правилу, он и эти вещи отдал другим.

Еп. Аркадий написал ряд трудов, вот названия некоторых из них:

1. "О бытии Божиим".
2. "Правда ли, что ученые не веруют в Бога?" (В работе приводилось мнение 140 ученых, подтверждающих бытие Божие).
3. "Правда ли, что религия мешает культуре, развитию и устройству жизни свободного народа".

Некоторые из этих рукописей были отданы упоминавшейся здесь послушнице на хранение. Та передала их другой женщине по имени Екатерина, но обратно их уже не получила.

(По воспоминаниям Н.)

Архимандрит Аркадий (Остальский) служил сначала в семинарском храме (на 2-ом этаже), затем – в старом соборе, стоявшем рядом с кафедральным собором. Это был старинный храм, но вместительный.

Около 1927 г. на Пасху еп. Аркадий приезжал в Житомир и отслужил несколько служб.

Примечание:

По сведениям словаря митр. Мануила Лемешевского "Русские православные епископы", еп. Аркадий (Остальский) по окончании Волынской Духовной семинарии был настоятелем Св. Николаевской единоверческой церкви в Полтаве.

В 1920-25 гг. проживал в Житомире. После развода с женой принял монашество и возведен в сан архимандрита. Пользовался любовью житомирцев.

15 сентября 1926 г. хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Состоял в тайной оппозиции митрополиту Сергию, придерживался взглядов т.н. "мечевской группы", но заметно себя не проявлял.

В 1937 г. назначен еп. Бежецким. Назначение не принял. Известен как замечательный проповедник.

Скончался в 40-х годах неизвестно где.

Имеются сведения, что он написал практическое руководство проповедника. Автор многих оригинальных богословских сочинений (в рукописях). Особенно хорошо написана его работа о церковном красноречии. Большая часть его сочинений погибла при переездах.

Ирина КАНТОР

АЩЕ ЗАБУДУ ТЕБЕ, ИЕРУСАЛИМЕ...

*Положи меня, как печать, на сердце
твое, как перстень, на руку
твою: ибо крепка, как смерть,
любовь, люта, как преисподняя,
ревность; стрелы ее — стрелы
огненные.*

(Песнь песней, 8,6)

1.

Когда было мне не помню сколько лет, я спрашивала у отца моего: "Папа, а где Россия? Покажи мне Россию". Он подвел меня к большой карте Советского Союза и показал.

— Нет, Россию покажи. Это не Россия!

Тогда он показал границы Российской Федерации, РСФСР. Я задумалась. Если убрать непонятное слово "Федерация", то действительно, получится Россия... Но все же это не она. Где же она? Я вглядываюсь в карту пристально, долго, тщетно. Где ты? Вот здесь, где леса? В глубине лесов? Или здесь, где поля, в этих селениях, деревеньках? Ну уж наверное не там, где города — слишком много шума, яви, а ты — в тайне. Где ты? Оглянись, оглянись, дай увидеть твое лицо хоть мельком, хоть на миг, хочу знать хотя бы, есть ли ты? А если тебя нет, а если есть только РСФСР, то мне не хочется жить, по тебе томится моя душа. Почему? Зачем мне это? Откуда я знаю само имя это — Россия? Это никому неизвестно. Ведь я — еврейка. Да, выросла здесь. Да, язык мне родной. Что еще? Что еще видела, знаю? Ничего. Сомневаюсь даже, было ли то, что было, о чем пишут в учебниках, говорят по радио. Может, никакой истории и не было вовсе, все это

придуманно, или была совсем другая? Не знаю я, спросить мне не у кого. Если бы найти Россию, — она бы сама мне ответила... Так чувствовала я, когда мне было лет не помню сколько...

Когда мне было восемнадцать лет, у меня была замечательная, любимая подруга. Назовем ее Лена. Всему-то она могла научить меня, все-то она умела, знала, чего не умела, не знала, слыхом не слыхивала я. Может, потому, что я росла без матери, я ничего и не знала, и не умела. А она была немножко старше меня, она открывала мне мир, который до той поры я воспринимала резко двумерно: да или нет, прямо или криво, полезно — бесполезно, — других критериев, другой глубины у меня не было, или были глубоко затаенные от меня самой. Неожиданно для себя самой дрогнувшим и изумленным сердцем я начинала любить то, что любила она — а она любила все, любила весь мир, — огромный, объемный, наполненный поэзией, музыкой, красками, запахами, прикосновениями, — чувственностью, бьющей через край. Так взволнованно было тогда мое сердце, что я могла в один миг безумно, глубоко, и уже навсегда слюбиться, прикипеть сердцем к самым немыслимым предметам — к Созвездию Ориона, к букету флоксов, к древнегреческим вазам и амфорам, к кружевам, — ко всему, что раньше презирала, считала "излишествами".

С Леной вместе мы много и ездили, в основном на попутных машинах — в юности это так нетрудно! Она занималась музыкой, иногда пела — не помню что, но волновали меня больше всего русские песни, народные, а она говорила, смеясь, что в этом я не могу ничего понимать. И тут мне пришла в голову замечательная мысль. Лена — покажет мне Россию, укажет мне путь в нее. Ведь она — чистокровная русская, по материнской линии из Тамбовской, по отцовской — из Ярославской области, а выросла в Вятке. Она возьмет меня за руку и введет — ровно до той черты, до которой мне, чужанке, можно входить, через которую мне нельзя переступить, но и откуда будет хоть немножко видно, можно будет хотя бы увериться, что есть она — Россия, Родиной — дерзну ли назвать ее?

И вот — у нас целый месяц остался от летних каникул, в который мы можем делать, что хотим. Мы твердо решили ехать на попутках. Куда — пока не знаем. Родители — в ужасе, но почему-то

поделать с нами ничего не могут. Что это? Совершеннолетие? Бунт? Упрямый поиск своей собственной правды, без которой жить невозможно, и которую родители от нас почему-то утаили (или сами не знают)? — Вернее всего — это, последнее. До совершеннолетия — еще ой как далеко, а бунт без цели — что-то несерьезное даже для нас, "небитых школяров".

Я немедленно предлагаю Лене ехать в глубину России! Что это — я не знаю. Она — должна знать. Она приобщит меня к тайне. Или мы вместе приобщимся, это еще лучше, раздобыть бы тайну!

И вдруг — она наотрез, категорически отказывается. Она намерена ехать "на Запад", только на "культурный Запад" — в Прибалтику, она хочет приобщиться к культуре, а к тайне все равно не приобщиться, да и грязно там...

Я наотрез отказалась в Прибалтику. Бывали там, и я, и она, по одному разу, и хватит. Есть там и свои тайны, но все же они не для нас, не для меня, их я пока не чувствую. А культура... Хотя и далека я от "культуры", но почему-то этот "Запад" у меня, что называется, "в печенках сидит".

Мы рискуем поссориться. Поездка рискует провалиться.

Решено — едем в Самарканд.

Там служит в армии ее троюродный брат, а для меня и это — что-то.

Об этой поездке можно писать особо, а лучше вовсе не писать. Одно только — Господь нас хранил. Нельзя, конечно, глупым девчонкам шляться как бездомным бродягам со случайными попутчиками — шоферами и проводниками, пожарниками и торгашами, контролерами и мелкими жуликами. И это чудо, что вернулись невредимыми и чистыми, как и отбыли. В пригороде Самарканда помню толпу подростков, от которой убегала, потеряв туфли и очки, босиком, ничего не видя, обжигая ноги, не зная дороги, по раскаленной почве, среди каких-то впивающихся в ноги колючек, и чудом оказалась именно на том месте, где и должна была оказаться, — у остановки автобуса, где меня давно уж ждала изрядно обеспокоенная Лена со своим троюродным братом-солдатом.

Потом в Москве я всю зиму вытаскивала из ног колючки, с содроганием вспоминая об опасности, из рук которой чудом вырвалась, и не зная, что есть Кого благодарить за это.

Но и против Самарканда не скажу худого слова — несколько раз после этого побывала я и в Средней Азии, и в Казахстане, уже, конечно, более приличным и безопасным способом, — тянуло меня туда, а легкомыслия, как видно, Азия не терпит.

И все же не к Самарканду, а именно к России я умудрилась приобщиться даже и в этой странной и дикой поездке. По дороге туда — Коломна-Кремль весь в лесах, и мы по этим лесам — под руководством какого-то штукатура или кровельщика — забираемся, как он выражается, "до кумпола", чтобы уж оттуда, с купола, увидеть всю ширь. Потом — в сторону от заранее намеченного маршрута, пешее паломничество на родину Есенина, Константиново, жадное городское поедание там вишен в чужой заброшенной усадьбе, ночное купание в Оке, рубль с души хозяйке за постой в одну ночь, ее незабываемое выражение "черт ненажорный!", в адрес не то ребенка, не то поросенка, не то в наш адрес; и наконец, замечательный проезд "зайцем" на теплоходе по Оке.

Туристами беспечными были мы на этой земле, к тайнам так не приобщившись, не поливши ее своим потом, а может, и кровью, но отчего-то и по сей день ведь светлеет душа, когда вспоминаешь, — нет, — не хорошее, не ласковое, а вот: на обратном пути какая-то деревня, где нам нечего было есть, не было денег, никто не хотел нас подвезти, и даже, чумазых в дороге, не подпускали к колодцу, и все равно душа светлеет, потому что понимаешь, — да, такие мы и есть, — чумазые, вечно чумазые, хотя и белоручки, и подойти к Твоему роднику не так-то просто с налету.

Но все же о тайне я не узнала. России я не увидела. Увидела только множество лиц, узнала, что вовсе они не страшные дикари, как нас пугали, а сложные, хотя и простые, люди, и запомнила твердо два названия — Похвистнево в окрестностях Бузулука, где нас с ветерком подвез молодой лихач-шофер, да Шарапова Охота на обратном пути, уже в Московской области, где нас, вблизи от дома, впервые за всю дорогу решили оштрафовать за безбилетный проезд — но брать с нас было нечего — высадили, а мы сели в другой вагон. "Шарапова охота"... Стоило ездить в Самарканд, чтобы узнать название, которое у меня под боком... Выходит, стоило...

2.

*Как это случилось? Мы — чужие,
Все сюда приходим в свой черед...*

М. П.

Россию я нашла.

Как это случилось? Не знаю, не помню. Помню труп, еще живой, но уже смердящий, который куда-то везут подобные мне трупы.

Помню русское лицо, русского священника, который говорит: "Сегодня крестим", и спрашивает, верю ли я в Воскресение. В Воскресении я ... сомневаюсь. Я боюсь сказать — не верю, — а то прогонят еще, не станут крестить, а я уж не могу больше, — для того, чтобы иметь возможность вместе с ними хотя бы просто перекреститься, я, кажется, готова поверить во что угодно... Он напоминает мне тогда о воскресении души. О, это мне знакомо, знакомо, потому что слишком, слишком знакома смерть души, неоднократная, но всегда последняя, всегда без всякой надежды на исцеление, на жизнь, и все же ведь я живу... Может быть... Поживем — увидим. Может быть, придет и новая, полная вера. Только бы сейчас не отчуждаться от нее, приобщиться к ней!

Помню купель...

Дальше много чего и так мало чего помню...

"Христос воскрес...", поемый всем храмом, и храм — как корабль, плывущий неведомо куда с неведомым кормчим, а я — зритель. Зритель изумленный, но не отверженный...

Необъяснимо прекрасные русские названия икон Матери Божией, одновременно сладкие и горькие, огнем жгущие и целящие...

Житие преподобного Серафима...

Мощи преподобного Сергия...

Так вот ты где, Россия! Вот где твое сердце! Здесь — в толчее ставшей музеем Лавры; и там — в неведомой глуши; и в каждом клочке земли твоей, где только ступила нога крещеного человека, где вознеслась к небу его молитва; и — в каждом русском сердце. Здравствуй!

Народ, самым названием себе взявший слово "христиане" в твердом сплаве со словом "крест" — крестьяне. Народ, вскормленный Православием, как молоком матери, взращенный, воспитанный им. Народ, крестившийся охотно, из доверия к князю. Народ, у которого, кажется, никогда не было другой святыни, кроме Церкви Христовой, другой Заступницы, кроме Царицы Небесной, другого Владыки, кроме Распятого и Воскресшего Творца мира, другого Утешителя, кроме Духа Святого. Не было такого искушения язычеством, как у других народов — не успело оно вкорениться, не успело стать таким ярким, чтобы войти в плоть и кровь. В плоть и кровь вошел Крест, Крещение.

Такой народ как будто специально, как некий дар Божий, уготован Им для других народов.

Здесь и не может быть просто "хорошего человека". Здесь — либо христианин, либо — ничто. Здесь не было никогда этого идеала "общечеловека", идеала античности, идеала Европы, замешанного на неизжитом язычестве, которое там вошло, кажется, и в плоть, и в кровь. Здесь спившийся, пропащий, может быть, и некрещенный уже человек, потому и пропадает, что вынута сердце, выпущена кровь — отвергнут Крест, отпугнута благодать Божия, и никакими чернилами "гуманизма", клюквенным морсом "общечеловечности" их не заменить. Взамен изгнанной и оклеветанной молитвы на устах и в сердце у него не "общечеловеческие идеалы", а матерное ругательство.

И все же именно здесь, на пепелище, чудом или закономерно, не знаю, уцелевшая, явлена мне была высшая, очищенная форма духовности, которая — в глубочайшем и непрерывном ощущении своей личной последней греховности, и следствие этого — нелицемерное сострадание к грешнику — кающемуся, и некающемуся тоже.

Здесь осязаемо было мною поразительное свойство русского христианина — не заслонять собою Христа — быть некрасивым, неловким, неправедным, грешным, часто убогим, порою нелепым; словно не ведая ничего о возможностях личного человеческого совершенства, он не стремится к нему, но как бы отодвигает самого себя в сторону, чтобы беспрепятственно лился из глубин личности свет Самого Христа. Излюбленный и высокочтимый

народом подвиг *юродства Христа ради* становился мне понятным из обыденного общения с обычными людьми. Этот подвиг — прижизненное принесение себя в жертву Христу, и отказ от всякой мзды, даже мзды праведности.

Здесь есть и подвиг красоты, подвиг земного совершенства, как бы в напоминание о красоте небесной, но в нем всегда присутствует некое подобие тоски, воздыхания, стремления, и русский человек законченностью, совершенством этой красоты как будто и не дорожит, словно зная, что это — до грехопадения, этого все равно не удержишь, ибо не умолкает искушение чувственностью. Только в неизреченной красоте православного богослужения, литургии в особенности, в непостижимо насыщенной омысленности этой красоты может в чистоте раскрыться этот подвиг.

Высшим подвигом, — уделом святых — стяжанием красоты нетленной — мученичеством, терпением, раскрытием в себе подобия Божия, пронизан здесь воздух, напоена земля, им благоухают храмы — закрытые и "действующие", разрушенные и уцелевшие.

Такова Россия. Моя Россия.

*
* *

Но как ощутить себя здесь? Жалеть ли, что кровью предков я к этому народу не приобщена? О, нет! Остаюсь со своим народом, хотя он уже и не считает меня за свою — выкрест! Но не высшее ли это благо — быть собою и на своем месте? Понять, найти это свое место, осознать всю глубину его смысла, всю красоту Замысла о нем, встать на него со смирением и уже не сходить с него?

Но пока... Кто знает, что будет завтра, и вот, мнится — движение за чистоту Православия может начаться или окончиться традиционным еврейским погромом. И слышны, явственно слышны пока еще обрывки, пока еще шепотка: "Для чего жид крестился? Чтобы ожидать изнутри нашу русскую святыню!"

Что ж, Господи, Тебе суд творить. А пока, пока думается: "Здесь мое сердце, куда мне идти? Что ж, выведете из храма, — к ограде прильну, от ограды отгоните — издали глазами вопьюсь — там

осталось мое сердце — куда мне идти? Не подпустите, но тайком проберусь, к стене храма припаду, и за сладчайший этот поцелуй, соединяющий меня — со мною же, забирайте хоть жизнь — не страшно, радостно отдать!”

И все же — как быть, как осознать себя здесь — перед лицом не толпы, не “мыслящих одиночек”, а перед твоим лицом — мать, родина, Россия? Может быть, так: ты — кормилица, нянька, мамка, любовно пестовавшая наряду со своими и нас, чужих детей, почти бездомных, почти подкидышей. Не делала ты различия между своими и чужими, не умела или не хотела отличить одних от других, одной любовью одаривала, к одной святыне приобщила. Никому не ставши мачехой, всем сумела стать матерью. Усыновив каждого, кто так или иначе очутился под твоим кровом, не сумеешь ты и разлюбить никогда никого из усыновленных тобою. И — уютно у твоих ног, тепло у твоей груди, светло у твоей святыни. И все же — подкидыши взрослеют, бездомные мужают, начинают поглядывать в окошки, озираться по сторонам, примериваться к посоху странника. Не долги ли беспокоит совесть, гонит ее вон из дому, в неведомо куда, искать “своих”, быть может, заблудших, не ведающих, не знающих, где святыня? Иногда чудится, слышится, — тихо плачет где-то, молится одинокое еврейское сердце, не смея себе самому признаться в значении этого затянувшегося плача, этой запоздавшей молитвы: “Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его”...

...Когда угодно будет Тебе, Господи, Ты Сам подойдешь, окликнешь по имени, и, узнав Тебя, обомлев, навеки останется душа у Твоих ног, у Твоего Креста.

3.

Ибо когда мир своею мудростию не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.

(1 Кор. 1, 21)

Божественный Павел повелевает “не советоваться с плотию и кровию” (Галат. 1, 16). Но сам же, призывая в свидетели “совесть свою в Духе Святом”, желает быть даже “отлученным от Христа за

братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильян" (Римл. гл. 9, 1—3). Что это, как не очередное, неместимое, свидетельство безумия Священного Писания? И далее пишет он: "Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению" (Римл. 10, 2). Знал о чем говорил. Не о той ли ревности, что "люта как преисподняя"? Сам побывал гонителем. Сам одобрял убийство первомученика. Сам дышал "насилием и убийством". Знал, о чем говорил.

Но почему я все время, стоит заглянуть в глубину, вижу себя все на одном месте — там, на площади Иерусалима, заполненной народом так плотно, как ныне, наверное, заполняются только православные храмы в России в преддверии Пасхи. Но там — не то. Там я — среди беснующейся толпы, куда выводит прокуратор Иудеи Пилат Понтийский избитого, в багрянице, оплеванного и измученного узника: "Се человек!", "Царя ли вашего распну?", а мы все — я среди них — беснуясь, выкликаем: "Возьми, возьми, распни Его!".

...Почему я там? По личной греховности? По крови моей? Потому ли, что вступила Святым Крещением в Новый Израиль, в семью чад Авраамовых, и не миновать мне теперь того страшного перекрестка, той площади, где происходило кровавое разделение Ветхого Израйля? И я еще не вырвалась из того плена?.. Или каждый христианин должен пережить себя там, в той толпе, прежде чем начнет свой путь вслед за Ним, за Крестом, ко Кресту, на Крест?..

...Или потому я ощущаю себя в толпе тех — по выражению недавней проповеди "полузверей-полудемонов", что — решусь ли сказать — л ю б л ю их?

...Вчера еще, в детской доверчивости, в детском ликовании, захлебнувшись легкостью, восторгом, осуществлением такой трудной, непосильной человеку, такой несбыточной мечты, не боясь начальников, старейшин, не слушаясь их, бежали за Ним, заглядывали в глаза, постилали одежды, душу свою постилали: "Сбылось! Свершилось! Грядет! Осанна!"...

Ах, почему тогда же не вырвалась душа, не разорвалась плоть от восторга, лучше бы тогда, тогда же, на пределе ликования, разлучиться им!

А теперь... Что это? Это не разочарование, не обида, это что-то последнее, крушение всего, всего, пустота, мрак, погибель! Такого еще не бывало! Мы не знали еще такого. Безверие — вот что это! Можно ли жить без веры? Еврею — без веры? О нет! Не бывало такого! Легче когтями истерзать плоть свою, зубами изгрызть ее! Пусть Римлянин равнодушно вопрошает: "Что есть истина?" — и не ждет ответа, но не Иудей! И если любовь крепка была, "как смерть", то да будет ревность лютой, "как преисподняя"! Поэтому — "Распи, распи Его!" Это он, он обманул! Обольстил, украл веру! Не оправдал, не вернул! Как жить теперь? Как жить нам теперь без веры? Нам не дожидаться уже Мессию! Мы обманулись уже один раз, не сможем больше ждать, не сможем больше верить! Так "возьми, возьми, распи Его!" Варавву, Варавву нам отдай! Варавву, разбойника, убийцу, Варавву отдай нам, а того... Того?... обманщика! — распи, распи Его!

...О, братья (я у ног ваших), вы обманулись. Это Он приходил к вам. Он, Он — Упование ваше, Надежда ваша, Господь ваш и Бог ваш. Он, показавший вам свет, "к своим пришел и свои Его не приняли", "в мире был, и мир Его не познал". Зачем это ужасное отвержение? Зачем это новое пленение, хуже Вавилонского, хуже всякого — пленение неверием? Кто обольстил вас, кто нашептал эту, так внятную любому человеческому уху, ложь о том, что "Царь неба и земли в зраке раба не бывает"? Кто обманул вас? Дух злобы? Дух обмана, гордости, и — смертельной зависти, вошедший в Каиафу?

Иудеи, евреи... Народ незнакомый, но такой близкий... Я знаю, что проповедовать вам невозможно... Здесь проповедовал первомученик. Здесь проповедовал небожественный Павел. Здесь проповедовал Сын Божий. Что проповедь? Здесь Он воскрес. Я знаю, что по Его Божественному смотрению вся жизнь ваша, вся история ваша — новая так же, как и ветхая, служат одной цели, являются одним делом — свидетельством о Христе. О Христе уже пришедшем. Сами вы того не знаете...

Не проповедовать, а "вернуть сердца отцов детям". Сердца отцов — смирение, кротость. "Помяни, Господи, Давида, и всю кротость его"... Авраам, приносящий в жертву сына... Исаак, несущий хворост для жертвенника, кротко дающий связать

себя... Иосиф, проданный братьями в рабство... Сердца отцов — смирение, кротость... Наконец, Иисус, приносящий в жертву Себя, дающий Себя связать, несущий Свой Крест, преданный учеником, видевший отречение другого, оставленный всеми... Не проповедовать, а — "вернуть сердца отцов детям". Стяжать кротость, смирение, "стереть главу змия", попать свирепого левиафана над мением, попирающего все и вся, тщащегося попать Самого Бога, силящегося упразднить Крест, скрежещущего яростно зубами при упоминании о смирении, послушании, кротости...

Но кто же еще там, на площади Иерусалима? Не все же простой народ, доверяющий чувству? Есть там люди ученые, вожди, учителя, владеющие собой, повелевающие толпам? О, да. Вот они — Пилат Понтийский, умывающий руки, и — первосвященник Каиафа, раздирающий одежды при встрече с Сыном Божиим. Это знакомые персонажи. Они почти неразлучны со мной. Везде я их вижу, то в себе, то вокруг себя. Иногда в глазах рябит, — всюду — либо безвольный римлянин, которому наплевать на Истину, либо — деятельный "праведник" Каиафа, которому надлежит убить Истину, чтобы остаться праведником. Иногда кажется, что — едва ли не каждый — этаким микро-Каиафа, местного масштаба, сам себе первосвященник, обладающий властью вязать, решать, отпускать свои грехи, творить суд над Владыкой неба и земли.

Первосвященник Каиафа, на чем споткнулся он? На собственной праведности? На личных дарованиях? Все рассчитал, все продумал Каиафа. Не знал он личной корысти, все было посвящено народу Божию, Богу. Как ступить, как восклониться, как глаза поднять, опустить — чтоб угодно было Сущему, — все знал Каиафа. Любви не знал он — она ослепляет ум, пленяет сердце, привязывает. Но и женился он наилучшим образом. Цель одна — первосвященство. Во главе народа Божия предстоять Богу. Народ избранный, посвященный Богу, народ священников — и первосвященника должен иметь достойного. А кто достойнее Каиафы? Кто более одарен, более властен, более знатен, более учен, наставлен в законе? Кто более других потрудился к славе Божией? Ни на кого не полагается Каиафа, но сам он — не знает ошибок. Он тончайше продумал каждый ничтожный шаг, посвятил каждый свой шаг, и самый ничтожный, и самый

значительный — одной цели — служению Божию. Все пространство, все время своей жизни заполнит Каиафа собой, своей деятельностью. Куда бы ни взглянул он, куда бы ни двинулся, всюду видит себя, натывается везде на себя, на плоды своей деятельности, своего хитроумия, своего служения, бескорыстия, власти. Нигде не осталось места для Другого, хотя бы и для Бога, если бы вздумалось Ему явиться сюда. Куда ни взглянет Каиафа, всюду видит себя.

Свою непреклонную волю.

Свой неутомимый разум.

Свой безошибочный расчет.

Свой непрекращаемый авторитет.

Свою энергию.

Свою власть.

Бог должен быть доволен первосвященником Каиафой. Пока жив Каиафа, Богу нечего делать на земле...

4.

*И благословятся в семени твоём
все народы земли.*

(Бытие, 22, 18)

Встречаются в православных храмах лица, которые изнутри освещены благодатью Божией. И пусть таким бывает это лицо не всегда, а в момент какого-то особого умиления, смотреть на него почти больно — обжигает, а хочется смотреть неотрывно, — всегда. Такое лицо, такой человек, сам не ведая того, становится в этот миг для меня свидетелем о благодати Христовой — о том, что она истинно существует, существует везде, пронизала собою все; и о том, что никому не возбраняется прикоснуться к краю ризы Христовой. Но мы не прикасаемся — не можем, потому что не хотим. Слишком много у нас естественных сил — играют, бунтуют они, ищут применения, действуют — некогда оглянуться, незачем взыскивать к силам благодатным — на что они? А когда мало у нас естественных сил — в старости, в болезни, в печали — скорбим в ностальгии по утраченному естеству, по его энергии, которая давала нам возможность забыться. А тот момент, когда все естественные силы одна за другой насовсем уходят — смерть —

представляется нам подлинно смертью, а не рождением к благодатной жизни. Да и каким может стать рождение к чисто благодатной жизни для человека, который не дал взойти семени этой жизни в себе, пока было время, — одна из естественных сил, которая также умирает для человека в момент его "смерти". Не человек умирает, но — время и пространство умирают для него, и то, что тогда от человека остается — приспособлено ли для жизни вне этих атрибутов естества? Этот вопрос должен бы стоять перед каждым, но не стоит, потому что ответ заучен с детства: вне времени и пространства от человека ничего не остается, жизни нет. И хотя чуть не каждый из личного опыта знает, что самое главное в его жизни существует именно вне времени и пространства — например, — любовь, например, — сострадание, например, — жажда истины, правды, свободы духа, однако личный опыт почему-то не принимается во внимание перед лицом опыта "коллективного", "научного", зафиксированного на плохой бумаге школьных учебников.

С каким вниманием, волнением и любовью начинаю я приглядываться к людям убогим — немощным, увечным, одиноким, робким, — "обиженным Богом", — к тем, естественные силы которых повреждены, которым недостает естественных сил. С кем ты — тихий, робкий, косноязычный, увечный человек, с кем коротаешь свои скудные дни, одинокие ночи, к кому вызываешь в печали, перед кем проливаешь слезы? Сам Бог говорит с тобою. Тебя Он избрал, тебя возлюбил. Поведай мне, о чем поведал Он тебе в скорби твоей...

В тех, изредка встречаемых, отмеченных, застигнутых благодатью лицах нет ничего, что привлекло бы внимание, что оттолкнуло бы его — нет в них натиска, напора, энергии, стремления; вспоминается неволью Исаяно: "нет в нем ни вида, ни величия", "муж скорбей и издевавший болезни" (Ис. 53, 2—3). Заметно, напротив, что в момент благодатного посещения силы оставляют человека, чувствуется некое изнеможение плоти и души под действием благодати Божией. Естество человека замирает, и уже не он живет, но живет в нем благодать Христова. И, как видно, неместима бывает порою эта благодать, словно несколько прежде времени дается она, — весьма велико бывает изнеможение человека. Святой

Иоанн Лествичник приводит молитву святого пустынножителя Ефрема Сирина: "Боже, ослаби на мне волны благодати Твоя". Так может быть, и каждая душа, осененная благодатью, хотела бы взмолиться: "Ослаби, Господи, благодать Твою, ибо я не в силах еще вместить ее!" Хотела бы, но не решается, ибо страшится. Страшится утратить это сладчайшее бремя, а вместе с ним утратить все, утратить смысл, жизнь, и только плакать вместе с Адамом: "О Раю мой, Раю, прекрасный Раю мой..."

Но и не вкусивший этого сладкого бремени может знать о нем, может плакать об утрате его, ибо у каждого в душе посеяно семя благодати, и никому не возбраняется прикоснуться к краю ризы Господней. И для меня тоже, как и для других, звучит — уже не "Полонез Огинского", а — в последнее перед Великим Постом, Прощенное воскресенье плач изгнанника Адама по утраченном Рае, и мои слезы смешиваются со слезами Адама. Итак — не тоска по Родине, а — воздыхание к Небесному Отечеству? Попечение не о земной отчизне, а о горнем Иерусалиме? Не забота о принадлежности к одному из земных народов, а стремление к Новому Израилю, народу богоизбранному, призванному из всех народов?

Наверное, так. Но пока я еще слишком живу на земле, не смею о небесном рассуждать, и если это небесное люблю, то как бы для того, чтобы найти его здесь, на земле, здесь, в России, в ней, но как бы и со стороны наблюдая ее, наблюдая, как ее, может быть, лучшие люди бьются в стремлении вернуть, восстановить, вновь обрести Родину, я чувствую — Россия уже не только себе принадлежит, ее заботы — уже не только ее заботы. И если суждено русскому народу столь чаемое выздоровление, то — парадоксально это звучит, — но кажется, выздоровление это неотделимо от восстановления служения... Да какое уж там служение, кому, — если сами едва выживают? Тут уж, как говорится, "не до жиру — быть бы живу". Но разве служение — "от жиру"? Когда ослабели все — вот тут-то бы, кажется, и помогать друг другу, вспоминать о ближних, в одиночку-то не выживешь. Всякая замкнутость неминуемо приводит либо к отчаянию, либо к гордости, затем к вырождению, к самоуничтожению. У нейрофизиологов слышала я почти поговорку: "Нервные клетки работают вместе, а умирают в одиночку". Значит, и мы умираем, как нервные

клетки, раз мы так разъединились, и стремимся разъединиться еще и еще — по религиозным, национальным, семейным, личным, географическим, идейным, культурным, сословным и множеству прочих мыслимых и немислимых критериев! Да я-то не умирать собираюсь, а жить! И кто не хочет жить? О соборности взыскую. Живой церковности ищу. В себе ищу ее. "Оставь, позабудь все видимые и невидимые, существующие и несуществующие перегородки, отделяющие тебя от других людей, — обращаюсь я к себе, — переступи через них, позволь душе свободно излиться в чистой и горячей любви к каждому — и обретена будет соборность. Научись просить, благодарить, ожидать милости как дара, помощи как благодати, научись не гневаться, а еще и еще благодарить, когда не получаешь ни милости, ни помощи, — и достигнута будет церковность".

Когда начинаешь ощущать Церковь как Новый Израиль, народ богоизбранный, на лампаче приходит предостережение святого апостола Павла: "Не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя" (Римл. 11, 20–21). Это ведь не к Римлянам только, но и ко всему Новому Израилю. "Они отломились неверием, и ты держишься верою". Каким неверием? Тем, что уверовали в себя, в свою избранность, в свою спасенность более, чем в Божие предназначение? Как понять свое избрание, чтобы не отпасть от Бога, чтобы не случилось так, как уже было раз — что в новом Своем пришествии Он придет не к тем, кто считал себя избранным для спасения, а к другим — к мытарям, грешникам, блудникам — к отпавшим от Его благодати, от Его Церкви, и Сам введет их в Нее?

Избрание не для спасения избранных, но — избрание для служения — вот осмысление избрания, вот правда.

Избрание как назначение, как поручение, как обязательство перед Избравшим и перед теми, ради которых ты избран. Избрание как ощущение своей ничтожности, своего недостойнства.

Избрание как ощущение того, что избраны как раз те, на первый взгляд "неизбранные", что возлюблены как раз те, на поверхностный взгляд "невозлюбленные", ради которых и ты избран, к которым ты послан.

Избрание как ощущение своей непреходящей вины перед ними, "неизбранными", вины за то, что недостойный служить им, все же послан для такого служения, за то, что тебе не учить бы их, а поучаться от них.

Не за какие-либо дарования, не за какие-либо заслуги, не за какое-либо усердие дает ведь Господь благодать быть "избранным", быть причастным к Его Тайнам. Скорее наоборот — тех в первую очередь Он привлекает к Себе, кто так слаб, так немощен духом по природе, что без этого вконец изнеможет, возгордится или отчаится; замкнувшись в себе, зачахнет, погибнет.

Так и служение Церкви нашей понимаю я для себя не как отделение от этого растленного человечества, а как служение этому несчастному человечеству, сохранение в недрах своих ради него и для него Света Христовой правды.

Так и служение русской Церкви понимаю я для себя. И иногда кажется, — кто-то поморщится от этих слов, кто-то вздрогнет, но думается иногда: "Русская Церковь кончилась... — дабы воссияла Церковь Вселенская..." Как некогда свет из недр слабеющей византийской Церкви осиял Россию, так ныне свет из недр на поверхностный взгляд ослабевшей русской Церкви да осияет весь мир.

Но кто может знать, как это будет? Наверное, только те, кто святостью своей стяжали это право, среди которых и вы — уподобившиеся Первообразу своему великие Сергей и Серафим, уже, верю, не всея России только, но и всея вселенныя, всего мира чудотворцы; и вы — святые братья страстотерпцы, жертвы окаянства; и ты — священномученик — митрополит, обличавший нечестие православного самодержца, удушенный рукою холопа; и ты, убиенный царевич, сын грозного царя; и ты, — цесаревич, сын царя кроткого, убитый на руках у отца и вместе с ним мученичеством своим положивший начало новому, неслыханному русскому мученичеству.

Не даром ведь не только для России, но для всей Церкви, и для всего мира протекла эта тысяча лет русской Церкви, принесла она всему миру и новую святость, и новые осмысления. Как некогда Авраам стал отцом всех верующих, как Моисей был послан Богом, чтобы свидетельствовать людям о Законе и о Земле

Обетованной, как Отроковица из Назарета стала Лествицей, увиденной Иаковом, по Которой восходят и нисходят Ангелы, по Которой сошел к нам Сам Господь; как епископ Мир Ликийских вошел затем покровителем в каждый дом во всем христианском мире, как мученики раннего христианства дали свои земные имена и небесное покровительство детям всех народов, так и русская святость не даром сияет в мире.

Церковь, как семья, где каждый предназначен друг для друга, один послан к другому; здесь младенцы вразумляют родителей, и родители научают младенцев. Здесь нет речи об особой "богоносности" того или иного члена семьи, ибо каждый — один для другого богоносец, один другому чрез себя несет Господа своего, Единого для всех. И если, как младенца из благочестивой семьи, с колыбели крещеного, наставленного в вере, послушании, кротости, угодно было Господу от самого младенчества воспитать ради других народов русский народ в Своей Церкви, доверить ему Свою Церковь, да светит всем в мире, то дело здесь не в мнимой "богоносности". Да, богоносец русский народ, потому что — каждый народ богоносец, как и каждый человек. Только не каждый еще это в себе понял, не в каждом еще это Господь раскрыл. Крещением во Христа раскрывается в каждом личная, неповторимая богоносность. Ибо ко всем народам пришел Господь, к каждому человеку Он вошел. И всякий, кто просветился уже Его присутствием, будь то целый народ, или отдельный человек, самим просвещением этим уже услышал слово: "Неси. Не ставь под спудом. Не зарывай в землю. И твердо помни предостережение: не гордись, но бойся".

* * *

К "ДЕЛУ" ИЕРОМОНАХА ПАВЛА*

Сторож, сколько ночи?

(Ис. 21, 11)

4 декабря 1984 г. в Москве был осужден отец Павел Лысак, православный священник, иеромонах, кандидат богословия. Ему вменено злостное нарушение паспортных правил (закон о прописке, ст. 198 УК РСФСР).

Отец Павел взошел на свой крест.

Возможно, слово о человеке, еще не завершившем своего подвига, преждевременно. Но о. Павел — в руках людей, способных под покровом тьмы на все, а это обязывает нас спешить пролить свет, открыв все известные нам обстоятельства дела.

Кроме того, нам, знавшим и любящим его, небесполезно попристальнее рассмотреть это *дело*, с целью осмысления его как серьезного духовного и гражданского опыта. Читающий да понимает! Нам *здесь* жить и спастись; подобные уроки недаром же попускает Господь.

1.

*Так да светит свет ваш пред
людьми, чтобы они видели ваши
добрые дела и прославляли Отца
вашего Небесного.*

(Мф. 5, 16)

Во всей жизни его мы найдем очевидные свидетельства обилия благодати Божией, силы веры и непоколебимой надежды на Бога. Батюшка родился 5 июня 1941 г. в Винницкой области на Украине, в селе Счастливое. И правда, Господь так щедро одарил его

* Рукопись получена "Кестон Колледжем" 30 апреля 1985 г.

счастьем: он возлюбил Христа от юности и горячее желание служить Ему никогда его не оставляло. Тринадцатый ребенок в семье, он вынес из детства воспоминания о войне, голоде, лишениях. Мать научила его молиться и трудиться; он рано стал ее опорой, не гнушаясь никакой работой. (...Многие знают, что приходя в гости, о. Павел любил что-нибудь поправить, прибить, повесить; все с радостью, которая надолго оставалась в доме вместе с батюшкиными поделками...)

Школу он окончил с золотой медалью, которой, правда, не получил. Не был комсомольцем.

Сердце горело к Церкви, и он готов бы сразу после десятилетки лететь в семинарию. Духовник благословил иначе — сначала послужить в армии, — и он смирился.

В армии (тогда служили три года) батюшка не переставал молиться и ни разу не нарушил поста. Во всем, что касалось солдатской службы, был первым: быстрее всех бегал, выше всех прыгал, безукоризненно исполнял все приказания и молча терпел, когда издевались над его религиозностью. Заслужил 47 благодарностей. Но когда его не отпустили в увольнение на Пасху, он ушел в церковь самовольно и потом, как положено, отсидел на гауптвахте. Божие и кесарево он не путал никогда. Увольнение его из армии специально задерживали, чтобы ушло время в тот же год поступать в семинарию — и он объявил голодовку, переполошив всю дивизию; приезжал сам командующий и упрашивал снять голодовку.

Поступив в Одесскую семинарию, батюшка нес послушание в монастыре. До начала занятий он должен был подмести весь монастырский двор, и потому приходилось приступать к работе в 5 часов утра. После занятий трудился в саду у митрополита, потом на кухне, вечером читал на клиросе. А при всем том нужно готовиться к занятиям, сдавать экзамены, посещать церковные службы и читать домашнее молитвенное правило... Кто это выдержит? Увы, многие из нынешних и бывших учащихся духовных школ ищут во всем послаблений и облегчений, оправдываясь немощами. У этого могущественного "немощного" большинства о. Павел впоследствии прослыл неуступчивым ревнителем церковного устава.

В 1970 г. он был пострижен в монашество и рукоположен в сан диакона; в том же году поступил в Московскую духовную академию и поселился в обители горячо любимого им преподобного Сергия. С каким благоговением батюшка относился к Лавре, Дому Святой Троицы! Он посылал к Преподобному, как направляют к хорошему врачу, и твердое его упование всегда оправдывалось, очевидно по причине крепкой молитвенной его связи с Преподобным. Здесь, у Троицы, впервые с яркостью и силой раскрылось главное дарование о. Павла: по возведении в сан иеромонаха в 1971 г. он нес послушание духовника.

Верующее сердце умеет различить пастыря от наемника. Верующее сердце жадно тянется к священнику, который *готов понести наши болезни*. И к батюшке пошел народ, молодежь, появились духовные чада, окружавшие его при всяком случае. Он не отказывал в совете, помогал своей молитвой. Из многочисленных даров, которыми наделил его Бог, в самой большой мере проявился дар *рассудительности* (выше других ценный многими православными подвижниками). Именно это, необыкновенно дорогое в наше скудное время, качество поставило батюшку "на верху горы", "свечой на подсвечнике, да светит всем в доме".

И проросло древо его креста, потому что те, "которые более возлюбили тьму" (Ин. 3, 19) тоже не дремали. Мы не знаем, сколько сотрудников (сотрудниц) КГБ присматривает за Лаврой, но существует непреложный закон: если к священнику на исповедь выстраивается длинная очередь — дни его пребывания в Лавре сочтены.

О. Павел был удален из монастыря в 1975 г.* Как вообразить скорбь его и неутешность? Разве представить себя изгнанным из собственного дома? Его ожидали скитания, гонения, клеветы и унижения. И он явил в этих обстоятельствах образ христианского мужества, благоразумия, терпения и любви, которые украшают истинных слуг Христовых и неизмеримо возвышают их над окружающими людьми еще в здешней, земной жизни.

* С 1975 г. по настоящее время из монастыря изгнали еще около 40 крепких монахов-исповедников.

Из речи о. Павла на суде:

Я монах. Когда меня постригали, мне дали четки и сказали: молись. Это работа монаха. Почему здесь говорят, что монах не работает? У нас 19 монастырей, в них живут монахи и официально заняты работой — молитвой за весь мир...

2.

*Для чего, Господи, Ты попустил
нам совершиться с путей Твоих,
ожесточиться сердцу нашему, что-
бы не бояться Тебя?*

(Ис. 63, 17)

Со всей определенностью следует заявить, что КГБ есть подстрекатель, организатор и замаскированный исполнитель всех действий гражданских и церковных властей, которые привели о. Павла в следственный изолятор № 2, более известный в народе как Бутырская тюрьма.

“Дело” это родилось еще в годы пребывания о. Павла в Лавре, и именно стараниями его авторов он оказался за стенами монастыря без правапрописки (т.е. проживания и работы) не только в Загорске, но и во всей Московской области. Иеромонаха Павла под конвоем милиции привели в городской отдел внутренних дел, поставили в паспорте штамп о выписке и отобрали подпись о выезде из пределов Московской области в 72 часа. Таким образом лицо в священном сане, человека с высшим богословским образованием мгновенно превратили в бродягу и бездельника “без определенного места жительства и рода занятий”; к тому же *административное взыскание* (подписка о выезде) делало его без пяти минут (в зависимости от резвости властей) уголовным преступником.

Помощь близких помогла о. Павлу избежать уготованной ему участи. Прописка в г. Кимры (Калининской области) исключала статут бродяги, и, находясь там безвыездно, он не попадал под “нарушение паспортных правил”. Наивно было бы, однако, полагать, что КГБ в этом случае оставил бы в покое человека, к которому за советом ехали верующие за сотни и тысячи километров.

Маленькие Кимры, несомненно, сделались бы ловушкой, и не только для о. Павла. Вместо "злостного нарушителя паспортных правил" творцами КГБ, весьма преуспевшими за последние годы в подобных инсинуациях, был бы изготовлен "спекулянт", "мужеложник", "развратитель несовершеннолетних" или что-нибудь еще в этом роде. Последующие события отчетливо доказывают реальность таких намерений КГБ.

Разумеется, о. Павел лучше других понимал, что пристальное внимание КГБ пропорционально числу его встреч с верующими. Конечно, он как никто ясно видел предложенную ему альтернативу: сохранение личной свободы и (хоть и весьма относительного) благополучия — или исполнение пастырского долга. И он, как всегда, предпочел Божие человеческому (Мф. 16,21–22).

"Дело" становилось все толще по мере того, как росла известность о. Павла, любовь и доверие к нему верующих людей. Эти люди создали вокруг него плотную стену, неудобную для атаки "в лоб". Приходилось действовать привычным для "рыцарей плаща и кинжала" методом подкопов, но и тут большею частью случались осечки: то куда-то пропадал надежный осведомитель, то раскаивался и уклонялся свежезавербованный, то разоблачал такового сам о. Павел, который своей проницательностью доводил до бешенства организаторов травли. Результаты таких дорогостоящих мероприятий, как прослушивание и запись телефонных разговоров, скрытая слежка, не оправдывали себя. За семь лет КГБ только и добыл, что кипу доносов о якобы "антисоветской" настроенности иеромонаха Павла и его подозрительной популярности среди евреев. Небольшой список некоторых его друзей также не представил серьезного оперативного интереса.

Там, где не преуспели атеисты с погонами, помогли их единомышленники без погон. Родственники некоторых молодых людей, приведенных о. Павлом к вере в Бога, задались целью вырвать их из рук "религиозного фанатика". Их сигналы с помощью личных друзей в КГБ (и здесь понадобился блат!) были доведены до сведения самого высокого руководства Московского управления. И в "деле" появились одна за другой грозные, требующие немедленных действий, резолюции, начиная от начальника Управления генерал-полковника Алигина и кончая начальником

небезызвестного "религиозного отдела". Грозное начальство, как у нас водится, требовало "на ковер" виновника столь длительной пассивности КГБ в отношении о. Павла — и виновник немедленно отыскался: бывший начальник Октябрьского райотдела КГБ полковник Бугаев А.П., незадолго до того перебравшийся (с повышением) в городское управление. За проявленную нерасторопность в отношении о. Павла, пользовавшегося для отдыха квартирой в Октябрьском районе, только что повысившийся Бугаев был направлен (для исправления?) на работу в милицию. Впоследствии его полковничьи погоны были использованы КГБ для устрашения прокурора Октябрьского района, которому Бугаев нанес визит ради получения санкции на арест о. Павла.

В 1983 г. "дело" было поручено молодому, энергичному, подающему большие надежды оперуполномоченному Московского управления КГБ Макарову А.И.* Для начала он решил как бы "пристреляться", прошупать противника. С помощью студентов-комсомольцев (заманиваемых к участию в подобной деятельности обещанием быть пристроенными по получении диплома на высокооплачиваемую работу в КГБ) он провел несколько мелких, типично "молодежных" вылазок. В московской квартире, где о. Павел имел обыкновение отдыхать, дважды выбили стекла; было взорвано подложенное под окно устройство (квартира на первом этаже); были поставлены несколько раз хулиганские пикеты, которые цепляли о. Павла, чтобы вынудить его на обращение к милиции, а там свести в отделение, а там, слово за слово, отобрать подписку и припугнуть ею.**

Но все ухищрения секретных сотрудников разбивались о невозмутимое спокойствие и тихую стойкость о. Павла. И тогда Макаров (конечно, получив "зеленый свет" от руководства) решился на первую серьезную "операцию"; ее провели в начале Великого Поста 1984 г.

* Макаров Александр Игоревич, 1955г. рождения, в органах КГБ с 1978г., дом. адрес: Каляевская 5, кв.135, дом. тел. 251-88-50; разведен; имеет двоих детей от Надежды Олеговны Зеергофер, адрес: Ленинградское шоссе 3, кв. 64. Макаров А.И. закончил Московский Архитектурный институт; по специальности не работал.

** Согласно действующим законам, жители других областей СССР не могут оставаться в Москве и области без прописки более 3-х суток.

Накануне Макаров посетил прокурора Октябрьского района А.Н. Богомолова, связанного с КГБ "родственными" отношениями,* и заручился его поддержкой. Затем он позаботился об официальном прикрытии готовящегося налета, насмерть напугав своим удостоверением немолодого служаку, участкового 96 отделения милиции майора П.С. Гребенникова, который стал (вместе с "дружинниками" Макарова) бессловесным исполнителем указаний предприимчивого чекиста.

Поздно вечером 9 марта, дождавшись в засаде прихода верующих в квартиру, где находился о. Павел, вся компания обманом ("я к батюшке..." — робко произнес, позвонив у двери, юноша самого невинного вида — комсомолец, наверно?) вломилась туда. Разбежались по всем углам крохотной двухкомнатной стандартной квартиры; лазили в шкафы, хватали какие-то вещи, книги, листки; что-то утащили с собой (санкции на обыск не предъявляли; ее, конечно, и не было). Макаров прикрылся милицейским удостоверением на имя Макеева, но, наслаждаясь властью при виде смятения застигнутых врасплох ни в чем не повинных людей, он распоясался и выдал себя с головой: пугал людей пистолетом, да и вообще его манеры, характер действий, указывающий на привычку к безнаказанности, наконец, его вопросы (с демонстрацией знания, хотя и очень поверхностного, церковной "специфики") свидетельствовали лучше всякого документа, что это кадровый сотрудник КГБ. (Окончательно же выдал Макарова прокурор Богомоллов. Отмежевываясь от обвинений в свой адрес, когда к нему обратились по просьбе группы жалобщиков, незаконно задержанных в той же квартире, он сложил вину на "собратьев"*** и сообщил данные Макарова и его служебный телефон (228-46-97; в настоящее время законсервирован).

Впрочем, Александр Игоревич и сам еще на опорном пункте, куда доставили батюшку и других, понял, что переборщил и излишне

* Жена его — БОГОМОЛОВА Любовь Дмитриевна, адрес: Москва, Северное Чертаново 6, корп. 601, кв. 117, является негласным сотрудником КГБ в системе Министерства Обороны. Именно благодаря ее связям БОГОМОЛОВ, при недалеком уме и слабых способностях, получил назначение на должность прокурора района.

*** Так, для конспирации, работники прокуратуры именуют КГБ.

раскрылся, а потому, распорядившись отобрать подписку о выезде, удалился. Гребенников, оставшись с глазу на глаз с о. Павлом, сумел получить то, что требовалось. "Уедешь? — Уеду. — Подпишись вот здесь, и иди". О. Павел, как все люди, далекие от преступных побуждений, в юриспруденции не разбирался. Он подписал, где показали.*

Последующие несколько месяцев ушли на проверку и допрашивание (по месту жительства, работы, учебы) задержанных вместе с о. Павлом его друзей. Им немножко угрожали, им чуть-чуть намекали, с ними слегка заигрывали. Пусто! Никто не захотел опорочить о. Павла, никто не упал в распростертые объятия КГБ, испугавшись грядущих неприятностей.

И тогда неприятности настигли самого Макарова. Впоследствии, 4 августа, он сам сказал о. Павлу: "Меня из-за вас чуть с работы не выгнали!" Как ни дико, он человека, им гонимого и травмированного, считал виновником своих бед** и проявил личную злобную заинтересованность в расправе с ним: даже на суде (об этом упомянул в "последнем слове" о. Павел), улучив минуту, прошипел сзади: "Ничего тебе не поможет! Все равно *посажу!*"

Начальство ли подгоняло, сам ли Макаров нервничал и спешил, но в начале августа "дело" надумали продвинуть к завершению. Понадобилась вторая *подписка*.***

3 августа, узнав о приезде о. Павла в Москву, Макаров вновь явился к прокурору Богомолову, потребовав, не много не мало, санкционированного постановления на обыск в квартире, где о. Павла задержали в прошлый раз.**** Александр Игоревич

* Впоследствии на этом документе и выстроили обвинение и следствие, и суд.

** Может быть, только кроме развода, который пришелся на то же время и конечно немало повредил в глазах начальства как признак *моральной неустойчивости*.

*** Необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности за нарушение паспортных правил является наличие двух подписок о выезде, отобранных у нарушителя.

**** А.И. рассчитывал отыскать в квартире какие-либо вещи, бумаги, письма, книги — все, что могло бы дать основания для привлечения к ответственности по любой "подходящей" статье УК.

намекнул о какой-то "литературе" — и получил требуемое. На следующий день опять обманом (на этот раз женщина в платочке слезно просила у двери позвать бабушку) ворвались в дом и обыскали все шкафы. Улов — несколько экземпляров Нового Завета, два молитвослова и пластинка Апрелевского завода "Пасха Христова" — оказался настолько тош, что санкцию на обыск предъявлять не стали. Однако не уходить же с пустыми руками! Макаров завершил этот день изготовлением двух фальшивых бумаг, которые вместе с подписками стали формальным основанием к обвинению по уголовной статье.

Первый из этих "документов" — письменное объяснение подруги хозяйки квартиры, полученное известными методами: женщину несколько часов продержали взаперти, на нее кричали, угрожали посадить на пятнадцать суток, а в конце как будто сжалились: "ну ладно, напиши то-то и то-то, и езжай домой. Простая формальность". Деморализованная, утратившая ощущение реальности происходящего, почти теряющая сознание от стеной стоящего табачного дыма, она написала, что ей продиктовали; скорей бы только уйти отсюда... Драма этой женщины заслуживает специального рассказа и размышления. Куда только потом ни ходила она с жалобами — ее не слушали. Прокурор на нее кричал; в горьком парити ей вежливо отказали ("свидетелей же нет, поймите..."); в суде ее оскорбляли (судья Кононенко: "Вы все врете!.."; "Этого не может быть!..") И даже: "Вы верующая? Богу веруем, черту кланяемся!").

Вторая бумага попроще. Она сочинена самим Макаровым или лицом, вошедшим в дом вместе с ним и назвавшимся Сергеем Медведевым, и гласит, что это лицо *регулярно* доставляло продукты для о. Павла в эту квартиру (т.е. косвенно доказывается, что он там постоянно жил). Случилась, однако, вопиющая неувязка, и будь наш самый гуманный суд в мире хоть для виду *беспристрастен*, ее одной хватило бы для прекращения дела или по крайней мере возвращения его на доследование. Видимо, Макаров не удосужился проверить местонахождение *настоящего* Медведева, под именем которого действовал провокатор. Впоследствии удалось узнать, что подлинный МЕДВЕДЕВ Сергей Евгеньевич, 1961 г. рождения, проживающий в г. Лобня Московской области, с января 1984 (!) года находился *под стражей* за кражу со взломом.

Эти *показания* сыграли роль последнего аргумента в решении вопроса об *аресте** о. Павла. Прокурор и на этот раз не посмел послушаться "собратьев".

Дознание по "делу" поручили инспектору 96 отделения милиции А.В. Янчевскому,** в недалеком прошлом сотруднику отдела по охране дипломатического корпуса, — учреждения, находящегося под непосредственным руководством КГБ. Янчевский "честно" и "добросовестно" потрудился над состряпанным его бывшими начальниками "делом". Впрочем, слишком многое и не требовалось. Он всего-навсего совершил *три обмана*. Первый — при допросе женщины, ранее написавшей под диктовку Макарова объяснение о "прислуживании" о. Павлу; Янчевский *отказался записать* ее показания о том, *как* были получены ее объяснения на опорном пункте, сказав, что это не относится к делу.

Второй — при допросе хозяйки дома в Кимрах, где прописан о. Павел: он сознательно *подменил* сообщенную ею дату (2 августа) на 31 июля (тогда до дня задержания — 4 августа — в Москве как раз истекает трое суток!). Простая деревенская женщина подписала протокол не читая, не ожидая подвоха от столичного следователя.

Третий — при выполнении требований ст. 201 УПК РСФСР, когда Янчевский подсунул о. Павлу для подписи протокол об ознакомлении с материалами дела под видом ходатайства о предоставлении адвоката.

Таким образом, Янчевский подготовил все, чтобы судья Кононенко*** 4 декабря имел хоть какие-то, пусть и весьма шаткие, основания для вынесения обвинительного приговора.

* Арест по ст. 198, в особенности привлекаемого впервые, — случай абсолютно уникальный.

** ЯНЧЕВСКИЙ Александр Васильевич, 1957 г. рождения, в МВД с 1979; в Москву приехал "по лимиту", теперь получил постоянную прописку, адрес: 2-й Неопалимовский пер. 11, кв. 6-а.

*** КОНОНЕНКО Владимир Иванович, 1949 г. рождения, из Белгородской области, в Москве прописан благодаря женитьбе на москвичке. Проживает в квартире тещи Лесницкой Лидии Францевны, адрес: Ленинский проспект 24, кв. 44, дом. тел. 232-38-17; благодаря ее связям избран народным судьей Октябрьского района. Слывет беспринципным и хитрым "законником".

Ради справедливости отметим, между тем, что если бы оснований и совсем никаких не было (а их, по правде-то, и не было), судья Кононенко все равно осудил бы кого велено и на сколько велено. Одна из родственниц о. Павла, впервые попавшая на суд, приняла его за прокурора. И действительно, он вел себя исключительно как обвинитель, пользуясь при этом правами судьи: покрикивал на неугодных свидетелей, спрашивал: "Вы тоже верующая?" — таким тоном, словно интересовался: "Вы из той же шайки?"; отметал притязания защитника и удалял подозрительных из зала.*

Впрочем, А. И. Макаров все время был *тут*, на всякий случай, и не он один. Грозное ведомство, вступившее в единоборство с бездомным монахом, победило, вернее, *посадило* его.

Из речи о. Павла на суде:

...Меня выгнали на улицу, а потом обманом посадили в тюрьму. За что? Я, священник, сплю на полу между двумя убийцами... Думаю, в аду не хуже, чем где я нахожусь... Сплошной мат день и ночь... Почти ничего не ем: кусок хлеба, иногда кашу. Остальное все мясное, а я монах... Кому я сделал зло?

3.

*Никто не возвышает голоса за правду,
и никто не вступает за истину.*

(Ис. 59,4)

Но почему молчит Церковь? Патриарх, иерархия? В существующей экономической ситуации было бы не особенно затруднительно просто *выкупить* священника (как это обыкновенно делалось в периоды гонений) — ну, учитывая специфику данной эпохи, пожертвовав что-нибудь немалое в фонд мира...

* Из 20 мест в этом зале 16 были заняты задолго до начала заседания комсомольцами, которых вводил и инструктировал сослуживец Макарова ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ. Остальная публика — шестеро родных и близких о. Павла, милостиво "отсчитанных" и впущенных в зал его повелением.

Так спрашивают не-христиане. Православные же, церковные, этого вопроса не зададут... но они мучаются им втайне, в глубине сердца, которому Бог велит любить (и любим, любим!) Святейшего и епископов.

С тех пор как батюшку арестовали, бродят и бродят в верующем народе слухи, направляемые умелой (не секрет — чьей) рукой. Постепенно они кристаллизуются в одно слово: антисоветчик (заменившее памятное *враг народа*). Можно предположить, что церковные власти, сделав (неофициальный, по линии личных контактов) запрос об о. Павле, услышали в ответ это слово, и оно оказало на них парализующее действие. В *политику* Церковь не вмешивается...

Между тем, какое удобное для всех объяснение и универсальное средство к облегчению совести. Он антисоветчик, и его гонят, а я буду спать спокойно, потому что я только молюсь Богу, потому что я — не антисоветчик.* Девять лет скитальческой полулегальной жизни о. Павла КГБ искало повод обнаружить в нем *врага* — закончилась эта охота "паспортной" статьей. Потому и кажется, что ничтожных усилий Патриархии хватило бы вызволить его. Но слухи ползут и ползут.**

Среди множества бед и болезней современной Русской Православной Церкви, наверное, самой первой надо назвать утрату

* Любопытно, что почти каждый будет понимающе кивать и не спросит: что значит *антисоветчик*? Бомбы делал? Листовки разбрасывал? Анекдот рассказывал? Как все-таки порой обидно, что ничему не учит нас наша история...

** Благоприятной почвой для слухов является и самая, так сказать, ирреальность, непостижимость для здравого смысла, закона, карающего лишь за то, что ты живешь, где хочешь. Однако закон этот обычно все-таки не толкуется буквально. "Сами по себе проживание без паспорта или без прописки и наложение двух административных взысканий за это не могут служить основанием для привлечения виновного к уголовной ответственности, если не установлен злостный характер нарушения. Злостность предполагает наличие в действиях виновного упорной, продиктованной низменными побуждениями тенденции к нарушению паспортных правил. Не может считаться злостным нарушением указанных правил при наличии у виновного уважительных причин или в тех случаях, когда он добросовестно заблуждался относительно своего права проживать или быть прописанным в данной местности". (Комментарий к УК РСФСР, ст. 198. "Юридическая литература", М., 1971).

доверия между ее членами. Потеряно сердечное, открытое, бесхитрое отношение к ближнему, характерное в особенности для православных христиан. Место *простоты во Христе*, как это ни грустно, все больше и больше занимает дипломатия: все вежливы, сдержанны, с виду доброжелательны — и, может быть, бездушны и жестоки на деле.

О. Павел всегда и всюду, во всех обстоятельствах и со всеми людьми, прост и открыт; таков, каков есть. Это стало в нашей жизни настолько необычным, что казалось вызывающим и дерзким. Более того, не способные поверить в его искренность зачастую готовы были принять его прямоту за какую-то особую, доселе не виданную ими хитрость.

А он был так прост, что не понимал, зачем люди усложняют себе жизнь такими запутанными взаимоотношениями. Он был так прост, что долгое время принимал все слова и обещания церковных властей за чистую монету.

Когда наместник Лавры, ныне покойный архимандрит Иероним, сказал о. Павлу, что его не прописывает милиция — о. Павел пошел хлопотать в милицию. Когда в милиции указали на лаврское начальство — о. Павел пошел к о. Иерониму. Когда о. Иероним написал на заявлении о. Павла "не возражаю" и снова покивал на советские учреждения — о. Павел все эти учреждения обошел. Он обращался буквально *во все* — государственные и церковные — инстанции, проявив чудеса настойчивости и терпения, и добился личного разрешения на свою прописку от самого А.Н. Косыгина! И все-таки остался вне стен Лавры. Потому, что, как ни горько это сознавать, воля КГБ в этом случае совпадала с сокровенным желанием наместника избавиться от чрезмерно благочестивого монаха, который своей почти юродской искренностью тревожил и раздражал церковных вельмож. Неприязнь архимандрита Иеронима вышла даже за рамки простых приличий. Он приказал не пускать о. Павла в монастырь, а если приказ этот нарушался, терял всякое самообладание; гнев его не раз обнаруживался во время службы, при народе.

После его смерти о. Павел попытался однажды пройти на исповедь к духовнику. Бывший келейник покойного наместника, ставший благочинным, архимандрит Марк самолично вытолкнул

его, сославшись на указание ВрИО наместника (ныне епископа Алма-Атинского) Евсевия. Два года правления ВрИО* не внесли изменений в судьбу о. Павла.

Новый наместник, архимандрит Алексей, назначенный в апреле 1984 г., сколько мог, уклонялся от встречи с о. Павлом. Но свое отношение к нему, можно сказать, проявил вполне, выставив из Лавры двух молодых монахов в сане иеродиаконов, о которых было известно, что они духовные чада о. Павла.

В Лавре и теперь помнят и любят изгнанного собрата, хотя некоторым и непонятна его неуступчивость, которую они называют "упрямством", намекая на духовный изъян — непослушание — который с какой-то степенью внешнего правдоподобия можно приписать о. Павлу. Но намек этот лукав и двусмыслен; никто из знавших о. Павла не назовет монаха *послушнее* его. Он учил духовных чад, поступавших в монастырь, делать все что ни скажут, не рассуждая, и приводил пример из Патерики: заставят сажать дерево корнями вверх — сажайте! Но это — в монастыре. Тут все просто. Здесь все хотят спастись, и здесь все — для того чтоб спастись. Поэтому забудь о своей воле, о своем уме. Но ему приказали — выселяться; не потому, что нашли иное послушание вне монастыря, а потому, что *власти* отказали в *прописке*.

Спасение — и прописка. Не правда ли, странное сочетание? Послушание — и прописка. Церковь отделена от государства, какая же связь между спасением — делом Церкви — и пропиской — хитроумным изобретением государства? И о. Павел, всегда точно различающий Божие и кесарево, отважился бороться, добиваясь возвращения в Лавру. Проявил "непослушание" и "упрямство".

Ах, да в этом ли только обвиняли его, в особенности те, кто мог и должен был помочь! Его обвиняли даже в *лени*: не служит, мол, потому, что ленится. Подвергались издевательствам (что так характерно в наше своеобразное время, когда, наоборот, мытарь превозносится над фарисеем) его строгость в посте и исполнении молитвенного правила, жесткие требования, предъявляемые им

* Интересный сам по себе случай: архим. Евсевий, угодный КГБ, но негодный Патриарху, наместником так и не стал. Властям пришлось найти компромисс в лице архим. Алексия, угодного и им, и Патриарху.

к нравственному облику христианина. Кто может его слушать? разве не видит он, какое тысячелетье на дворе, что вокруг творится?

Да видел он, видел. Он понимал время получше других. Он жил *на стогнах*, к нему не стеснялись подойти и те, кто никогда не приблизился бы к блистающим ризами церковнослужителям. Но зрелище обезбоженного мира, торжествующего порока, растоптанной в грязи человеческой души не вызывало в нем ни бурного протеста, ни брезгливого отвращения, ни ложного смирения. Потому что ничто не заслоняло от него Христа, Которого он видел перед собою еще явственнее, чем смрадные язвы века.

Бывали минуты, когда, задыхаясь в сгущенной атмосфере чужих грехов и страстей, изнемогая от духовной и физической усталости, он словно колебался; вспоминал об осторожности в бесправном своем положении; понимал ведь и то, что за каждую обращенную к Богу душу беспощадно мстит враг нашего спасения. В эти минуты он закрывал глаза и "исчезал", уходил в размышление, в молитву, а после твердо заключал: грядущего ко мне не измену вон...

"Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы Я, чтоб он уже возгорелся", — говорит Господь (Лк. 12, 49). Этим огнем любви к Богу, рвения в беззаветном служении Ему, верности правде Божией и готовности стоять за нее до смерти пламенела душа о. Павла, и в ярком свете его огня сами собой обличались теплохладность и малодушие, честолюбие и корысть, суетность и нечестие церковных деятелей, чье христианство, страха ради и покорности, сузилось до *отправления культа*. Некоторых из них, у кого еще жива совесть, передергивает при упоминании имени о. Павла: находясь в беспрекословном "послушании" у КГБ, они уверяют себя и других, что иначе нельзя — и как же перенести человека, который *смог* иначе — и благодушествовал, и радовался, и был свободен, свидетельствуя личным подвигом слова Апостола: "Кто отлучит нас от любви Божией? скорбь, или теснота, или гонение?" (Рим. 8, 35). Все эти девять лет никто не протянул ему руку помощи; на праздничных службах, помазывая о. Павла за всенощной и причащаясь с ним из одной Чаши, владыки *не узнавали* его; теперь же, когда он в тюрьме, они "покивают главами своими";

ну как если человек тонет, а толпа стоит на берегу и обсуждает это событие: один пожалеет, другой отвернется, третий скажет — *"сам виноват"*.^{*} И если сегодня никто из иерархов еще не помогает о.Павлу *утонуть* — значит, КГБ еще недостаточно *"поднажал"*.

Из речи о. Павла на суде:

Судите меня не вы. За вами стоит более серьезная организация — КГБ. Она и судит меня. За что? За то, что я каждой клеточкой своего существа *предан Богу*. За то, что я был *нужен людям*, и они шли ко мне за помощью и советом...

4.

...Горе пастырям, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри?

(Иез. 34,2)

Высшее служение, на которое призывает Господь, есть, без сомнения, пастырство. Трижды вопрошает Он апостола Петра о любви к Себе и триждыпредлагает — в подтверждение любви — *"паси овец Моих"* (Ин. 21,15–17).

О.Павлу щедрой мерой дарован был талант пастырства, *"милющего сердца"*, и *"овцы слышали глас его"*, и прилеплялись к нему всем существом, мучимым неутолимой жаждой истины в пустыне обездуховленного мира. Тот, кто шел к нему, как к имеющему власть примирять с Богом, бывал удовлетворен и счастлив. Тот, кто лишь умствует и теоретизирует, а жить по Христовым заповедям пока не начинал, бывал разочарован и уходил к более покладистым духовникам. Впрочем, и о таких батюшка продолжал молиться. Он не бросал никого. Для него не существует просто *слов*; понятия *"духовный отец"*, *"духовное чадо"* значат для него то, что они значат: *"пастырь добрый душу свою полагает за овец"*. Он не мог

^{*} Один из характерных соблазнов нашего времени — сталкиваясь с фактом *гонения*, люди пытаются в самом гонимом отыскать духовную причину его несчастья, забывая, что гонимость — неотъемлемый (хотя и не единственный) признак подлинности христианства, как сказано: *"Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы"* (2 Тим. 3, 12).

бросить стадо и бежать, как того желал КГБ, потому что за каждую овцу *отвечал Бог*.

В наше опрокинутое время стали повседневными перебрасывания епископов и священников из епархии в епархию, из одного конца страны в другой, из прихода в приход. Между тем отъезд от одной паствы к другой нужно приравнивать к прелюбодеянию: все равно как если бы семейный человек, переселяемый с места на место по работе, всякий раз обзаводился бы новой семьей, а о старой забывал. Перемещения и преследуют эти цели: чтобы рвались всякие связи, чтобы опускались руки у пастырей, сорванных с возделанной и удобренной почвы, чтобы пресекать всякие попытки к единению верующих (возможному лишь вокруг пастыря). Да ведь напрасно и беспокоятся: нынешние пастыри наши в подавляющем большинстве никого не пасут, т.е. не учат, не наставляют, не исповедуют (если не считать исповедью проход батюшки с епитрахилью "по головам"). Да, конечно, многолюдство, утеснение, спешка — причины все объективные, однако заметно и то, что в данных обстоятельствах священники *уклоняются* от общения с прихожанами, думается, не желая ответственности — ни здесь перед властями, ни *там* перед Богом. Батюшка о. Павел от ответственности не уклонялся и пастырскому долгу не изменил, решительно не пожелав добровольно расстаться с паствой, покинуть ее. И это тоже выглядит беспримерным фанатизмом в восприятии тех, кто готов на любое соглашательство с тьмою, было бы указано свыше. Экуменические молитвы, панихиды по безбожникам, декларирование с амвона "мира и благоденствия" — этими уступками духу века сего не может не уязвляться сердце, преданное Православию. Батюшка учил ограждать душу от лжи и прочих тлетворных влияний и хранить бескомпромиссную ревность об истине, сам являя пример самоотверженного и безбоязненного исповедания Православной веры в ее апостольской святоотеческой чистоте.

Отец Павел по воле КГБ, при молчаливом согласии церковной верхушки, приговорен к 10 месяцам исправительно-трудовых лагерей. Срок, казалось бы, небольшой (особенно для тех, кто и близко к тюрьме не подходил никогда), но вспоминается невеселое

присловие наших дней: когда на человека ничего нет, берут самого человека. Опыт последних лет показывает, что из осужденных за убеждения, но, как сейчас принято, по уголовным статьям, редко кого выпускают на свободу по отбытии срока; разве тех, кого удается купить, утратить, сломать. А для тех, кого приручить не удастся, есть испытанное средство — удержать руками уголовников.

О. Павла тоже взяли, чтобы попытаться сделать послушным. Послушным, как вся ... Церковь? Безумные, ослепленные дьяволом слуги его не понимают, что Церковь — отнюдь не только иерархия. Пусть *наверху* все окажутся Иудами, это не принесет КГБ победы, ибо есть еще *мы*; пусть самые заметные, самые внешне красивые и яркие ее члены омертвели — Церковь жива! ибо жив Господь, Ее истинный Глава, и живы мы, грешные и немощные. Но как бы малы ни были — мы можем молиться. Будем же молиться, православные, о дивном пастыре Церкви Христовой иеромонахе Павле, которого сподобил Господь тяжелого испытания в единоборстве с тьмою.

Апостол призывает нас: "Помните узников, как бы и вы с ними были в узах" (Евр. 13, 3). Замечательные эти слова да исполним, прилежно молясь Богу о батюшке, который за всех нас страдает. Сатана борется с Богом за души человеческие, и его злобная энергия направляется на делателей на ниве Христовой. Слуги Божии, хранящие Любовь, неизбежно становятся воинами против Сатаны. А битвы без ран невозможны. "Мнози скорби праведным" (Пс. 33). Скорбями и ранами благословляет Господь верных Своих.

Глубока печаль наша, горько сиротство. Но не унываем, имея несокрушимую надежду на Того, Кто силён извести батюшку из темницы; Кто, верим, сохранит его "посреде сени смертных"; Кто и нас грешных не оставит без утешения. С нами Бог!

*Рождество Христово 1984/85 г.
Москва*

Дополнение:

11 января 1985 г. Московский городской суд утвердил незаконный приговор. В тот же день о. Павел был этапирован в пересыльную тюрьму на Пресне.

П.Ф. АНДЕРСОН

БЕРДЯЕВСКИЕ ГОДЫ 1922 – 1939

(Из книги воспоминаний) *

Моим коллегой по работе с русскими военнопленными был американец русского происхождения, методистский священник доктор Юлиус Ф. Геккер. Он начал свое образование в Санкт-Петербурге и знал русский язык в совершенстве. Кроме того, он разделял некоторые радикальные взгляды студентов своего поколения. Работая в лагере, доктор Геккер организовал обучение чтению и письму русских солдат и крестьян, составлявших большинство в лагерях для военнопленных в Австро-Венгрии. Для этой цели ему пришлось написать буквари и книжки для чтения.

Приехав в Швейцарию, он столкнулся с русскими эмигрантами, жившими в Женеве, Лозанне и Цюрихе. Среди них он нашел много людей, способных помочь ему в организации настоящего издательства, выпускающего научно-популярную литературу по естественным наукам, истории, этнографии и религии. Геккер был бесспорно честен и искренен. Он верил, что Россию можно превратить в страну не только поголовно грамотных, но и образованных граждан. Исходя из этого, Геккер составил программу изданий переводов книг известного в свое время автора YMCA Гарри Эмерсона Фосдика и русского эмигрантского писателя Николая Рубакина, чьи научно-популярные брошюры расходились в сотнях тысяч экземпляров. Издававшиеся Геккером книги и брошюры печатались YMCA в Женеве.

Предполагая, что русских военнопленных будут продолжать держать в европейских лагерях еще очень долго, Геккер разработал план заочной школы. В эту заочную школу пленники могли записаться и начать заниматься в ней, еще находясь в лагере, и затем продолжать свои занятия по почте, вернувшись в родной город или деревню. За образец была взята уже действующая заочная школа американской YMCA для американских солдат в Европе. В то

* P.B. Anderson: "No East or West", YMCA-Press, 1985.

время эта школа прекрасно функционировала. Отсутствие подходящих русских учебников и книг для такого рода занятий побудило Геккера привлечь к работе писателей и педагогов из среды эмигрантов. Среди них было много квалифицированных людей, знакомых с американской учебной литературой для средних школ и технических колледжей. У них также нашлись отдельные экземпляры наиболее популярных в России учебников для начальной школы. Заокеанский комитет YMCA из благотворительных побуждений выделил необходимые ассигнования и избрал группу русских специалистов, которые частично перевели, а частично написали учебники, начиная с букварей и кончая новейшими трудами по электротехнике, двигателям внутреннего сгорания и американским методам ведения сельского хозяйства. Но вслед за этим, под давлением Вашингтона, Геккера, вероятно, из-за его левых связей, сочли неподходящим для издательской деятельности и ему пришлось уйти из YMCA.

Однажды, поздно вечером, я сидел за письменным столом, как вдруг вошел расстроенный, но не отчаявшийся Геккер. Убедившись, что я слушаю его дружески и непредвзято, Геккер подробно рассказал мне о своем опыте общения и работы с интеллигентными русскими эмигрантами в венгерских лагерях и в Швейцарии, а также об издательском плане, над которым они совместно работают. Он заговорил о том, что YMCA затрудняется в выборе достойного руководителя для этой работы, и, внезапно повернувшись ко мне, сказал: "Вы возьметесь за это!" Через два-три дня он зашел и сообщил, что он предложил мою кандидатуру Колтону и Колтон согласен. Так, во мгновение ока, Геккер ушел, а я вступил в должность.

Заочная школа и издание учебников были частями одной программы, но комитет разделил руководство между директором издательства и директором заочной школы. С января 1921 г. я занял пост директора заочной школы, а Джеймс Нидергаузер, только что вернувшийся из Софии, был назначен директором издательства. Будучи равноправными сотрудниками YMCA, мы вместе разрабатывали по частям единую программу, и когда в 1924 г. Нидергаузер был уволен, комитет естественным образом передал мне его функции.

Знакомство с выбранными Геккером специалистами было для меня замечательным переживанием. Все они занимали ответственные посты на государственной службе. Силуан Балдин, гражданский инженер, имел в русской гражданской службе звание, равное чину генерала. Борис Крутиков руководил расчетным отделом русской закупочной комиссии в США, оперировавшей миллионами долларов. Николай Макаров имел глубокие познания в американском сельском хозяйстве. После того, как Геккер передал мне свой административный пост, эти трое были переведены в Европу, где продолжили издательскую работу, начатую ими в Америке. Они подготовили к печати ряд рукописей и отпечатали три учебника для начальной школы в нескольких тысячах экземпляров, так как мы рассчитывали на широкое распространение наших изданий в России. Мы привезли все эти материалы в Европу в 1921 г.

Комитет решил, что нам следует организовать где-нибудь в Европе специальный центр, чтобы издавать более или менее дешевые книги и руководить работой Русской Заочной школы.

Центр разместился в Берлине, поскольку в Германии осело много бывших военнопленных и эмигрантов. Хотя к концу 1921 г. военнопленные везде, кроме Германии, были освобождены из лагерей, мы предполагали, что курсы можно открыть и для бывших военнопленных, с тем чтобы они продолжали занятия по возвращении в Россию. К тому же, место военнопленных в немецких лагерях теперь заняли беженцы. Международный комитет ассигновал 250.000 долларов, чтобы наладить дело, несмотря на то, что было неясно, продержится ли наше предприятие год-два или укрепитя надолго. Около года заняли поиски места для недорогого издательства, и затем мы с Нидергаузером организовали его в Праге под маркой YMCA-TISK. Поскольку издательство находилось в Праге, а Заочная школа, где я директорствовал, — в Берлине, мне приходилось постоянно совершать 8-часовые переезды между Берлином и Прагой, чтобы советоваться с русскими специалистами и разрешать с Нидергаузером организационные вопросы. Мне пришлось также торговать нашими книгами. Надо было организовать продажу в тех европейских городах, где был спрос на русские книги. Сначала мы продавали в Берлине. Туда прибыло

более 100.000 русских беженцев. (К тому же Германия с довоенных времен издавала большое количество книг для российской империи. Берлин и Лейпциг были традиционными центрами печатного дела и книжной торговли. Берлинские издатели в основном вели до войны оптовую торговлю с Россией, но русский рынок практически перестал существовать в результате революции и голода). Книжный магазин Ганса Закса (самый большой магазин в Берлине) находился сразу же за углом от нашей конторы на Кохштрассе.

К сожалению, в 1923г., под предлогом предоставления льгот отечественной продукции, было наложено эмбарго на ввоз в Россию любых книг на русском языке. Эмбарго нанесло смертельный удар нашему типографскому предприятию в Праге, и сначала казалось, что нашей издательской деятельности пришел конец. Само собой разумеется, эмбарго стало неустрашимым препятствием в продолжении деятельности Русской Заочной школы в Советском Союзе. Мы оказались на грани катастрофы. Нам пришлось закрыть пражское предприятие, мы нуждались в помещении для хранения изданных здесь книг, а также в новом рынке сбыта для них. Книги мы отправили на наши старые склады, на свободную от пошлин территорию в Щединской гавани, оттуда их пересылали, куда нужно, по требованию. Затем мы арендовали магазинчик на Шютценштрассе, около Кохштрассе.

В магазине бывало очень мало местных покупателей, а у нас еще не были достаточно налажены контакты с другими русскими книжными магазинами в Европе и Америке, так что *мы не могли просить их о помощи*. В результате, через три месяца пришлось закрыть магазин. К счастью, мы быстро нашли чеха, который купил у нас оборудование и здание. Благодаря резкому изменению в ценности чехословацкой валюты, денег мы потеряли немного. После ликвидации пражской YMCA-TISK, магазина на Шютценштрассе и пересылки основного запаса книг в Щецин, Нидергаузер и все русские, которых он привез с собой из Америки, кроме Крутикова, были уволены и вернулись в Нью-Йорк. В Европе осталось небольшое количество книг. Впоследствии их переслали в Советский Союз. Однако мы уже заложили основу будущей деятельности нашего издательского комитета. Комитет принял на себя ответственность за то, чтобы найти в эмигрантской

среде авторов, способных выразить ее религиозные и культурные воззрения.

Мы чувствовали, что YMCA—PRESS — это творческое издательство, в отличие от YMCA—TISK, которую мы рассматривали в основном как типографию, несмотря на творческую работу с учебниками. После отъезда замечательных сотрудников, наладивших и пустивших в ход типографию, я вынужден был в одиночестве решать проблему издания книг. Я делал все: от чтения рукописей до распределения бюджета. Нужно было сохранить равновесие между расходами, доходами от проданных книг и ежегодными пожертвованиями от Международного Комитета. Можно было ожидать, что Заочная школа и литературный отдел погибнут, не выдержав смертельного удара, нанесенного советским эмбарго. Но случилось не так. Эти организации пережили кризис и извлекли пользу из пражского опыта.

В эти годы мы с радостью наблюдали бурное развитие общественной интеллектуальной жизни растущей русской эмигрантской общины, в частности, русской программы YMCA—PRESS. Местная русская газета "Руль" посвящала колонку за колонкой этой деятельности. YMCA открыла студенческий клуб в мезонине ресторана *Am Klee* и субсидировала организацию студенческих групп по изучению религии. Так мы познакомились с ведущими представителями русской интеллигенции. Некоторые из них приехали из беженских лагерей Польши, другие, профессора, ученые и писатели, были высланы из Москвы, Петрограда и Киева. Студенты радостно приветствовали вновь прибывших, среди которых многие были широко известны в интеллектуальных кругах и могли стать руководителями для юношей, выброшенных за границу и не успевших закончить образование или найти свое призвание.

Трое наших сотрудников были назначены работать со студентами: Эберсоль представлял европейскую помощь студентам, он обеспечивал весьма ограниченное количество стипендий; Г. Г. Кульман работал непосредственно со студентами, так как сам учился в Европе и имел превосходное философское и юридическое образование; Федор Пьянов, который не имел высшего образования, но работал в нашей организации (Маяк) еще в дореволюционной

России, должен был разыскивать русских профессоров, способных с нами сотрудничать. Эти люди познакомили нас с настоящей сокровищницей опыта, знаний и мудрости, привезенной в Берлин русскими изгнанниками. Постепенно мы поняли, что, по-видимому, рассматриваем проблему с неправильной точки зрения: мы обдумываем, как бы им помочь, а надо просить их помочь нам. И мы стали серьезно обдумывать, как наилучшим образом использовать знания этих ученых.

В это время, зимой 1922–23 г., в YMCA–PRESS наступил кризис. Поскольку мы больше не могли посылать книги в Россию, зачем было их печатать? Более того, наши христианские чувства заставляли нас спрашивать себя, почему мы должны заниматься печатанием учебников, а не книг, расширяющих кругозор христиан, помогающих нам вникнуть в течения русской философской мысли, представители которой ныне находятся среди нас? С помощью Кульмана, который был знаком с русским ученым миром, мы выяснили, что студенты хотят, чтобы русские профессора и

здесь руководили их образованием. Пьянов, который не учился в университете и потому судил о профессорах по-своему, выбрал среди тех, кто ходил в студенческий клуб, человека, который, по его мнению, лучше всех подходил к нашим требованиям и был одним из лидеров кружка эмигрантских философов. Это был человек лет сорока, Борис Петрович Вышеславцев, до высылки профессор философии в Московском университете. Беседуя с ним, я узнал много нового об этих людях, об их знаниях и надеждах. По совету

Кульмана, я попросил Вышеславцева придти ко мне вместе с Николаем Александровичем Бердяевым и Семеном Людвиговичем Франком обсудить, что следует делать. Когда все трое пришли, за чаем, я объяснил, какова ситуация YMCA, и спросил, что они

хотели бы сделать для скорейшего распространения своих идей среди студентов и других русских в Берлине? Затем Бердяев рассказал об их московском опыте: когда его и его товарищей уволили из университета, они решили собрать студентов в "Вольной Философской Академии" и сняли для нее помещение. За короткий срок в Академию записалось более тысячи студентов. Это вызвало гнев атеистически настроенных марксистов, занявших их место в университете, и они добились закрытия новой академии и высылки профессоров. План Бердяева и его коллег состоял в том, чтобы открыть нечто подобное Академии в условиях свободного Берлина. Эта идея вполне совпадала с планами YMCA. Пьянову была поручена организация института, три наших гостя должны были стать ядром преподавательского состава. Пьянов сумел арендовать для занятий помещение французской гимназии. Это было очень удобно, так как давало возможность нескольким профессорам преподавать одновременно в разных классных комнатах. Профессора, студенты, представители русской православной иерархии и общественности решили торжественно открыть институт 26 ноября 1922 г. На открытие прибыли виднейшие представители эмигрантской элиты: архиепископ Евлогий, глава Русской Православной Церкви в Западной Европе, с несколькими священниками, госпожа Германова из Московского Художественного Театра, Борис Зайцев, к этому времени уже известный романист, и сотни других известных лиц. Просторный зал был заполнен до отказа.

Центральным моментом вечера была речь Бердяева. Он говорил о чудовищном кризисе, переживаемом русской культурой на родине, и о новом институте как о возможности сохранить живую русскую культуру в зарубежье. Местные газеты дали полный отчет о вечере, и Академия начала работать. Она не была зарегистрированным учебным заведением, и профессорам не платили настоящего оклада, а только оплачивали каждую лекцию. Аренда помещения сэкономила нам расходы на покупку или строительство. Лекции пользовались большой популярностью среди людей всех возрастов, и YMCA приобрела известность как русская культурная организация.

Появление архиепископа Евлогия на открытии "Свободной Академии" было неслучайным. Мы однажды уже встречались с ним

по формальному поводу, поскольку работники УМСА, сотрудничавшие с АРА в помощи голодающим, уделяли особое внимание представителям Православной Церкви. (Все годы, начиная с установления советского режима и до Второй мировой войны, Православная Церковь страдала не только от давления властей, но и от внутренних своих неурядиц. Разногласия захватили не только всю Россию, но и распространились на Русскую Православную Церковь в эмиграции. В зарубежье группа епископов, бежавших от большевиков через Черное море или через украинскую границу, образовала "Зарубежную Церковь". Сначала эту Церковь принял под свое покровительство Константинопольский, а затем Сербский патриарх). Архиепископ Евлогий был епископом Холма, ныне находящегося в Польше. Когда он бежал от большевиков, поляки заключили его в монастырь у подножья Карпат, но вскоре выпустили, благодаря вмешательству архиепископа Кентерберийского, и разрешили уехать в Берлин. В Берлине его радостно приняла

большая русская община. Епископ Евлогий поселился в бывшем русском посольстве с церковью на Унтер-ден-Линден и стал *de facto* главой Русской Православной Церкви на Западе. Однако группа епископов в изгнании в Сремских Карловцах в Югославии оспаривала его право на эту роль. Во время одного из визитов Этана Колтона в Москву, патриарх Тихон попросил его передать устно архиепископу Евлогию, что патриархат считает его главой Церкви в Западной Европе. После этой встречи, вернувшись

в Берлин, Колтон попросил меня, как сотрудника, лучше всех знающего русский язык и Церковь, сопровождать его при передаче сообщения. Впоследствии это сообщение было подтверждено также и письменно, но в то время оно придало архиепископу Евлогию спокойствие и уверенность. Наша беседа была для архиепископа первой встречей с УМСА и он никогда ее не забывал.

Годом позже он переехал в Париж вслед за своим духовным стадом, русскими эмигрантами, перебравшимися на более зеленые пастбища Франции. В Париже он разместился в построенном за 60 лет до этого Александро-Невском соборе и пробыл там в чине сначала архиепископа, а затем митрополита вплоть до своей смерти в 1946 г. Я посещал его часто и всегда с радостью. Иногда приходил по церковным делам, а иногда приходил к нему посетителем. Он был главным и самым терпимым церковным покровителем нашей деятельности и в YMCA, и в Русском Студенческом Движении в Зарубежье.

Одновременно с новым русским институтом было основано местное учебное заведение в благоустроенном лагере Вюдорфе, в сорока милях от Берлина. Кайзеровское правительство держало в нем турок и других мусульман во время армейских сборов. Здесь была построена мечеть. Когда война кончилась и мусульмане репатриировались, в лагере разместили бывших русских военнопленных и беженцев. У одного из них возникла идея создать школу для подготовки землемеров, электриков и других технических специалистов. YMCA поддержала эту идею, назначив Гатфилда, бывшего сотрудника волжской экспедиции YMCA, организатором дела. За несколько недель лагерь превратили в двухгодичную русскую техническую школу с русскими и немецкими преподавателями. Школа чрезвычайно успешно работала в течение трех лет.

Из Симоновского лагеря на Балтике выросло к 1921 г. берлинское отделение для школьников. Оно придало больше разнообразия работе YMCA и получило новое компетентное руководство, когда Мак-Наутен привез из Таллина Николая Федорова. Федоров много лет был директором Русского Клуба Школьников и организовал на его основе эстонское отделение YMCA.

Таким образом, весь штат YMCA был теперь разумно распределен. Лоури поехал сначала в транзитный лагерь в Риме, затем в Ленинград для помощи в АРА, а затем в 1923 г. в Прагу для работы со студентами. Райал, Соммервилл и Галлиман работали втроем в Польше. Амос Эберсолль распределял стипендии в посольствах, а Кульман помогал в организации студенческих дискуссионных групп и лекций. Берлин превратился в выдающийся

культурный центр русской эмиграции; Прага же стала основным прибежищем для общественных и учебных учреждений. Так случилось в основном потому, что сам президент Томаш Масарик

страстно увлекался русской философией и был убежден, что в отношении истории, языка и общественного мировоззрения Россия и Чехия братские славянские страны. В Петрограде он обедал у нас в доме в месяцы, предшествовавшие "Смольному", когда устраивал "исход" чешских легионеров и их возвращение домой. Теперь он способствовал вкладу русской эмиграции в живую мощь нового Чехословацкого государства. Президент Масарик поддерживал Земгор (Земский и городской

союз) и старый русский Красный Крест в организации помощи нуждающимся. Он также старался поддерживать русскую культурную жизнь. В одну из моих обычных поездок в Прагу я вместе с Д.Лоури смотрел блистательную постановку Московского Художественного Театра: "Вишневый сад" Чехова с участием вдовы автора. В Праге постоянно читались публичные лекции, издавались книги по литературе и искусству. Был создан официальный архив революции, в котором собрали много ценных рукописей и других материалов. Поскольку президент Масарик хорошо понимал, какое крушение надежд пережили тысячи юных эмигрантов, оторванных от России и не закончивших образования, под его руководством чешское правительство создало учебные заведения, дававшие и гимназические, и университетские дипломы. Студентов были многие тысячи и полным-полно опытных педагогов. И студенты, и преподаватели были обеспечены и жильем, и стипендиями. Этим замечательным предприятием для юношей был создан культурный мост между Россией и странами, в которых им приходилось жить.

Подобную, хотя и меньшую помощь русским студентам и профессорам оказали болгарское и югославское правительства.

В Софии была русская гимназия, а русская служба YMCA организовала шестимесячные курсы по геодезии, жилищному строительству и электротехнике. В школе преподавали высококвалифицированные учителя, директором был Гарви Г. Смит. (YMCA-TISK напечатала несколько написанных для этой цели учебников). Русский кадетский корпус основал гимназию в Югославии. Естественно, студенты собирались друг у друга на квартирах, обсуждали пережитое и строили планы на будущее. Некоторые из них собрали группы с формальным членством и регулярными собраниями. Они не имели ничего общего с распространенными раньше в России и среди старой эмиграции революционными конспиративными организациями. Новые эмигранты, на собственном опыте пережившие последствия революционной деятельности, обратились к православию. Вскоре такие группы по изучению религии образовались почти во всех крупных европейских городах. Представители этих групп встречались с руководителями Всемирной Студенческой Христианской Федерации (WSCF). С некоторыми из них русские студенты находили общий язык и общие цели. Поэтому двое русских — члены имковского Студенческого Христианского Движения в Петербурге предложили, чтобы три западные организации — (WSCF, YMCA и YWCA) — вместе субсидировали конференцию и пригласили бы на нее представителей русских студенческих групп. Конференция состоялась в августе 1922 г. в Пшерове, в Чехословакии. Кульман, Лоури и Геллингера помогли в организации встреч и участвовали в конференции. Стержнем конференции были ежедневные, утром и вечером, церковные службы. Они оказались самым важным моментом для всех участников. Отец Сергей Булгаков и отец Сергей Четвериков помогли студентам осознать необходимость серьезной духовной работы, дающей силы переносить грядущие испытания. Все участники в конце конференции причастились Святых Тайн, многие впервые с самого детства. Студенты расставили перед баракком столы, расстелили на них чистые простыни и поставили иконы. Впереди установили престол и устроили занавес, который задерживался и раскрывался в нужные моменты литургии. Благодаря этой "церкви" и серьезной настроенности студентов произошло объединение студенческих кружков в вере и молитве в Русской

Православной Церкви. Не было поэтому ничего удивительного в том, что, собравшись снова в 1923 г., вся эта молодежь решила преобразоваться в Русское Христианское Студенческое Движение в Зарубежье и избрало Прагу центром для координации, с постоянной канторой и сотрудниками. Председателем выбрали Василия Васильевича Зеньковского, профессора киевского университета (он пробыв председателем до самой своей смерти в 1962 г.), отец Сергей Четвериков стал священником Движения.

В старой России существовал некий зародыш РСХД в Петербурге и Киеве. По своей доктрине и молитвенной жизни он напоминал современное экуменическое движение, хотя этого слова тогда еще не существовало. Началом движения следует считать приезд Мотта в Россию и его лекции. Затем руководил движением барон Пауль Николаи — финский лютеранин и петербургский чиновник высокого ранга. Теперь руководство осуществляли некоторые из эмигрировавших членов СХД. Один из них — врач, бежавший в 1919 г. в Сибирь, затем осел во Владивостоке; оттуда бывшие члены СХД пригласили его в 1922 г. на конференцию WSCF в Пекине, после этого петербургская группа переехала дальше, осев сначала в Софии, а потом в Берлине. Они оказались, естественно, руководителями пшеровских конференций, и в конце концов их попросили стать ответственными секретарями движения в Зарубежье (под опекой трех вышеупомянутых западных организаций). Это были: доктор медицины Лев Николаевич Липеровский, педагог Александр Иванович Никитин и профессор Лев Николаевич Зандер. Обращение студентов к религии нашло свое отражение во взглядах русского издательского отдела русской службы YMCA. Отвечая на возросший интерес студентов и вообще интеллигенции к религии и возрождая основные духовные цели YMCA, наши сотрудники дополнили программу по изданию учебников книгами религиозного содержания.

Однако мне был памятен дорогостоящий опыт Геккера, когда тысячи экземпляров переводных американских "протестантских" книг остались лежать на складе в Щецине из-за отсутствия интереса к ним в русской читающей публике. Я почувствовал, что мы должны изменить стиль и содержание нашей работы. Поэтому

я спросил моего ближайшего советника Бориса Петровича Вышеславцева, как он думает, какую книгу религиозного содержания подарила бы русская семья подростку на именины. Борис Петрович ответил: "Вероятно, выбрали бы Жития Святых". И добавил, что такая традиционная литература мало что могла бы дать юноше, перенесшему войну, революцию, голод и изгнание. Однако нам запала мысль ознакомить молодежь с теми русскими духовными людьми, чья жизнь и идеи могли бы послужить вдохновляющим примером. Поэтому мы решили попросту изменить характер этих

книг и дать вместо "елейных сочинений" исторические биографии. Начали с того, что попросили известного русского романиста Бориса Константиновича Зайцева написать книгу о Сергии Радонежском, святом и национальном герое. Зайцев с жаром согласился и за несколько месяцев написал небольшую книгу, выдержавшую три издания в YMCA-PRESS. Затем, посоветовавшись с Бердяевым, мы решили издать сборник статей разных философов. Сборник предполагалось издать под названием "Проблемы русского религиозного сознания". Участвовать в сборнике пригласили людей, писавших на эти темы вместе с Бердяевым еще в России и прошедших закалку "революционным огнем". Это были: Булгаков, Вышеславцев, Карташев, Арсеньев, Зеньковский, Франк. Сборник вышел в издательстве YMCA в 1924 г. и произвел большое впечатление

на русскую читающую публику. Стало ясно, что YMCA ставит себе целью не протестантский прозелитизм, а выражение самобытной русской мысли и чаяний русского народа. Сборник дал тон дальнейшим публикациям нашего издательства. Позднее в Париже мы напечатали практически все значительные богословские и философские труды Свято-Сергиевского Богословского Института. Нашим лозунгом стало "Сохранить и развить русскую христианскую культуру!" В первые дни нашей работы в Берлине, с 1920 по

1924 год, денег у издательства хватало на выполнение практически любого разумного проекта. (Мы еще находились в состоянии перестройки и передышки, не уstraшенные потерей типографии в Праге).

Мы не сразу почувствовали, какое влияние оказала инфляция в Германии на русскую эмиграцию и деятельность YMCA, но к марту 1924 г. стало ясно, что необходимо уехать из Германии. Русские эмигранты, потерявшие работу в результате краха немецкой экономики, искали спасения во Франции. Здесь послевоенное восстановление хозяйства требовало новой рабочей силы, вместо миллионов погибших на войне мужчин. Сначала ручеек, а затем и поток русских эмигрантов, одиноких и семейных, потек в Париж и в большой металлургический район между Лиллем и Греноблем. YMCA последовала за ними, прекратив все виды деятельности в Германии, кроме руководства подростковыми и студенческими группами, и перевезла в Париж всех сотрудников, мебель и оборудование. Это было весной 1924 г.

Итак, 17 июня 1924 г. я присоединился к шестидесяти с лишком тысячам русских эмигрантов в Париже. Я почувствовал, что настало время для постоянной работы. Так это и оказалось: я продолжал мою работу все нелегкое мирное время вплоть до 1939 г. Первый месяц в Париже я помогал сотрудникам устроиться в новом помещении на авеню дю Гран Шен, 78, в предместье Сен-Мор де Фосе. Некоторые наши люди сняли квартиры в том же пригороде или поблизости в Шампиньи. Бердяев приехал с женой и свояченицей 4 июля и снял квартиру временно вместе с князем Григорием Трубецким, в Кламаре; Борис Петрович Вышеславцев с женой Натальей Николаевной снял квартиру в Париже, недалеко от железнодорожной станции Бастилия.

После провала в 1924 г. заочной школы в Праге, сотрудники навели порядок в материалах, привезенных из Берлина, и, проведя разъяснительную кампанию в лагерях Германии и Польши, Прибалтике и на Балканах, набрали новых учеников. Сотрудники американцы к этому времени в большинстве своем уволились. Только Мак-Наутен, Кульман и я решились переехать в Париж. Мы

разделили между собой будущие сферы деятельности: Кульман избрал руководство работой со студентами. В результате роста РСХД и братства на Балканах эта работа давала наибольшие возможности прямого общения с людьми. После двух съездов РСХД в Пшерове, в 1923 и 1924 г., РСХД избрала штаб-квартирой Движения Прагу. Однако переезд эмигрантов из Берлина и Польши во Францию, затем переселение русской службы YMCA в Париж привело к тому, что к 1925 г. руководители РСХД решили и свою штаб-квартиру перенести в Париж — отныне столицу зарубежной России.

Для меня было естественно продолжать быть директором Заочной школы и попробовать вновь заняться издательским делом. Кульман избегал административной работы, так как имел философские и богословские склонности; поэтому администрирование осталось на мне, вплоть до возвращения Мак-Наутена из СССР. По правде говоря, я вынужден был играть главную роль в администрации с самого начала, с Берлина, и по должности, и из-за почти постоянного отсутствия Мак-Наутена. Для Заочной школы мы разработали систему студенческих "табелей", куда вносились и личные данные, и сведения об учебных успехах.

П. Ф. Андерсон

Единственным сотрудником YMCA—PRESS, приходившим в новую контору ежедневно, был профессор Вышеславцев. Ученый и философ — он был бесполезен в таких практических делах, как розыски типографии, заключение договоров с ними, продажа книг и т.п. Поэтому мне приходилось не только составлять издательские планы, но и договариваться с печатниками и торговцами в разных странах о сбыте нашей книжной продукции. Заниматься всем этим, сидя на загородной вилле, было крайне неудобно, но мы относились к делу философски до тех пор, пока (в мае 1926 г.) не стало окончательно ясно, что надо устраиваться в самом городе. К этому времени нас стали посещать не только студенты

Сорбонны, но и вообще интеллигенция, и в единственной комнате, снятой нами на улице Дюпюитрен, стало тесно. Согласовав финансовую сторону с представителями YMCA в Нью-Йорке, я выбрал большой двадцатидвухкомнатный дом, своего рода городской дворец, на бульваре Монпарнас, 10. Мак-Наутен вернулся с работы в АРА по оказанию помощи голодающим студентам в Советском Союзе в 1926 г. и снова занял свой пост старшего секретаря русской службы. Он принялся также за дело, которым мы с Кульманом не занимались, а именно — усилил работу YMCA со школьниками и организовал сбор средств для них на месте. Он также основал новый американский фонд для поддержки русской YMCA. Так мы начали работать в разных направлениях.

В основном мы общались с той частью русской интеллигенции, которую при царском режиме недолго любили за либеральную религиозную идеологию, а при советской власти поставили полностью вне закона. Кульман погрузился в русскую православную духовность; он помог русским найти для нее адекватное выражение, понятное Западу. Для этого нужно было самоопределение, раскрытие собственной личности и почти миссионерский подход к другим ветвям Мировой Студенческой Христианской Федерации, в основном протестантским и часто враждебным Православию. Студенческие группы и конференции выделили и осветили общие задачи движения — интеллектуальные, духовные, практические; личного и общественного характера. Профессора, богословы, писатели, журналисты были приглашены читать лекции на эти темы. YMCA—PRESS издавала рукописи этих лекций с целью популяризации их идей.

Светское крыло нашей организации — Русская Заочная школа — продолжало издание учебников. Поэтому моя работа была не формальной службой, но действенной помощью во всех делах, связанных с учебой. Кроме того я занимался книготорговлей в пользу РСХД и трудоустройством студентов. Я был "всеобщим слугой". Руководители Движения и профессора считали меня коллегой и другом.

Подготавливаясь к студенческим конференциям и беседам с людьми, ищущими работу, я узнал очень много, так сказать, из первых рук, о богословии, а также о бухгалтерии, электричестве и обо всем на свете.

Самым нужным и самым творческим сотрудником УМСА был Бердяев. Я помог ему при переезде Академии в 1924 г. в Париж и при открытии ее заново в 1926 г. на Монпарнасе. Бердяев занимался издательством и был признан всеми выдающимся руководителем. Мы с гордостью записали его в платежной ведомости главным редактором. За ним следовал Вышеславцев, который вместе с Бердяевым кропотливо отбирал авторов и сортировал рукописи, рекомендованные к печати. Коммерческим директором издательства был Крутиков, бывший вместе с Тригольником издателем в Риге, а затем при Временном правительстве русским торговым атташе в Нью-Йорке. В Заочной школе, после того как профессор Яценко остался в Берлине, у нас не было русского руководителя.

Я был директором, занимался административной работой и имел штат компетентных сотрудников в области техники, сельского хозяйства и естественных наук: С.Ф. Балдин, С.П. Карасев, П.И. Финисов, М. Головицин, Е. Туликов, С. Павлов, Уилфред Лера и г-н Жеран, приглашенный быть вторым директором, что требуется французским законом для каждого легального учреждения.

Английский преподавала г-жа Александра Шидловская, французский — профессор Уилфред Лера, русский — профессор Попич из русской гимназии. Преподавание велось на высоком профессиональном уровне, что давало нашим ученикам возможность совместить изучение русских предметов с традиционной французской учебной программой и подготовиться к экзаменам на степень бакалавра.

Некоторые православные церкви открыли "воскресно-четверговые" школы, в которых дети изучали русский язык, знакомились с русской литературой и историей и Законом Божиим (предметом, обязательным в школьном образовании в России). Важно отметить, что для русского национального сознания главным было изучение религии.

Русский Париж напоминал теперь не русскую провинцию, а столицу. Он стал убежищем для представителей самого высокого уровня русской культуры и самых сильных национальных чувств.

Старшее поколение было привязано к России воспоминаниями о своей жизни и деятельности до революции, а молодое — врожденной любовью, даже страстью к былой славе российской истории. Старомодный русский национализм служил защитой от страшной сущности нового коммунистического общества, которое, как казалось в двадцатых-тридцатых годах, не было жизнеспособно.

Сторонники националистических политических теорий объединились вокруг группы евразийцев, напоминавшей панславистское движение XIX века. Возникла также монархическая группа младороссов, стремившаяся к восстановлению военно организованного, обновленного, но не коммунистического русского народа. Каждая группа имела собственные печатные издания, проводила агитационные собрания. Однако ни эти движения, ни открытые монархисты не собрали большого количества последователей. Так сложилось, что я имел хорошие личные отношения с лидерами большинства русских группировок: с руководителем кадетов Павлом Милюковым, впоследствии издателем "Последних новостей", с главой младороссов Александром Казем-Бекон, с профессором Алексеевым — евразийцем и с А.О. Гукасовым — крайне правым националистом и крупнейшим капиталистом. Гукасов издавал книги, газеты, журналы, в частности "Возрождение". Однажды он предложил мне совместное капиталовложение в прекрасное здание на бульваре Сен-Жермен для издательской работы. YMCA не имела на это средств, но мы стали личными друзьями, и меня часто приглашали на завтрак в его роскошные апартаменты на авеню де ля Гранд-Арме или в отель Берг в Женеве. Гукасов владел нефтяными танкерами, но говаривал: "Ну, у меня только три миллиона тонн, а у других десять, а то и тридцать".

Самой характерной общей чертой русского эмигрантского общества была приверженность к Церкви. Каждая мало-мальски крупная организация или учреждение имели собственную церковь, а часто и собственного священника. Приведу пример: "Галлиполийцы" — остатки уничтоженной русской армии, эвакуировавшейся в Галлиполи в 1920—21 г. Это была очень маленькая группа, но они арендовали виллу у Порт-Майо; одну комнату превратили в церковь и взяли священника на половинное жалование.

Главным местом богослужения был собор Александра Невского на рю Дарю; здесь служил архиепископ Евлогий. Собор был построен около ста лет назад как посольская церковь и вполне удовлетворял нужды нескольких сот православных русских, живших тогда в Париже. Теперь же, после приезда эмигрантов, число русских возросло до шестидесяти с лишним тысяч человек и потребовалось открыть несколько церквей в разных районах города. И у нас на Монпарнасе устроили церковь.

Заочная школа была чрезвычайно полезна, так как давала возможность людям, живущим на большом расстоянии от Парижа, учиться на дому, но ей не хватало условий для регулярной классной работы на уровне, достаточном для официального признания французским министерством народного образования. В то же время в Париже жило множество инженеров и профессоров дореволюционных русских университетов, готовых и жаждущих применить свои таланты для обучения молодежи, которой революция помешала закончить образование. Кроме того, было много людей, нуждавшихся в техническом образовании для получения работы. Поэтому возникла также нужда в вечерней школе, где эмигранты могли бы учиться после дневной работы. В результате был создан русский Высший Технический Институт. Основная заслуга в его организации принадлежала инициативе и энергии Павла Федоровича Козловского.

В связи с этой разнообразной деятельностью перед руководством YMCA встал вопрос — имеет ли смысл продолжать активную поддержку РСХД. Не следует ли работать с молодежью самостоятельно, отдельно от РСХД? Это сомнение особенно усилилось, когда Федоров превратил летние лагеря для подростков в своего рода бой-скаутское движение "Витязей". "Витязи" были верны православию, но не хотели подчиняться идеям и программе РСХД. Мак-Наутен и другие руководители YMCA понимали, что РСХД и "Витязи" положили основы для будущего развития России, но широкие экуменические и интернационалистские принципы YMCA не вполне согласовывались с их деятельностью.

Летом 1927 г. было организовано собрание для разрешения возникшего кризиса. На этом собрании обсудили все сложности

и проблемы и было решено, что РСХД руководит всеми видами работы с русской молодежью в эмиграции, а YMCA оказывает Движению всевозможную поддержку не только в Заочной школе, Технологическом институте и YMCA—PRESS, но и во всех других начинаниях. Вопрос о будущей работе в России решили заранее не разбирать.

Из "соглашения" с YMCA вытекало, что РСХД должно взять на себя всю работу с подростками. Федоров принял крайнее решение и откололся как независимая организация, не связанная ни с РСХД ни с YMCA. Для меня и Мак-Наутена его решение было очень тяжело, поскольку нам было ясно, что именно РСХД есть подлинное и полное выражение русской идеи. Но мы сохранили с Федоровым близкие личные отношения. РСХД начал устраивать летние лагеря и работать с подростками. Создали четверговые и воскресные школы для маленьких детей.

Лозунг РСХД "оцерковление жизни" звучал чрезвычайно актуально для впадших в отчаяние безработных и бедствующих русских эмигрантов. Многие русские эмигранты стали во Франции рабочими, но в большинстве своем — только под давлением обстоятельств. Их не волновали профсоюзные вопросы и они не вошли в социалистические партийные организации. Их тянуло к родной русской культуре и православной Церкви. Церковь стала и единственной реальной связью с драгоценным наследием русской культуры. В такой обстановке начала YMCA свою работу в Париже.

Было много общего в ней с началом работы в Америке, но были и различия. Для американской YMCA девизом было: "создавать христианскую личность и развивать христианское общество". Русским этот девиз не нравился. Он звучал слишком секулярно. В нем не хватало упоминания о роли Церкви в жизни личности и народа. Оставаясь преданными константинопольскому принципу, что Церковь и государство — две стороны одной медали, русские предпочитали девиз: "оцерковление жизни". В то же время они не хотели, чтобы Церковь полностью руководила их духовной жизнью, и искали разумного равновесия между светским и духовным руководством. Эмансипированная русская интеллигенция в Париже переживала периоды отчужденности от Церкви и нового сближения с ней, отталкивалась от консервативных взглядов

Зарубежного Синода и искала свободы самовыражения. В Париже была возможность свободных дискуссий, встреч, обсуждений, печатных высказываний на темы веры, неверия, марксизма и революционного опыта.

Жизнь в Париже была чрезвычайно плодотворной. Бердяев знакомил Запад с огромными духовными и интеллектуальными достижениями московской и петербургской интеллигенции начала века.

После поражения в войне 1905 г. и событий 9 января виднейшие представители творческой элиты начали собираться для "разговоров", особенно знамениты были беседы на "башне" у Вячеслава Иванова.

Новые идеи увидели свет в журнале "Новый путь" и сборнике "Вехи". Ведущая роль в них принадлежала Бердяеву и Сергею Булгакову. Эта творческая деятельность была прервана революцией.

Однажды, в начале лета 1926 г., когда Бердяев, Вышеславцев, Кульман и я, как обычно, пили кофе в кафе на Плас де Терн, Бердяев высказал давно лелеемую мечту о создании журнала, подобного "Новому Пути". Такой журнал дал бы некоторым творческим людям в эмиграции возможность высказывать свои философские и религиозные взгляды. Очень многие из участников предвоенных "разговоров на башне" находились теперь на Западе.

Идея сразу пришла мне по душе, но надо было найти средства на издание. Тогда я вспомнил, что Мотт несколько раз предлагал найти фонды для поддержки русских православных начинаний. Мотт как раз приехал в Женеву на международный съезд YMCA. Лучше всего было бы Бердяеву поехать к нему в Женеву, но Бердяев не имел визы для въезда в Швейцарию. Тогда мы организовали Бердяеву поездку поездом до станции в десяти километрах от швейцарской границы, а Мотта привезли на место на такси. Таким образом очень быстро мы заручились обещанием Мотта о фондах на издание журнала "Путь". Журнал выходил вплоть до Второй мировой войны и прекратился только с началом военных действий.

Бердяев был единственным редактором, но журнал был включен в издательский план YMCA. Каждую среду собирался издатель-

ский комитет, состоящий из Бердяева, меня и Лоури, сменившего уехавшего Кульмана. (Лоури временно ушел из YMCA и работал директором Американского Дома в *Cité Universitaire*. Однако, связь его с русским языком и культурой, озабоченность делами русской эмиграции никогда не ослабевали).

Наши встречи по средам не ограничивались издательскими делами. Просмотрев статьи для "Пути" и "Нового града", мы начинали беседовать о текущих событиях по всей Европе. Бердяев вел обширную переписку и постоянно общался с множеством людей в эмиграции, я мог рассказать о своих впечатлениях от поездок по Восточной Европе. Мы все были крайне встревожены ростом фашизма. Среди эмигрантов происходил глубокий раскол в отношении к фашизму. Профессор Федотов, редактор "Нового града", придерживался резко антифашистской позиции, но YMCA—PRESS не принимала на себя ответственности за его политические взгляды. Гукасовское "Возрождение" резко нападало на Федотова. Первого сентября 1939 г. спор прервался нападением Гитлера на Польшу и вступлением Франции в войну.

Только однажды мы разошлись с Бердяевым в оценке политической позиции митрополита Евлогия в бытность его епископом Холмским, членом Государственной Думы. Я не согласился с Бердяевым в этом вопросе, но не хотел нарушать его редакторской свободы. В печать пошла бердяевская точка зрения.

Бердяев всегда настаивал, что он не богослов и не политик, а только "свободный философ", но в своих сочинениях не мог избежать этих тем. Он был православным, постоянно причащался, но отказался преподавать в Св. Сергиевском Институте. Широту его взглядов на христианство приветствовали и католики, и протестанты, и англикане. С материнской стороны Бердяев происходил из знатной французской семьи. Его жена, Лидия, была пылкой католичкой, а ее сестра Евгения придерживалась православной веры. Бердяев мог бы, но не захотел извлечь выгоду из своего французского происхождения. Ведущие католические богословы и интеллектуалы Парижа были его друзьями. Жак Маритен с женой были постоянными участниками воскресных чаепитий Бердяева,

напоминавших подлинно "французский" салон. В его домике в Кламаре Евгения разливала чай и все оживленно беседовали на жгучие интеллектуальные темы.

В то время, при папе Пии IX, в Католическом Институте и вообще в Париже не было и речи об "экуменизме". Французские протестанты тоже относились крайне жестко ко всем другим вероисповеданиям. Бердяев, вместе с отцом Сергием Булгаковым и доктором Марком Бегнером, ведущим протестантским теологом, организовали ежемесячные, строго секретные, встречи в нашем Монпарнасском центре. На этих собраниях дюжина интеллектуалов, представителей трех великих конфессий, читала, слушала и обсуждала свои статьи. Никаких сообщений об этих встречах не публиковали. Я сам присутствовал только однажды. Однако, через несколько месяцев архиепископ Парижский запретил эти собрания. "Рим высказался!"

Англичане взяли другой курс. Однажды представители католического издательства *Sheed and Ward* пришли на Монпарнас и попросили меня устроить им встречу с Бердяевым. Я устроил совместный завтрак, и они попросили Бердяева написать для них книгу о русской революции с точки зрения православного философа. Бердяев согласился, и вскоре *Sheed and Ward* опубликовали на английском языке его книгу под названием "Русская революция". Так Бердяева узнали в англоязычном мире. Затем были опубликованы переводы и других его книг, принесшие ему славу. На английский язык его переводил о. Ф. М. Френч, а издателем стал Джоффри Блис.

Помимо работы в области финансирования издательства я постоянно занимался отбором и публикацией книг. После успеха первой изданной нами книги Бориса Зайцева о Сергии Радонежском, мы продолжили издание книг о русских святых: Серафиме Саровском, Паисии Величковском и др. Опубликовали мы также книгу Б. Зайцева о горе Афонской.

Самым большим нашим вкладом в поддержку русской религиозной культуры я считаю публикацию трудов профессоров Св. Сергиевского Богословского Института. Со времени русской

революции и до конца Второй мировой войны никакие книги и учебники по богословию в Советском Союзе не издавались, так как власти боролись с религией. Одиночные экземпляры учебников, просочившиеся за границу, хранились в частных библиотеках. Богословы, особенно институт Св.Сергия в Париже, православные церкви и семинарии в Варшаве, Кишиневе, Белграде, Софии, Нью-Йорке, эмигрантское священство и просто читающая русская публика остро нуждались в этих книгах. Первой богословской книгой, изданной УМСА, были "Отцы IV века" о. Георгия Флоровского; затем — его же "Византийские отцы".

Изданы были многие курсы лекций, прочитанные профессорами Сергиевского Института. Кроме того, печатали талантливых мыслителей, работавших в богословских заведениях Восточной Европы. Например, члена Святейшего Синода Вселенского Патриархата митрополита Геллиопольского, работавшего над проблемой взаимоотношений между Церквями. По моему предложению, его пригласили организовать симпозиум на тему христианского воссоединения. Симпозиум состоялся в 1928 г., задолго до начала современного экуменического движения.

Мы получали рукописи из США и из Англии, от митрополита Сергия, главы православной Церкви в Японии, а иногда из Советского Союза. Некоторые священники отваживались присылать нам рукописи, отвергнутые на родине. В Париже даже мужчины и женщины, работавшие шоферами такси, швеями и т.п. проводили целые ночи за сочинением религиозных и философских работ, и приносили их нам для публикации. Так, один банковский клерк написал очень интересную работу о Платоне; некий таксист приезжал к нам советоваться с Вышеславцевым относительно своего философского труда; впоследствии мы его работу опубликовали. Напечатан также был философский труд Петра Константиновича Иванова, человека лет семидесяти, работавшего носильщиком на вокзале Сен-Лазар.

Помимо трудов по богословию и философии, мы опубликовали также некоторое количество мемуаров, два-три романа и несколько детских книг. За редким исключением, мы не пытались конкурировать с другими издателями таких знаменитых писателей, как Бунин, Мережковский, Зинаида Гиппиус или Ходасевич. У нас

просто не было средств на публикацию книг, не прямо относящихся к нашей основной теме. Но мы всегда оставались верны нашим основным авторам, сочинения которых часто вызывали большие споры — Бердяеву и отцу Сергию.

Бердяев был бесспорным лидером свободных философов эмиграции. Как я уже писал, еще весной 1924 г. мы пригласили Бердяева вместе с его Академией в Париж и предложили ему пост главного редактора нашего издательства и главного советника по издательским делам.

В смежных пригородах Медона и Кламара еще до революции имелась маленькая русская колония. Е. Ковалевский, бывший некоторое время министром просвещения, владел здесь виллой, кушленной еще до Первой мировой войны. У князя Григория Трубецкого была в Кламаре небольшая городская усадьба с домовою церковью. Виллу, в которой жил Бердяев, ему передала ее прежняя владелица — англичанка. В этом доме он и умер, упав лицом на свой письменный стол с раскрытой Библией, с пером в руке.

Бердяев родился в Киеве, в семье военного. Школу он не любил, а образование получил, читая множество книг и внимательно прислушиваясь к бесконечным разговорам и спорам взрослых, столь характерным для культурных русских домов. Одно время он попал под влияние Карла Маркса и классической немецкой философии. Он написал множество книг и статей. Он был постоянным участником "сред" Вячеслава Иванова в Петербурге. Здесь он познакомился с Мережковским и его женой Зинаидой Гиппиус. (Здесь бывал даже епископ Финляндский, митрополит Сергей, будущий Московский патриарх). Здесь обсуждались всевозможные темы и идеи. Мережковский проповедовал некий мистический гуманизм, который Бердяев отвергал, так как придерживался учения отцов Церкви.

У Бердяева не было никаких "hobby", кроме привязанности к своей кошке. В детстве, в результате психической травмы, у него образовался тик, искажавший лицо, но это не мешало ему при чтении лекций и разговорах. Видевшие его часто настолько привыкали к этому тикю, что совсем его не замечали. Тик усиливался, только

когда Н. А. бывал сильно взволнован. Он был всегда хорошо одет, с оттенком артистизма, на лысеющей голове сидел изысканно посаженный французский берет. Немыслимо представить себе, что такой человек должен был бросить свою Вольную Академию и вместе с женой и свояченицей счищать снег с трамвайных путей, а вернувшись домой, ломать мебель, чтобы топить печку и согреть пищу! Он был личным другом наркома просвещения Луначарского и участвовал с ним в философских диспутах и собраниях. Несмотря на это, в 1922 г. Ленин лично распорядился об аресте и последующей высылке за границу Бердяева и сотни других видных деятелей культуры, не желавших полностью подчиниться марксистской доктрине. Но нужно быть благодарным за то, что Бердяева выслали в 1922 г. — десятью годами позже, при Сталине, он был бы попросту уничтожен.

Ключевыми словами его сочинений были "свобода" и "творчество". В бердяевском понимании это были, конечно, богословские понятия.

Многokrатно выражал он свое отвращение к марксизму в книгах, статьях и лекциях в различных странах. Но когда стало известно о преступной деятельности немецких национал-социалистов, Бердяев стал говорить, что они не лучше, а то и хуже коммунистов.

Георгий Федотов, издававший вместе с Бердяевым и Фондаминским журнал "Новый град", умолял Бердяева вернуться к его прежнему бесповоротному осуждению коммунизма. Незадолго до смерти Бердяев, в разговоре за столом, сказал мне, что освобожденный от атеизма и от марксистско-ленинской этики социализм мог бы быть приемлемой формой общества. Всю свою жизнь он стремился определить место индивидуума в творении и пришел к тому, что стал говорить о "личности". Под "личностью" он понимал индивидуума со всеми его свойствами, проистекающими из связи с вещами, другими личностями, событиями, миром и Богом. Некоторые авторы называют поэтому философию Бердяева "персонализмом". Личность самого Бердяева была наилучшей иллюстрацией его философских взглядов. Общась с ним, мы все постоянно чувствовали, что его личность — это не "абстрактный индивидуум", а неповторимое Божье творение.

Отец Сергей Булгаков, другой значительный мыслитель и писатель, в юности был экономистом, напечатал много книг и статей в журналах на эти темы. За несколько лет до революции 1917 г. он вернулся к вере отцов и на церковном Соборе 17 года был одним из виднейших ораторов. Избранный Собором патриарх Тихон рукоположил его в священники. Булгаков перенес все мытарства гражданской войны, недолго священствовал на приходе в южной России, был выслан в 1923 г. в Константинополь и наконец добрался до Праги. Здесь его тепло принял президент Масарик, высоко ценивший Булгакова как философа-экономиста. Из Праги митрополит Евлогий пригласил Булгакова быть профессором в Св.Сергиевском Богословском Институте в Париже. Булгаков имел огромное личное влияние на учащихся.

Хотя он и был крупным богословом и философом, он отнюдь не был мечтателем в башне из слоновой кости. Он был прежде всего священником и пророком в Храме Божьем. В отличие от большинства священников, служащих равнодушно и проповедующих по писаному тексту, отец Сергей каждую литургию превращал в подлинную Тайную Вечерю Господа Нашего. Когда он воздевал руки над хлебом и вином, прося совершиться Чудо Пресуществления, казалось, это первая литургия после того четверга, когда Христос раздал ученикам хлеб и вино Причастия. В церкви на его литургии стояла мертвая тишина, все прихожане молились на коленях, а многие простертые ниц, в полном смирении перед присутствием Христа. Соединение в нем интеллектуального и духовного дара с чисто русской преданностью Церкви и народу сделало его естественным вождем русского религиозного возрождения в Париже и вообще на Западе. Булгаков стал богословом (он был духовным отцом многих людей), Бердяев — философом.

Они постоянно встречались и работали вместе, исключая деятельности по объединению Церквей, которую Бердяев не считал своей областью. Оба придерживались строго христианского вероучения, как оно выражено в "Символе веры" и семью Вселенскими Соборами, и оба были верны духу русского народа, выраженному в Православии.

Отец Сергей Булгаков был главным делегатом и лектором на англо-русских съездах братства Св. Албания и Св. Сергия. В начале Булгаков стоял непоколебимо на позиции строго традиционного Православия, отстаивая его уникальность и превосходство, но постепенно пришел к признанию подлинности англиканского личного и церковного благочестия, и встал на защиту движения за объединение Церквей. Ту же позицию он занимал на съездах, предшествовавших созданию Всемирного Совета Церквей.

Отец Сергей самостоятельно изучил английский язык, и к 1930 г., когда он мне дал для редактирования рукопись своего выступления в Базеле, мне нечего было в ней править. В возрасте 65 лет он перенес операцию рака горла. Ему вставили в горло трубочку, и он продолжал служить и даже читал лекции в институте.

Отец Сергей Булгаков перенес большие духовные страдания от травли, поднятой против него иерархами "карловацкого" Синода. Впервые с подобными преследованиями он столкнулся на Соборе 1917 г. в Москве, где он представлял умеренно либеральное крыло. Его противники ставили ему в вину "марксистское" прошлое и ранние богословские статьи. Они подозревали Булгакова в "ереси". Булгаков много размышлял и писал о Софии — Премудрости Божией, а его противники называли его мысли попыткой внести в Святую Троицу "четвертую ипостась" помимо Отца, Сына и Святого Духа. Отец Сергей не отстаивал свою точку зрения как догмат Церкви, а придавал ей значение свободного мнения. Архиепископ Серафим, живший в Софии, в Болгарии, написал толстую книгу, в которой поместил отца Сергия Булгакова среди еретиков отеческой эпохи. Издание книги благословил Синод "карловацкой" Церкви.

Я извлек очень много для себя из чтения сочинений отца Сергия и личных бесед с ним. В общении с ним я понял всю бесконечную ценность Православия, далеко перерастающую все разделения и споры внутри него.

Отец Сергей не обсуждал своих идей о Святой Софии Премудрости ни в лекциях в Институте, ни в студенческих кружках. Он писал о ней, чтобы найти выход свободной мысли в поисках углубленного познания Бога. Я чувствую, что Булгаков внес огромный вклад в христианское богословие именно потому, что он прочно придерживался

вероучительных установлений Никейского, Константинопольского, Халкидонского и Седьмого Вселенских Соборов. Булгаков показал, что истина и заблуждения иногда отстоят недалеко друг от друга, и чтобы быть честным и верным правильным понятиям о Боге, нужно просить о руководстве Божественную Премудрость.

Лев Александрович Зандер, профессор Богословского Института и многолетний секретарь РСХД, написал и опубликовал в YMCA—PRESS двухтомный труд с изложением философских и богословских взглядов о. Сергия Булгакова: "Бог и мир". Можно видеть предопределение в том, что такое исключительное собрание выдающихся богословов, прошедших через войну, революцию, гражданскую войну, бегство из России, Константинополь и прочие мытарства, были собраны митрополитом Евлогием в Париже и создали там Православный Богословский Институт. Многие из них стали хорошо известны не только в русской среде.

Сидят слева направо: диакон Г. Шумкин, Л. А. Зандер, С. С. Безобразов, проф. А. В. Карташев, прот. С. Булгаков, митр. Евлогий, еп. Вениамин, проф. Н. К. Кульман, В. Н. Ильин, П. Е. Ковалевский.

Стоят слева направо: 1-ый ряд: кн. М. Л. Яшвиль, Е. Е. Ковалевский, В. И. Ржецкий, А. В. Ставровский, диакон Т. Федоров, В. Н. Евдокимов, Г. А. Бобровский, П. Н. Евдокимов, Г. Л. Свечин, Л. Т. Хроль, К. П. Струве, Д. А. Клепинин, кн. Д. А. Шаховской.

2-ой ряд: В. С. Палашковский, гр. Н. А. Игнатъев, виконт С. А. Отманн-Вилье, В. В. Ревенко, Ф. Г. Спасский, А. Ив. Греве, М. А. Соколов, Д. В. Текучев.

Выдающейся личностью был и Илья Исидорович Фондаминский-Бунаков. Он был одним из самых творческих и ярких людей, группировавшихся вокруг "Нового града". Он был известен как один из основателей и организаторов "Современных записок". Как

редактор, он был связан с Алдановым, Мережковским, Гиппиус и другими.

Фондаминский родился в богатой еврейской семье в Петербурге. Жена его строго соблюдала обряды иудаизма, а сам он духовно полностью разделял взгляды группы православных интеллектуалов, сконцентрировавшихся в богословском Сергиевском Институте, РСХД и YMCA—PRESS. Его близость к Православию проявилась, когда он присоединился к Матери Марии (Скобцовой), русской монахини, которая вместе с Федором

Пьяновым, о. Сергием Шевичем и Георгием Федотовым организовала "Православное дело" — учреждение социальной помощи православным эмигрантам. У него была великолепная русская библиотека по философии и истории. Когда нацисты в 1940 г. оккупировали Париж, они арестовали Фондаминского и забрали его библиотеку. Перед самой смертью в лагере он крестился и умер православным.

Когда мы приехали в Париж (зимой 1924-25 г.), там было несколько книжных издательств и книжных магазинов. Самый старый и известный из них, "Поволоцкий & Cie", находился на рю Бонапарт. Поволоцкий был еврей и нисколько не интересовался православием. Большим книжным магазином владел Сияльский, бывший офицер русской армии и твердый консерватор. Его магазин находился в самом лучшем месте, напротив кафедрального собора Александра Невского, где была также резиденция митрополита Евлогия. Еще один русский книжный магазин находился на улице Дюпюитрен, близко от Сорбонны и Колеж де Франс. Его владелец был раньше служащим крупнейшего

берлинского книжного магазина Генриха Закса. И наконец, имелся "Дом Книги", владельцем его был бывший служащий Поволоцкого Г. Каплан. "Дом Книги" был парижским отделением советской "Международной книги".

Все эти магазины находились в еврейских руках, кроме Сияльского. Было также много маленьких книжных лавок, но я их мало знал. Разрастание издательств и книжных магазинов привело к полному хаосу в ценах, рекламе и торговле. Однажды ко мне пришел Поволоцкий с предложением создать объединенную организацию, способную к самоупорядочению. За несколько месяцев объединение было создано. В нем участвовало около дюжины фирм, я был избран президентом. Но вскоре обнаружилось, что интересы и торговые привычки эмигрантских фирм слишком различны, и объединение распалось. Однако идея осталась и привела к объединению четырех ведущих фирм: Поволоцкого, Сияльского, Коварского и YMCA—PRESS. На этот раз мы все четверо действовали всерьез, советовались с юрисконсульством и компетентным в делах управляющим YMCA—PRESS Борисом Михайловичем Крутиковым. Он помог выработать статус, приемлемый для Французской Торговой Палаты. Коварский предложил название "Les Editeurs Réunis" (Объединенные издатели). Все мы должны были подписаться на равное число акций и действовать как четыре равноправных члена. Чтобы достичь соглашения в деталях, члены будущей корпорации встречались вечерами обычно в кафе на Монпарнасе, чтобы никто не имел преимущества перед другим, принимая у себя. Обычно встречи затягивались до полуночи или даже позже, как это принято одинаково у русских и у французов. Иногда мне приходилось идти пешком домой, так как такси уже не работали. С огромным удовлетворением мы наконец подписали статус и увидели его официально опубликованным в "Gazette" Торговой Палаты. Я вновь был избран президентом корпорации. Мы выделили на Монпарнасе одну комнату для склада (никто из нас в то время не издавал много книг) и пригласили доктора Николая Саввича Долгополова, всеми уважаемого директора Земгора, работать у нас часть времени управляющим. Вскоре Сияльский вышел из корпорации под предлогом, что его фирма получает мало дохода. Он был человеком крайне неустойчивым; кроме того, он решил, что его русские

друзья и его собственные предрассудки не могут допустить, что он работает на равных с двумя евреями, несмотря на то, что я, как протестант, мог бы считаться ему равней. Мы приняли его просьбу об увольнении и продолжили работать втроем — Поволоцкий, Коварский и я, в полном согласии.

Наш арендованный особняк на Монпарнасе стал центром культурной и религиозной деятельности русского Парижа; отчасти потому, что в этом районе поселилось большинство русских эмигрантов.

1926 год был отмечен глубоким кризисом в отношениях РСХД с Русской Православной Церковью. Точнее, кризис был внутри самой церковной иерархии, но рост РСХД был одной из причин кризиса. В Белграде образовалась группа РСХД на территории епархии Русской Православной Церкви. В свое время иерархи в Белграде (Сремски Карловцы) объявили, что поскольку в России свободное существование Православной Церкви запрещено, то именно они и есть подлинно Русская Православная Церковь (подобно правительству в изгнании). Затем они объявили, что любое мероприятие, чтобы быть истинно православным, должно быть им полностью подчинено. Переехав из Белграда в Париж, русские студенты-эмигранты подпадали под юрисдикцию митрополита Евлогия, гораздо более либерального, чем Карловацкий Синод Епископов. Митрополит Евлогий понимал стремление студентов к независимому мышлению и желание использовать в названии Движения слово "христианское", а не "православное". Митрополит Евлогий в Берлине и в Париже был постоянным другом и помощником РСХД и соглашался с желанием студентов влить новые силы в дело русского религиозного возрождения.

Карловацкие епископы негодовали по поводу любой инициативы, могущей понизить их авторитет и власть. Епископы считали, что именно это и делает РСХД. Они обвинили УМСА в том, что она помогает Движению на свой страх и риск уводить серьезных молодых верующих на боковую дорожку и разрушать Русскую Православную Церковь. Их взгляды представляли собой крайнее проявление изречения Св. Киприана: "Где епископ, там Церковь". Особенно обидно епископам было то, что Движение

возникло не по епископскому благословению, а выросло само в недрах студенчества.

Студенческий кружок при Белградском университете проявил лояльность по отношению к своим епископам, назвавшись Православным Братством. (Братство — это классическая форма деятельности мирян, поддерживающих епископа). В то же время белградский кружок стал существенной составной частью РСХД.

Движение гордилось своей молитвенной преданностью Церкви и Св. Писанию, но некоторые группы были озабочены позицией Карловацкого Синода. Центральный комитет на Монпарнасе решил собрать летнюю конференцию, чтобы решить, будет ли Движение состоять из кружков, выбирающих руководителей из своей среды, или Движение обретет форму Православного Братства с ограниченным членством с подчинением епископу. Летом 1926 г. в Бьервилле, в пятидесяти километрах от Парижа, состоялась конференция, где были представлены все группы, в том числе из Белграда, были и члены братства, и переехавшие в Париж сторонники свободного членства. Перед закрытием конференции стало ясно, что необходимо решить основной вопрос: кружки или братство? Попросили выступить доктора Льва Липеровского. Как положено православным, он сначала подошел к митрополиту Евлогию, преклонил колени и получил благословение. Затем он произнес короткую, хорошо аргументированную речь в пользу компромисса; надо сохранить название РСХД, а его компоненты могут быть кружками или братствами без всяких преимуществ для кого-либо. Он отверг требование карловацких епископов заменить в названии слово "христианское" словом "православное". Когда он кончил, все глаза повернулись к митрополиту Евлогию. Он внимательно прислушивался ко всем спорам на конференции и сейчас также выслушал заключительные слова доктора Липеровского. "Что плохого в слове "христианское"?" — спокойно спросил митрополит. И этими словами вопрос был решен. Член Движения мог не подчиняться карловацким епископам и быть при этом православным, как митрополит Евлогий.

В 1924 году не только организовался русский центр YMCA в Париже, но и открылся Русский Богословский Институт Святого Сергия. Надо сказать несколько слов о роли YMCA и моей лично

в основании и финансировании института. Мотт был горячо заинтересован в этом предприятии. Впервые он узнал о необходимости богословской школы для эмиграции, когда встретился на съезде WSCF в Пекине в 1922 году с тремя русскими делегатами: доктором Львом Липеровским, Александром Никитиным и Львом Зандером. Годом позже он встретился в Праге с группой русских богословов, которых поддерживал президент Масарик. Эта встреча произошла в конторе Национального Комитета Чехословацкой YMCA. Дональд Лоури и я присутствовали как сопровождающие Мотта. Но осуществляться проект начал только в июле 1924 года.

Митрополит Евлогий, узнав, что Мотт проезжает через Париж, пригласил его, меня и Кульмана и сообщил, что продается подходящее для наших целей владение, но срочно нужны деньги. Мотт немедленно выдал 5 тысяч долларов. На следующий день меня и Кульмана попросили вместе с двумя мирянами, графом Бутеневым и Михаилом Осоргиным, посмотреть владение, что мы с удовольствием и сделали. Один еврей, друг митрополита, пожертвовал крупную сумму, и множество русских эмигрантов собрали понемногу, сколько было в их силах. К концу года были проделаны все необходимые для покупки формальности, приглашены три профессора, и епископ Иоанн был назначен председателем комитета по устройству академии Святого Сергия. Членами комитета были приглашены каноник Джон Дуглас, советник по иностранным делам архиепископа Кентерберийского, и я.

К 1924 году я был тесно связан с академией. Я начал понимать, что наши отношения с академией должны быть основаны не на простой симпатии, а на глубоком интересе к будущему русской эмиграции. Я чувствовал, что должен помогать институту в административных и финансовых вопросах в той мере, в какой этого захочет митрополит и декан института. Митрополит и сотрудники института привыкли доверять и следовать моим советам.

Эмигрантские церкви, большей частью очень бедные, почти ничем не могли помочь институту. Во время нашей работы со студентами мы поняли, что многие молодые эмигранты имеют подлинное призвание к священству и другим формам служения Церкви. В кружках РСХД юноши готовились к изучению богословия, а Св.Серг. Институт готовил множество блестящих

руководителей для студенческого движения. Мы в YMCA были убеждены, что эти организации должны стать краеугольным камнем для христианского влияния русского православия не только на эмиграцию, но и на все западные Церкви.

Мы знали, что церковь Англии, швейцарская и датская Евангелические Церкви, шведская Церковь и Епископальная Церковь Соединенных Штатов глубоко потрясены трагическим положением Православной и других Церквей в Советском Союзе и настойчиво ищут путей для помощи Церкви в России и в Зарубежье. Исходя из этого, мы стали планировать способы изыскания средств для Богословского Института, РСХД и других мероприятий этого рода.

Большое значение имело отношение английской Церкви. Английское СХД в предвоенное время имело примечательных руководителей: др.Тиссингтона Татлоу, Зое Ферфилд, Роберта Мэки, Эрика Фенна и других, тесно связанных с университетами, теологическими колледжами и со всеми крупными интеллектуальными силами этой эпохи. Они смогли обратить внимание высшей церковной иерархии, начиная с высокопреосвященного Космо Лэнга, архиепископа Кентерберийского, а также преподавателей и студентов, что настало время для развития реальных и практических связей между англиканами и православными. До сих пор только отдельные высокопоставленные ученые могли встречаться со своими коллегами других конфессий. Организация Св. Сергиевского Богословского Института открывала новые пути. Теперь это была не мечта, а дело, требующее серьезного изучения и практического обсуждения для выяснения различий и противоречий, мешающих объединению. Студенты, богословы и ученые с обеих сторон могли встречаться и вести свободные дискуссии. Епископы обеих Церквей и руководители студенческих движений, и русского, и английского, нашли для себя много полезного во встречах и открытых дискуссиях с учеными и студентами.

Основной темой этих встреч очень скоро оказались церковные службы. Договорились, что англикане и православные должны служить по-английски или по-церковно-славянски, не пытаясь устроить совместное и объединенное служение. Они чередовали англиканскую вечернюю службу и евхаристию на следующее

утро с православными вечерней или всенощной и литургией. Сначала не было никаких попыток сделать письменный или даже устный перевод, но в 1935 году братство св. Албания и св. Сергия смогло опубликовать английский перевод православной литургии. Совместного причащения не было; но на одной из встреч, когда духовенство и студенты хорошо познакомились с англиканской евхаристией и с православной литургией, было сделано предложение поступить, как на агапе: торжественно преломить хлеб вместе. Это предложение было сразу же отвергнуто. "Агапа" создала бы ложное впечатление единства; Церкви должны установить идейное единство, прежде чем отдельные люди или группы людей смогут предпринимать подобные промежуточные шаги. Взаимное причащение должно следовать из заново открытого единства, а не из внешнего знака, независимо от того, как велики христианская любовь и братство между участвующими.

Очевидно, присутствие на этих ежегодных недельных конференциях и все более и более близкое знакомство с Православием сильно повлияло на англикан. Большой процент новых назначений в епископат англиканской Церкви был произведен, как выяснилось, среди людей, бывших активистами в Братстве.

Некоторые американцы, в основном студенты и теологи, приезжали на каждую конференцию, и возникла надежда, что идея братства конфессий приживется в теологических кругах в Америке. В Нью-Йорке, Нью-Хевене, Кембридже, Вашингтоне и Чикаго были сделаны героические усилия и добыты небольшие успехи, но не было создано национального движения, подобного существующему в Европе. Возможно, неудача была связана с тем, что в Америке не было в это время достаточно видных представителей Православия, а также с недостаточной связью между местными православными и англиканскими приходами. Общение осложнилось также огромным количеством языковых и этнических групп православных: сербов, сирийцев, греков, русских и т.д.

Большую роль в экуменическом англикано-православном движении сыграла семья Зерновых, приехавшая в Париж в 1926 году, во время расцвета деятельности YMCA и РСХД. Николая и Софью Зерновых моментально вовлекли в деятельность РСХД.

Николаю Зернову было поручено редактировать журнал Движения "Вестник", а Софью послали в Прибалтику помочь созданным здесь студенческим кружкам. (Владимир изучал медицину, а Мария принимала активное участие в церковных и общественных мероприятиях, но не была членом Движения.) Каждый член семьи обладал особыми талантами, но все они подчинили себя духу христианской общины и служения, который с самого начала характеризовал Движение. Др. Липеровский и Софья Зернова были в числе четырех, посланных YMCA по инициативе Мак-Наутена ознакомиться с церковной жизнью и методами религиозного воспитания в Америке. После этого Софья провела три месяца в Эстонии и Латвии, организуя работу РСХД. В отсутствие этих ведущих деятелей огромную энергию и организаторские способности проявил Николай Зернов. Естественно, что он и его сестра Софья были выбраны делегатами от РСХД на съезд ВСХД в Ниборд Стренд в Дании летом 1927 года. Рассказ Николая и Софьи о деятельности РСХД и его месте в Православной Церкви произвел столь сильное впечатление на руководителей английского СХД, что др. Тисингтон Тэтлоу и мисс Зое Ферфилд решили организовать совместную англикано-православную конференцию. Конференция состоялась в Св. Албани в начале 1928 года. Большинство русских были студенты Св. Сергиевского Института в Париже. Годом позже на второй конференции Зерновы при поддержке о. Сергия Булгакова и Кульмана предложили создать Братство св. Албания и св. Сергия. После этого сэр Бернард Пейрс и майор Тюдор Поул, председатель и казначей фонда помощи русскому священству и Церкви (RCAF), решили на год привлечь Николая к работе по сбору денег для RCAF. В то же время каноник Джон Дуглас, Роберт Мекки из английского СХД и я решили, что было бы очень хорошо, если бы Николай мог пройти специальные курсы в Оксфорде, чтобы стать вполне современным специалистом по ранним Отцам Церкви и Вселенским Соборам, знание которых столь важно в Православии. Изучив это, Николай Зернов мог бы помочь Братству вскрыть глубокие основания, существующие для развития англикано-православных связей. Для этой работы Зернов должен был освоить греческий и латинский языки и изучить историю внутрицерковных отношений в недрах неразделенной

Церкви. Проработав год для RCAF, Николай взялся за эту задачу и блестяще ее выполнил, получив звание доктора в Оксфорде. Поучившись в Оксфорде и поработав для RCAF, Николай Зернов написал несколько популярных книг для Братства о Восточной Церкви. Эти книги очень помогли Братству в достижении понимания Западом истории, традиций и богословия Православной Церкви. Николай начал преподавать в Оксфорде восточную православную культуру. Принимая живое участие в организации съездов вместе с английскими и русскими руководителями СХД, он естественным образом стал секретарем Братства. Хотя это отвлекало его от занятий патристикой, вероятно, это было важнейшее, что он сделал за это время для развития англикано-православных связей. Сначала в члены Братства принимали только студентов и школьников, но потом стали принимать всех, имеющих склонность и интерес к религиозному объединению. Некоторые вошли в Братство, побывав на его съездах, или под впечатлением посещения православного богослужения.

Тем временем его сестра Софья пропагандировала РСХД среди латвийской, эстонской и русской молодежи. Вернувшись в Париж, она стала необыкновенно активно помогать русским эмигрантам, обнищавшим во время кризиса тридцатых годов во Франции. Софья поняла, что главная проблема — это безработица. Период большого индустриального и коммерческого развития, последовавшего за перемирием в 1918 году, подходил к концу. Вместо того, чтобы принимать иностранных рабочих, французские профсоюзы и министерство труда занимались поисками работы прежде всего для собственных французских граждан, что было довольно естественно. В то же время некоторые эмигранты не умели держать в порядке и вовремя продлевать свои документы, в частности удостоверение личности и разрешение на работу, так что конторы по найму могли отказывать им по формальным причинам. Однако, гражданские власти организовали специальную Службу Помощи Эмигрантам, помещавшуюся на rue Вожирар. Сотрудники этой службы были в основном люди приятные, умевшие обращаться с впавшими в отчаяние эмигрантами. Но Софья Зернова чувствовала, что личная инициатива, которой у нее было очень много, может сделать гораздо больше. С маленькой

группой русских друзей, при поддержке парижской женской организации "Американцы за церковь", она устроила консультацию для безработных эмигрантов. Они помогали таксистам, фабричным рабочим, женщинам в трудном положении и многим другим получить разрешение на работу или продлить свои удостоверения личности. Она лично ходила в префектуру полиции и на своем хорошем французском улаживала проблемы с бюрократами на всех уровнях. Ее имя стало паролем для русских эмигрантов в общении с французскими гражданскими властями. Самые большие трудности наступили для Софьи Зерновой в 1939 году, когда французские власти решили эвакуировать всех детей из-за опасности нацистских бомбардировок. Однако, в понятие "все" они включали только детей французов, но не русских эмигрантов. Что же делать с русскими детьми?

Софья знала, что Русский Дом Престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа, где директором была княгиня Мещерская, владеет также небольшим замком возле Вильмуасона. Она добыла разрешение поместить там детей русских эмигрантов. Подавленные горем родители-эмигранты привезли своих детишек в контору Софьи, и ее друзья таксисты бесплатно отвезли детей в Вильмуасон. Так было положено начало Русскому Детскому Дому. После войны Детдом был переведен в другой покинутый замок в Монжероне, где созданный Софьей комитет, под ее личным руководством, поддерживал Русский Детский Дом до самой смерти С. Зерновой от рака в 1972 году. Софья Зернова приобрела много друзей и сторонников во Франции, Швейцарии, Англии и Америке. Ее имя вписано золотыми буквами в список благодетелей страждущей русской эмиграции.

Тем временем христиане в Англии тяжело переживали положение Церкви в Советской России и атеистический курс, взятый компартией. В эти годы Русская Православная Церковь в Советском Союзе страдала в основном от трех бедствий: 1) большевики поддерживали радикальное реформистское движение "Живая Церковь"; 2) они последовательно арестовывали всех иерархов, долженствовавших заменить патриарха Тихона, умершего в 1925 году; 3) власти арестовали большинство епископов и тысячи священников и мирян. Эти антирелигиозные меры сопровождали

начало первой пятилетки. По плану партии, к концу первой пятилетки религия в стране должна была быть полностью уничтожена. Напыщенные антирелигиозные лозунги прикрывали жестокости, разрушения церквей, высылку самых работающих крестьян под ярлыком "кулака", все большее распространение лагерей, в которых были заключены миллионы людей "непролетарского происхождения", обреченные погибнуть в нечеловеческих условиях. Такова была ситуация в России.

В Америке ответная реакция на события развивалась медленно, а в Англии возник бурный протест, происходили публичные митинги с суровым осуждением злодеяний, совершаемых в России. Эти выступления вызвали сердечную поддержку и денежные пожертвования со стороны русских, пребывавших за границей и старавшихся поддержать Русскую Православную Церковь где только можно. Они призывали к "крестовому походу" христиан против официального безбожного движения в Советском Союзе. Они созвали митинг протеста в Альберт-холле в 1930 году. На этом митинге было прочитано послание архиепископа Кентерберийского и выступали главы Протестантской и Католической Церкви и члены обеих палат парламента; все они осуждали атеистическую ярость большевиков и призывали к соблюдению свободы религии. Митрополит Евлогий, глава Русской Православной Церкви в Западной Европе, был на митинге и произвел глубокое впечатление на собравшихся. За выступление на этом митинге, несомненно, по требованию коммунистической партии, местоблюститель патриаршего престола в Москве отлучил его от патриаршей юрисдикции.¹ Англиканские церкви организовали, как упоминалось выше, Комитет в Защиту Русского Духовенства (RCAF), тесно связанный с движением протеста, и собирали пожертвования от богатых и бедных. Архиепископ Кентерберийский пригласил руководителей движения протеста в свою резиденцию в Ламбет-Паласе. Каноник Дуглас попросил меня приехать из Парижа, чтобы ознакомить архиепископа с положением Русской Церкви. Каноник Дуглас знал, что наша маленькая группа в Париже внимательно следит за всем происходящим в России; мы подписались на все выходящие в России антирелигиозные газеты и журналы, которые специально начали издавать в СССР во время первой пятилетки; мы

также получали от советского представителя Международной Книги в Париже все, что печатали в Союзе по поводу антирелигиозной кампании: и книги, и брошюры. Один из наших сотрудников сохранил юрисдикционную связь с Московской Патриархией и имел возможность постоянно быть в курсе действий местоблюстителя митрополита Сергия Нижегородского. Мы ежемесячно печатали на мимеографе бюллетень для всех членов западных Церквей, интересующихся русским вопросом. Вооруженный всеми этими видами информации, я смог представить архиепископу хорошо документированный отчет о ситуации. Архиепископ блестяще использовал мои материалы в сделанном на следующий день докладе и был настолько любезен, что представил меня собравшимся как человека, прекрасно знающего положение верующих в России. Его рекомендация сослужила мне огромную службу на многие годы вперед, поскольку многие из присутствующих на встрече в Ламбет-Паласе играли впоследствии важную роль в американо-православном движении и в создании Всемирного Совета Церквей. В связи с созданием после Ламбетского воззвания фонда помощи русскому священству и Церкви я познакомился с председателем комитета этого фонда сэром Бернардом Пейрсом. Он возглавлял отделение славянских исследований в Лондонском университете. Я также познакомился с лордом Чарнвудом, автором "Жизни Линкольна", с преп. Р.М. Френчем, секретарем Ассоциации Англиканской и Восточных церквей, с преп. Х. Дж. Файнсом Клинтонем, вождем англо-католичества, с преп. каноником П.И. Т. Видрингтоном, с преосвященным Гарольдом Бакстоном, епископом Гибралтарским и со многими другими. Прочие европейские Церкви проявили такую же энергию: руководили их деятельностью известный швейцарский экуменист Адольф Келлер из Цюриха, голландский пастор др. Ф. Кроп и французский кальвинист др. Марк Бегнер. Они организовали в Базеле встречу европейских церковных лидеров. На этой встрече происходил обмен информацией и обсуждались способы организации различных форм протеста, а также изыскание средств для непосредственной финансовой помощи верующим в России. Отец Сергей Булгаков представлял митрополита Евлогия, я — группу "Изучение религии в России". Др. Ладьженский представлял Синод Карловацких

Епископов. Майор Тьюдор Поуль, казначей фонда помощи русской Церкви, попросил нашу маленькую группу превратить наш выходящий от случая к случаю бюллетень в серию брошюр. Большинство членов группы согласилось на это, хотя это означало, что придется делать много безвозмездной работы. В группу входили: Иван Аркадьевич Лаговский, секретарь РСХД, Кирилл Шевич, вскоре постригшийся в монахи под именем отца Сергия, свящ. Поль Майо из Руссикума в Ватикане, Мишель Андан, финансист, и моя секретарша Ирина Окунева, позднее г-жа Алексис Гей. Все эти люди неутомимо добывали материалы, приводили в порядок, переводили на английский, затем публиковали. Было напечатано 10 выпусков, каждый под особым названием, указывающим на главную тему данного выпуска. Мы печатали их в Париже и посылали 500 экземпляров каждого выпуска майору Тьюдору Поулю для распространения. Сэр Бернард Пейрс оценил нашу работу и попросил меня писать "Хронику Советской России" для каждого выпуска ежеквартального "Славянского и Восточно-Европейского Ревю", издававшегося Лондонским университетом, что я и делал до начала Второй мировой войны. Я был редактором этой серии брошюр (работа трудная и не всегда приятная). По долгу службы я получал и разбирал грубые и непристойные материалы, прибывавшие из Москвы. Количество книг и памфлетов, а также новой периодики, занимавшейся антирелигиозной пропагандой, все возрастало, варьируясь от гнусных карикатур и клеветнических статей до серьезных, хорошо аргументированных брошюр о крупнейших мировых религиях, имеющих адептов в России: римско-католической, лютеранской, англиканской, мусульманской, буддистской, иудейской. А также о староверах и о разнообразных сектах: молоканах, баптистах и о живущих в бывшей Венгрии (в районе Карпат) кальвинистах. Наша группа собиралась ежедневно, чтобы распределить материалы для чтения и перевода. Эта работа давала замечательные возможности для исследования как природы и целей антирелигиозного движения, так и остатков религиозной жизни в Советском Союзе.

Работы у нас было очень много. Помещение, которое было снято для русского отделения YMCA, РСХД, издательской конторы YMCA—PRESS и классов Русской Заочной школы, к 1932 году

стало центром разнообразной интеллектуальной, духовной, спортивной деятельности русских эмигрантов в Париже. Богословы, инженеры, книготорговцы, студенты, мальчишки, играющие в волейбол, и просто голодные, потерянные люди толпились у нас с утра до вечера. Это причудливое сочетание возникло в результате стараний YMCA и РСХД идти навстречу всем нуждам эмигрантской общины. Кроме Заочной школы и YMCA-PRESS, вся эта деятельность была непосредственным проявлением товарищеских чувств русской молодежи и ее старших соотечественников друг к другу и к бедствующему окружению. Социальная помощь развивалась тоже благодаря человечности и изобретательности членов РСХД. Они не могли равнодушно пройти мимо нужды вокруг. Глубокий экономический кризис поразил Францию (также и Штаты) в начале 30-х годов. Безработица стала серьезной проблемой для иностранцев, в частности русских. Руководители и члены РСХД, не имея достаточных фондов для помощи, зывали к имеющим средства людям и организациям и находили собственные способы помощи нуждающимся.

Одной из первых в этом была г-жа Матео, еврейка, обратившаяся в православие, приехавшая из Румынии с мужем и двумя юными дочерьми. Два года подряд она была руководительницей летнего лагеря РСХД для девочек на Ривьере. Теперь она старалась найти способ очень дешево или совсем бесплатно кормить безработных и нищих эмигрантов. С помощью двух дочерей и множества добровольцев она устроила для них кухню в просторном подвальном помещении. Все РСХД было вовлечено ею в эту деятельность.

Неожиданно мы обнаружили, что многие русские люди находились в психиатрических больницах из-за того, что, не зная французского языка, не могли объясняться с окружающими и были сочтены умственно неполноценными. Время от времени случалось, что навещающий больницу католический или православный священник узнавал об этом и сообщал кому-нибудь из русских, а тот информировал митрополита. Понуждаемый митрополитом, Исполнительный Комитет РСХД поручил молодой женщине, Елизавете Юрьевне Скобцовой, разыскивать этих несчастных и помогать им. Она принадлежала к интеллигентной

среде, знала в совершенстве французский язык, была одновременно отзывчива и умна и пропитана духом социального реформаторства. Еще в бытность в Петербурге Елизавета Юрьевна была активным членом революционных кружков и одновременно дружила со знаменитым реакционером, обер-прокурором Св. Синода Константином Победоносцевым, старым знакомым ее семьи. В Париже она слушала лекции в православном Богословском институте, отец Сергей Булгаков стал ее духовником. Она была одного духа с Бердяевым и его последователями. Ее первый муж стал впоследствии католическим священником. Она пожелала стать монахиней и была пострижена митрополитом Евлогием. С его благословения она приняла на себя задачу розыска и спасения несчастных эмигрантов. Руководство РСХД было убеждено, что она лучше всех подходит для ее выполнения. Я вспоминаю, как я слушал ее доклад исполнительному комитету после одной из поездок по французской провинции. Она находила людей в полном отчаянии, выясняла всю их историю и затем, с помощью местных французских социальных работников, добивалась их освобождения из больницы, а во многих случаях находила им какую-нибудь работу.

Затем она обратила внимание на необходимость жилья для русских и прибалтийских девушек, прибывших из Восточной Европы и не имеющих никакого жилья или стесненных в переполненных комнатухах родительских квартир. Хотя наше помещение на Монпарнасе состояло из 22 комнат, но оно было настолько переполнено, что не могло служить ее целям. Для того, чтобы снять помещение, Елизавета Юрьевна нуждалась в поддержке официально зарегистрированной организации. У Движения не было средств для этой цели. Мать Мария (ее монашеское имя) решила создать "Православное дело" (Action Orthodoxe) по образцу хорошо известного по всей Франции "Католического дела" (Action Catholique). Она собрала небольшую группу друзей, озабоченных социальными бедствиями, и зарегистрировала их как социальное агентство. Затем она собрала некоторую сумму денег у частных лиц и сняла дом на Вилла де Сакс, возле Монпарнаса. Дом был достаточно велик, чтобы вместить 8-10 молодых женщин, но мать Мария решила использовать его и для другой

цели. Бедствия безработных эмигрантов все возрастали, некоторые оказались на грани голодной смерти. Для них мать Мария открыла столовую в том же доме. Денег на покупку пищи у нее не хватало, поэтому она с раннего утра обходила с ручной тележкой центральные рынки, и торговцы давали ей для ее голодных подопечных остатки, которые не могли продать. Скоро посетителей стало так много, что соседи начали жаловаться, поскольку дом был снят только для общежития, а не для столовой. Поэтому мать Мария решила переехать в такое место, куда нищие и голодные могли бы приходить без страха.

И вот, однажды мать Мария пришла ко мне и попросила сопровождать ее на рю Лурмель (в промышленном районе, в котором размещались Ситроен и другие фабрики), где сдавалось в наем помещение. Некогда здесь был просторный дом, теперь полуразрушенный, но после небольшого ремонта он мог вполне служить ее целям. Сколько будет стоить его содержание? Аккуратная расчетливость была редким украшением в эмигрантском быту, но я все же спросил, как она оценивает стоимость? К моему великому изумлению, мать Мария извлекла из глубокого кармана своего монашеского одеяния лист бумаги с финансовой сметой. Мы сняли дом, и вскоре "Православное Дело" начало активнейшую помощь нуждающимся эмигрантам.

Мать Мария с помощью "Православного Дела" организовала еще одно мероприятие. При французском министерстве социального обеспечения имелся отдел, занимавшийся помощью нуждающимся. В некоторых местах открылись дома, на содержание которых министерство выдавало суммы, достаточные для покрытия всех расходов. Такого рода дом для бедствующих открыло теперь "Православное Дело". Мать Мария, при великом множестве ее обязанностей, не могла бы одна организовать такой дом. К счастью, Федор Пьянов, бывший нашим секретарем по работе с русскими в Берлине, а позднее занявший то же место в РСХД на Монпарнасе, захотел уйти с этой должности и стал директором во вновь устроенном доме. Размещался дом в Нуази-ле-Гран, самом южном предместье Парижа. Было большой удачей, что выбор матери Марии пал на Пьянова, так как он был давно уже известен и ценим в кредитном обществе Бакстона в

Лондоне, а это общество, в свою очередь, занималось финансовой и иной помощью эмигрантским мероприятиям. П. Видрингтон, управляющий обществом, несколько раз приезжал в Париж наблюдать за деятельностью организаций, которые общество поддерживало, в особенности за социальной работой "Православного Дела". Я тоже смог обеспечить некоторую финансовую поддержку из разных источников. На рю Лурмель пища телесная сочеталась с духовной и интеллектуальной. В отличие от Монпарнаса, где все комнаты даже по вечерам были заняты кружками, классами, Заочной школой и аудиториями Технологического Института, в доме на Лурмель была одна большая комната, которую постоянно использовали для бесед и лекций. В них принимали участие Бердяев и его сотрудники, но на Лурмель меньше уделяли времени чистой философии и больше социальным проблемам Франции и всего мира. По мере ожесточения гражданской войны в Испании и укрепления позиций Гитлера в Германии, все чаще обсуждали вопрос о значении разных перемен во французском правительстве, а также о том, в чем они скажутся в случае гитлеровского вторжения. Активное участие в беседах на Лурмель принимали профессор Федотов с женой.

о. Дмитрий Клепинин

При доме был постоянный священник, отец Дмитрий Клепинин, выпускник Св. Сергиевского Института и замечательный духовный пастырь. В конце двора находился маленький (на одну машину) кирпичный гараж. Отец Дмитрий превратил его в часовню. Кроме утренних и вечерних служб, часовню особенно часто использовали для отпевания православных, умерших в "Отель Дье" или в других больницах для безнадежно больных, так как в эту часовню не надо было карабкаться по ступенькам и нанимать специальных людей для несения гроба. Мать Мария давала

прощальный поцелуй каждому или каждой, внесенному в часовню и покидающему ее для входа в жизнь вечную. Она повесила на стене часовни занавес из тяжелой ткани. На нем мать Мария вышила имена всех усопших, которых здесь отпели. Священник мог, глядя на занавес, читать все имена, когда молился за усопших — Иван, Мария, Марфа, Борис — "Помяни, Господи!"

Чем хуже становилось экономическое положение страны, тем строже делался полицейский контроль над разрешениями на жительство и на работу. Удостоверение личности стало почти столь же драгоценным, как сама жизнь. Мне рассказывали про женщину, которая, отчаявшись, пошла на мост через Сену и бросила в реку свое удостоверение (*Carte d'identité*), что было равносильно самоубийству. Некоторые русские общественные организации пытались помогать таким отчаявшимся одиноким людям. Это были Земгор, управление бывшего русского посла В.А.Маклакова, русский Красный Крест (старая организация) и французское правительственное агентство под названием "Служба помощи эмигрантам". Исполнительный Комитет РСХД непосредственно этого рода деятельностью не занимался, но агентство, организованное Софьей Зерновой, служило тем же целям.

Чем больше работы для русских эмигрантов делалось в помещении YMCA на Монпарнасе, тем яснее становилось, что РСХД нужно иметь свое помещение. Вскоре Движение нашло себе подходящее место, в связи с чем YMCA потеряла часть дохода — плату РСХД за содержание общего помещения. Александр Никитин, бывший в свое время членом Петербургского СХД, занял место Пьянова на посту местного парижского секретаря РСХД, а также главного секретаря всех отделений РСХД. Он нашел подходящее для РСХД помещение и добыл финансовую помощь для его покупки в ВСХД и в создававшемся тогда Всемирном Совете Церквей. Помещение находилось на рю Оливье де Серр, 91, в довольно бедном русском квартале (*XV arrondissement*). Оно состояло из двух зданий. В нижнем этаже главного здания имелась одна большая комната, пригодная для лекций и собраний, и две комнаты поменьше. С задней стороны дома прежний владелец пристроил крытое стеклом помещение во всю длину

здания, которое он использовал для типографии. На втором этаже было 6 жилых комнат. Напротив через маленький дворик, выходящий на улицу, находилось еще одно одноэтажное здание с мансардой, пригодное только для конторы. В целом это было очень удачное приобретение, РСХД смогло полностью разместиться и находится здесь по сей день. Связь с русской службой YMCA с этого момента, естественно, прекратилась, так как РСХД приобрело независимое положение. Переезд РСХД в другое место, начало его независимости от русской службы и наступление Второй мировой войны положили конец "Бердяевским годам". Эти "Бердяевские годы" были необычайно плодотворными во всех смыслах этого слова — интеллектуальном, культурном, общественном и богословском. Это были годы расцвета блистательного религиозного возрождения русской эмиграции.

(Перевод с английского Т. Шмаин)

1. Еще о Фете

Началом дискуссии о Фете (Вестник №№ 139, 141, 142) явилось, по сути дела, отстаивание его как человека для Бога или от Бога на основании его творчества. Именно на основании творчества (оставляя в стороне его произведения на религиозную тему) Фета атеистом не назовешь. Трудно также согласиться с разъединением единой личности поэта на две, как это делает М. Макаров (Вестник № 142), чтобы примирить всех, в том числе и себя. И если бы спор пошел еще глубже: любил ли Фет Бога или нет, — он не примирил бы мнений. Как и в самом Фете, в вопросе о нем всегда будет двойственность и разделение мнений на лагеря.

Действительно, Фет-Шеншин представлял собой дом, разделившийся сам в себе; и поскольку он устоял, то являет собой чудо, совершившееся не благодаря Фету, даже если бы он любил Бога, а тем, что Бог возлюбил его. И только божественной любовью к Фету-человеку можно объяснить, что в нем поэт, и поэт Божьей милостью, пережил помещика, что в нем самом — и прежде всего ради него самого — совершился этот перевес.

Если душа его была чутка и открыта веянию Божию, — а те, кому оно знакомо, не могут не ощущать какой-то особенной одухотворенности его поэзии, которую не осяжешь словом, — то неверующим, а тем более атеистом или материалистом в философском смысле слова Фета не назовешь. Одухотворенность не оставляла его творчество даже в период созидания материального благополучия и затем пожинания его плодов, когда зачерствелые, глухие души на его месте забросили бы творчество и продолжали бы стяжать, потому что жадность не знает насыщения и потому что в ней в конце концов не остается места вдохновению.

И еще в нем эта вечная неудовлетворенность собой, эта отчаянная тоска по тому человеку в себе, потенциал и идеал которого он ощущал, особенно в моменты вдохновения, но осуществить или удержать не мог, не мог принести в жертву временное. Но если такая тоска и неудовлетворенность были, то они свидетельствуют

о том, что до самого конца Фет не мог примирить в себе или оправдать свою раздвоенность, что его внутренние симпатии были скорее на стороне поэта, чем благополучного помещика, и что к Богу его влекло непрестанно и бескорыстно.

Фету был дан совершенно исключительный дар интуитивного ощущения Бога в тварном мире и передача этого ощущения, в котором он "достигал подлинного мистического переживания" (Н. Струве. Вестник № 139). Грань между образом и тем, что за образом, у Фета необычайно тонка; плоть его образов настолько прозрачна, что мгновенно вводит в мир за образом, возвышающим душу. Если же этот мир возвышает душу читателя (и я говорю о читателях, живущих и дышащих Богом), то не на большую ли высоту возносилась душа поэта?

Один человек оставил ради Бога мир и все, что имел в мире, включая немалую библиотеку. Удалился в последнюю глушь, взяв с собой только духовно-богословскую литературу и два-три томика стихов, прежде всего "Вечерние огни" своего любимого поэта. В прошлом, в годы тяжкого, редкого духовного испытания стихи Фета выносили его из бездны отчаянной скорби в область того света, который он любил и который был тогда для него закрыт. Если Фет-человек был нецерковен, то он воцерковлялся через этого человека. Если этот человек потерял церковь (я имею в виду мистическую связь с Телом Христа), то он воцерковлялся через поэта. Пути Господни неисповедимы.

2. Всемогущие проценты и русский вопрос (начиная с Вестника № 135)

В наш век статистика настолько прочно укоренилась в сознании людей, так проникла все области человеческой жизни, что ей теперь отведена роль качественного определителя даже в такой области, как церковь, вера.

7% атеистов в России или только 7% верующих — какое решающее значение это может иметь? Если, на худой конец, у нас только 7% верующих, но качественно равных или подобных евангельской двенадцатице, то Россия по существу является "божным" или, еще

точнее, христианским континентом (заимствую очень удачное определение России как континента у А.И. Солженицына). И как ни велик этот континент, включая в себе шестую часть земли, он все же меньше всего мира, а 7% в российском масштабе намного превышают 12 единиц. Если слово Божие сильно было проникнуть весь мир, включая и Россию, верой всего лишь двенадцати простых, "некнижных" рыбаков, то вера 7% святого остатка, который Господь сохранил в России, способна, в полноту времени, как закваска, поднять все российское тело.

Тысячу лет назад Россия начиналась прежде всего как дом Божий, как Церковь, и только в этом смысле к ней приложимо название Святая Русь. В этом заключается завет Христа с нашей родиной и народом, в этом — первостепенное назначение России и россиян. А затем, для нас, переросших себя в Боге, в нем заключено наше мессианское назначение, т.е. хриstopодобная универсальность, без которой никакое подлинное христианство немислимо.

В основание России как дома Божия легла двоица (всего лишь!) пришлецов, варягов-мучеников Феодора и Иоанна, задолго до того, как оформилась в национальное, но многоплеменное, государство с определенным именем. Заслуга св. Ольги, кончина которой на несколько лет опередила исповеднический подвиг ее единоплеменников, состоит прежде всего в личном влиянии на будущего крестителя Руси, т.е. тогда еще Киева. Исторически наша родина с бóльшим, казалось бы, правом могла бы называться Киевания, Древляния или даже Словения, а вот, определено ей быть Россией. Именованье ее, очевидно, вышло не случайно, символизируя ее надисторическое, сверхэтническое начало и назначение. Этот момент никак нельзя упускать в наших сегодняшних поисках себя, своего отечества, своих корней, иначе мы замкнемся и замкнем наше призвание — и, таким образом, Россию как дом Божий — в пределах в лучшем случае благополучного национально-этнического континента, где церкви отведен почетный "красный" угол, а не роль всепроникающей и возводящей до небес закваски.

Сегодня такого понимания России нет, судя по голосам, доходящим до нас оттуда, и не раздалось еще слово духовного пастыря, опирающегося в определении и призвании России не на

светские литературно-религиозно-философские авторитеты, а на авторитет Евангелия, на авторитет Христа, сказавшего о Себе: "Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня" (Ин. 14: 6).

Ранняя Церковь, по образцу которой закладывался наш российский дом, жила этим Путем, шла им и достигала не только пределов вселенной и сердец всех народов, но и восходила к Отцу. Сваливать нашу немощь и наш церковный и государственный позор на инфантилизм нашей церкви неправомерно. Был ли церковный опыт у апостолов до Христа и Пятидесятницы? Был ли вообще "исторический" христианский опыт или "навык" у языческих народов первых столетий, сознательно и добровольно шедших на пытки, на крест, на костер, на усечение мечом, в звериные челюсти?

Но можно и не заглядывать в такую глубь веков и истории, если над чьим-нибудь сознанием довлеет фактор времени. Святые страстотерпцы Борис и Глеб и многие другие стоят у истоков российской церковности и государственности. У этих же истоков — люди различных племен и народов, в том числе святые братья Георгий, Ефрем и Моисей, венгры. То есть, наша родина поистине начиналась, как дом Божий, где стиралась грань между "эллином и иудеем", где не было места национальному вопросу, хотя Моисей Угрин оставался венгром, а первый митрополит св. Михаил — болгарин.

Уж если искать себя, свои корни, то придется вернуться к церкви исповеднической, к церкви крещальной. В создавшейся обстановке на нашей родине другого выхода нет.

Наши боль и позор начались не 70 лет тому назад, а за несколько столетий до этого. С 17-го года мы только пожинаем плоды религиозно-нравственного упадка, хотя на фоне его всегда были и теперь есть истинные сыновья и дочери Христа и Церкви, и святой остаток в России никогда никому не удавалось искоренить. Вот найти и осознать себя как этот остаток, ощутить этот дар Божий и, таким образом, ответственность за него перед Богом, перед своей совестью, перед всем миром, начиная с России, в этом — заново возводимое здание нашей родины, в этом — осмысленный творческий труд каждого российского христианина, и в этом — наше и вселенское православие.

Говоря о России, невозможно говорить исключительно о русском народе, минуя другие большие и малые народы, теперь составляющие с нами одну семью и разделяющие нашу судьбу. На нас лежит забота и ответственность за них перед Богом. Наша мессианская роль должна прежде всего найти выражение у себя дома в братской любви, уважении и участии ко всем народам России, не говоря уже о совершенном искоренении высокомерного, презрительного отношения к малым народам, хотя бы в форме шуточного, беззлобного высмеивания или кличек, которые, как мы знаем по себе, могут ранить очень больно и глубоко.

“Господня земля и что наполняет ее”. Господу угодно было избрать Россию Своим уделом, и она никогда не переставала им быть, даже в молчании, даже в видимом (но только видимом) истреблении. И если Ему возможно из камней воздвигнуть детей Аврааму, т.е. Себе, то это совершилось на наших глазах, когда дети закоренелых, законченных атеистов и богоборцев, этих бессловесных камней (и даже иные из этих камней, чудом Духа вернувшиеся к жизни), жизнь полагают за Христа и Его Царство, ложась в основание создаваемой сегодня России. То есть наши сегодняшние страстотерпцы и исповедники христианской совести и жития, не говоря уже о мучениках, добываемых в лагерях и психушках, и есть наша Российская Православная Церковь. Институт РПЦ с его иерархией никак ее не отражают. Как такие же институты во всем мире, РПЦ редко бывала на высоте своего призвания. Как ни парадоксально это звучит, но овцам суждено на своих плечах выносить пастырей, потому что чаще всего овцы, будучи свободнее во Христе от власти кесаря, получают дар нравственно-духовной силы. И первое заботливое слово о России и ее церкви сказано сегодня пасомыми, а не пастырями.

Начаток этой силы стал проявляться у нас в последнее десятилетие. Однако есть опасение, что, с одной стороны, она еще не оценена, а с другой — что эта сила может быть растрачена целиком на апологетические отпоры клеветникам России, которые как бы намеренно отвлекают на себя умственные и духовные силы от нашей главной задачи. Им нечем больше жить и нет иного способа быть в центре внимания, как устраиванием скандалов. В последнее время было произнесено много умных, справедливых слов в ответ

клеветникам. Но нельзя не учитывать при этом, что мы имеем дело с людьми, не знающими и часто ненавидящими Христа, и наши апологетические отпоры в лучшем случае скажут "нет" на их преднамеренное или в силу заблуждения утверждаемое "да". Закрыв одну брешь, нам вскоре придется в спешном порядке бросать силы на новую брешь — и так без конца, ибо жизнь, культура и духовные сокровища великого народа многогранны и многоаспектны. Вместо этого хотелось бы, чтобы наши сегодняшние дарования, которые все же немалы хотя бы пропорционально общемировому оскудению, обратились к творчески-созидательному "да", к положительному утверждению подлинных ценностей в каждом аспекте нашей жизни, культуры и мысли. Это бы явилось лучшей отповедью нашим отрицателям и лучшей проповедью для тех, кого вводят в заблуждение.

России изначально был дан исключительный дар: знание Бога, Христа. Этот дар и теперь есть самое ценное, чем мы обладаем и что должны были бы отстаивать прежде всего. Выразительные таланты, т.е. культура во всем ее объеме, которые Господь "независтно" излил на наш народ, есть лишь средства выражения нашего духа, наши уста, а не сам дух, которым в большей степени может изобиловать праведная "бездарь" (хотя таких не бывает) и выражать его "всего лишь" подвигом жизни, а не блестящим литературным или другим даром.

(Иные остроловы, великолепно владеющие нашим языком и литературой, упрекают некоторых из нас, проживших долгие годы, а то и родившихся вне стихии родного языка, в неумелом владении им, в нерусскости оборотов. Стоит ли, возможно ли возражать им, когда всякому, обладающему здравым смыслом /не говорю уже — сердцем/, очевидно, что нельзя требовать от человека того, чего он не по своей воле лишен.)

Но и выразительный дар никогда у нас не иссякал. Если на родине наши уста были запечатаны смертной мукой, то вне России миссия русского христомосца блестяще осуществлялась и по сей день совершается и словом, и делом.

Мы еще не осознали до преобращающей глубины, что нам дан гораздо лучший дар выражения духа, чем слово. Это дар подвига страдания, терпения и покаяния, дар ношения оплеваний и заушений

от всех, кому не лень бросить в нас камнем, — т. е. дар приобщения самому Христу, если мы не отказываемся от него по недостатку знания его превосходства или из малодушия, проистекающего от маловерия или недоверия силе Христа. И тут мне придется возвратиться к статистике и недооценке нами как силы Христа, так и славы креста, а в двух последних заключена вся наша трагедия, начиная, возможно, с основания прочной государственности.

Если полагаться на цифры, то верующих до революции, а тем более задолго до нее, у нас было тотальное большинство, и, следовательно, духовно мы были благополучны. Тогда чем объяснить наше громовое падение, от которого мы до сего дня не можем прийти в себя? Чем объяснить страх перед мучителями и мучениями, до сих пор обладающий нашим сердцем и сознанием?

Грустно читать жалостливые обращения к мировой общест-венности, или к политически сильной в мире церкви, или просто к гуманистским организациям от наших христиан. Кто эта всесильная "мировая общественность"? Почему такая надежда на ее предстательство и защиту? Ведь она по существу не является христианской, хотя иные ее организации могут носить христианское имя; ее методы защиты — правовые, законнические, путем внешнего давления — не согласуются с духом Евангелия. Это значит, что гонимые христиане, чтобы любым путем сбросить свой крест, согласны принять услугу мира помимо Христа. Но разве они не слышали у крещальной купели и затем постоянно повторяемое в церкви: "крестящиеся во Христа облачаются во Христа" (т. е. прежде в Его поругание и затем в Его славу), "Я есть путь" (т. е. через прижизненное презрение и Голгофу — в Царство), "ученик не выше учителя", "если Меня гнали, будут гнать и вас", и — страшное, как Божие осуждение, для всякого сознательного христианина: "кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня"? Миллионы российских мучеников пролили кровь, чтобы нам сегодня дана была передышка для набирания большей духовной силы, чтобы продолжить их подвиг и таким образом приобщиться к ним. А мы хотим на их страданиях и крови устроить свое религиозное благополучие, безбедно процветать полезной деятельностью в условиях антирелигиозного террора и считать себя христианами, т. е. исповедниками веры

во Христа и воскресение: ведь исповедание воскресения есть сознательное принятие какой бы то ни было смерти. Слова Евангелия "все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, гонимы будут" (2 Тим. 3:12) оправдываются на каждом, желающем идти за Христом: в гонимой России, на по видимости мирном и благополучном Западе, среди единоверцев. Иное "мирное" исповедничество может оказаться нравственно болезненнее и уж несомненно продолжительнее открытого гонения, не говоря о том, что этот род креста почти никогда не отмечается в сознании окружающих, т.е. он лишен поддержки и ореола славы.

О том, как мучают наших братьев и сестер на родине, о страданиях нашей церкви и народов России говорить необходимо. Но говорить без жалоб и приниженности, вручая наше кровное дело суду людей, которых в лучшем случае может интересовать протестный аспект дела, а не судьба людей. Тут нужно вспомнить о своем христианском достоинстве. Замечательно сильное обращение диакона В. Русака к ВСЦ (Вестник № 140) подает надежду, что христианское достоинство у нас ~~начинает~~ пробуждаться.

Одиноко пока стоит и тем ярче выделяется исповедническая судьба Зои Крахмальниковой и ее семьи. Она и ее муж сознательно начинали христианское дело, зная о неизбежных последствиях. Арест не застал их врасплох, как нечто неожиданное, не смутил их. Впервые прозвучало обращение к христианам всего мира не о ходатайстве об освобождении, а о молитве. Т.е. у нас зарождается христианский подход к событиям. Хотелось бы знать о судьбе таких исповедников и просить их молитв о нас и о церкви.

В целом же мы носим язвы Христа, как наказание и позор, а не как славу, а ведь мы — народ повоскресный, для которого крест должен бы быть честью, а не поруганием. Никто не может взойти на крест, если ему не дарована сила от Бога: сами мы, при всем нашем искреннем благочестии, этой силы не имеем. И тем, кто не ощущает в себе крестного огня, никто не бросит упрека, если они в смирении, со-болезнуя, взирают на испытания сильных, как благочестивые жены — на крест Спасителя, делая посильно то, что им доступно, и внутренне воспитывая себя к исповеданию. Если же крест врывается в нашу жизнь, то значит пришел час

испытания нашей веры: не для того, чтобы унижить и раздавить нас, но чтобы явить ее в мире, хотя мир ее может не оценить и попросту не заметить. Но ведь наша жизнь надмирна и сверхвременна. Ранние мученики и исповедники свидетельствовали о вере в сверхвременность жизни и в лучшее будущее своей жизнью. Их подвиг, собственно, был свидетельством не для них самих и их единомышленников, а для их мучителей, являясь, таким образом, апостольским служением по призванию и обращению слепых, глухих, свирепых сердцем. А в России в настоящее время слепых, глухих, свирепых сердцем и умом подавляющее большинство: не только среди атеистов, но и среди "верующих", которые нуждаются в свидетельстве праведной крови.

Россия, как церковь, накануне революции была плохо подготовлена к такому свидетельству, которое обрушилось на нее неожиданно, "как тать в ночи". Большинство христиан в период первых погромов полегло в чине "младенцев в Вифлееме от Ирода избивенных". И это еще слава Богу, что так случилось, потому что нас веками готовили к мирному преподобию, делая ударение на венцах, минуя страдания или окружая их легендой. Ну, а если сподобимся мученического венца, то тут — одно блаженство и никакой боли: ни телесной, ни душевной. Четыи Минеи нам говорят почти исключительно о "теплой прохладе" в кипящем котле или на раскаленной докрасна сковороде; если водят обнаженными на народе, то "позор" (в сознании агиографа) завуалирован либо временным ослеплением зрителей, либо еще каким-нибудь чудом. Получалось, что Сын Божий, наш Путь, не оставил нам ничего от Своего пути, предоставив лишь венцы и теплую прохладу. Где же тут уподобление Христу? апостолам? подлинным, а не легендарным страданиям мучеников (хотя за легендой осталась неповеданная нам драгоценная правда)?

Спаситель страдал нравственно до кровавого пота, а потом так болел на кресте, что неестественно рано скончался, к удивлению Пилата. Свидетельство апостола Павла совершенно трезво перечисляет все "мирные" скорби исповеднической жизни (2 Кор. 11:23—29). Но мы теперь и сами имеем 70-летний опыт того, что крест — не теплая прохлада, что огненная печь естественно жжет тело, но что дух наш, окрыленный силой Христа, пре-

возмогает телесное страдание до того, что мученик может благодарить Бога за крест и благословлять мучителей и даже способствовать их обращению и вступлению в подвиг. Во втором томе материалов "Новые мученики российские" есть потрясающее житие мученицы Лидии, свидетельствующее обо всем, что здесь сказано.

Все благовестие Евангелия заключается в возвещении победы духа над плотью. Вся сила Христа и Св. Духа дана именно на обновление духа, оставляя земле и времени биологические, природные законы плоти до конца мира. В том-то и чудо силы Христа, что нашу веру и радость нашего призвания в Царство не может омрачить ни болезнь, ни беспокойства и лишения, ни нравственные муки, ни даже смерть. И в этом — слава креста и лучшая проповедь для тех, кто имеет быть призван в Царство, хотя сегодня он еще может гнать Церковь.

И еще мы должны помнить о нашей солидарности с миллионами безымянных, брошенных в общую могилу, имена которых никогда не дойдут до нас и до мировой общественности, потому что они прошли прямо в небо.

Мать Юлиания

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
 БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Таинство Святого Духа — Прот. А. Шмеман	5
Размышление смиренного сердца (XV в.) — перевод и публикация архим. Амвросия Погодина	45
"Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?" — о. Матта Эль-Мескин	93
Малые слова — Прот. Георгий Бенигсен	109
Письма С.Н. Булгакова к М.К. Морозовой (публикация и примечания Н.А. Струве)	123
 ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — Юрий Кублановский	136
Глава 66 из "Марта Семнадцатого" (Узел III) — А. Солженицын	141
Поэзия Бодлэра — Н.С. Гумилев (публикация проф. С. Грэхэм)	154
Переводы из Бодлэра — Н.С. Гумилев	160
К разгадке одной литературной тайны: "Роман с кокаином" М. Агеева — Н.А. Струве	165
Об антилитературе и инициации — А. Великанова	180

SOMMAIRE

<i>A nos lecteurs</i> – N. Struve	3
---	---

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

<i>Le Sacrement de l'Esprit Saint</i> – P. Alexandre Schmemmann . . .	5
<i>Réflexions d'un cœur contrit</i> (manuscrit byzantin du XV s. traduit par le P. Ambroise Pogodine)	45
<i>"Mort! Où est ton aiguillon? Enfer! Où est ta victoire?"</i> – P. Matta-El-Meskin	93
<i>Les courtes paroles de la Liturgie</i> – P. Georges Benigsen	109
<i>Lettres de S. Boulgakov à M. Morosova</i> (publication et notes de N. Struve)	123

LITTERATURE ET VIE

<i>Poèmes</i> – Iouri Koublanovski	136
<i>«Mars 1917»</i> (extrait : chapitre 66 – 26 février) – Alexandre Soljénitsyne	141
<i>La poésie de Baudelaire</i> – Nicolas Goumilev (publication du prof. S. Graham)	154
<i>Poèmes de Baudelaire</i> traduits du russe par N. Goumilev	160
<i>Une mystification littéraire : «Roman avec cocaïne» de</i> <i>M. Aguéev</i> – N. Struve	165
<i>Antilittérature et initiation</i> – A. Velikanova	180

СУДЬБЫ РОССИИ

Епископ Аркадий Остальский (самиздат) 198

Аще забуду тебе Иерусалиме – Ирина Кантор (Москва) . . 209

К "делу" иеромонаха Павла – ХХХ (самиздат) 226

"Бердяевские годы" (1922-39) – П.Ф. Андерсон 244

Письмо в Редакцию:

Еще о Фете – мать Юлиания 292

DESTINEES DE LA RUSSIE

<i>Monseigneur Arcade Ostalski</i> (samizdat)	198
<i>Si je t'oublie, Jérusalem</i> – Irina Kantor	209
<i>L'affaire du hiéromoine Paul Lyssak</i> – XXX (samizdat)	226
<i>Les années Berdiaev (1922-39)</i> – Paul Anderson	244

Courrier des lecteurs :

<i>A propos d'Ath. Fet</i> – Mère Juliana	292
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

НОВИНКИ!!!

Серия "ИНРИ" (*Исследования Новейшей Русской Истории*)

ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю.Г. — Большевики и левые эсеры

В предлагаемом исследовании делается еще одна попытка опровергнуть укоренившееся в советской историографии мнение о том, что германский посол граф Мирбах был убит левыми эсерами с целью сорвать Брестский мир. Ленин использовал убийство Мирбаха (вероятно спровоцированное Дзержинским) с целью покончить с левыми эсерами, больше ему не нужными, и установить однопартийную диктатуру.

В книге подробно изложены зарождение большевистско-левозсеровской коалиции, формирование правительства, созыв и разгон Учредительного собрания, Брестский мир, убийство Мирбаха и разгром левых эсеров.

290 стр. Цена : 120.- фр.

Серия "ВМБ" (*Всероссийская Мемуарная Библиотека*)

ГЕРАСИМОВ А.В. — На лезвии с террористами

Увлекательный рассказ начальника генерального Петербургского розыска о борьбе с волной терроризма, охватившей Россию после первой русской революции (1905-1909).

Ближайший сотрудник Столыпина, А. Герасимов стал одной из жертв крайних реакционных сил и был отставлен от должности. С необыкновенной яркостью описаны жалкая судьба Гапона, тонкая игра Азефа, разрушившего эсеровский терроризм, ряд удавшихся или неудавшихся покушений.

208 стр. Цена : 100.- фр.

ФИЛАТЬЕВ Д.В. — Катастрофа Белого движения в Сибири

Только в Сибири удалось создать правительство всероссийского масштаба, на свободной территории, с нормальной армией. И тем не менее Белое движение потерпело там катастрофу. Генерал Д.В. Филатьев (1866-1936), участник этих событий, старается понять причины этой катастрофы: он считает, что адмирал Колчак — выдающийся моряк и рыцарский характер, оказался не на высоте ни как сухопутный военачальник, ни как государственный деятель.

144 стр. Цена : 60.- фр.

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

Николай БЕРДЯЕВ — Собрание сочинений (т. 2) СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

"Основную свою интуицию о человеке, о нужде Бога в творческом акте человека, я выразил в самой значительной книге своего прошлого "Смысл творчества"... Книга создана целостным творческим порывом, в ней обнаружена тема всей моей жизни".

"Смысл творчества" переиздается впервые после 1916г., с приложением более поздней статьи "Спасение и творчество", с разночтениями и дополнениями.

440 стр. Цена : 150 фр.
в переплете : 230 фр.

ФЕДОТОВ Г.П. — Святые древней Руси

Строгий научный метод, унаследованный от болландистов, необыкновенное историческое чутье, любовь к Церкви и писательский дар — совокупность этих качеств позволяет сказать, что книга Г. Федотова лучшее, что когда-либо было написано о русской святости.

241 стр. Цена : 100 фр.

Сергей КЛЫЧКОВ КНЯЗЬ МИРА

428 стр. Цена : 120.- Фр.

Мифологизированный роман о Добре и Зле, сопоставимый с "Мастером и Маргаритой". В нем Клычков мифотворец и бытописатель достигает вершины своего искусства — фантастического реализма.

К этому переизданию прилагается неизданное резюме продолжения романа, с отрицательным отзывом испуганного клычковской фантастикой Луначарского, который тем не менее пророчил "Князю мира" войти прочно в нашу литературу".

ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ

184 стр. Цена : 54.- фр.

С. Клычков — один из самых видных прозаиков 20-х годов. Но он не переставал писать стихи. Для Есенина он "истинно прекрасный народный поэт". Для Ахматовой "поэт своеобразный". В "Избранное" вошли многие стихотворения, публикуемые впервые.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ — Отгиск

Новая книга стихов (1983-1985)

70 стр. Цена : 42.- фр.

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 4 JUILLET 1985
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9148

ВЕСТНИК

Основан в 1925 году

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — *East* :

Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.Y. 07302, USA.

— *West* :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :

«Aid to the Russian Church» (Miss Ellis), Schoolhouse,
Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.
